ВЛАДИМИР

МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

1917—1921

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Подготовка текста и примечания
Н. В. РЕФОРМАТСКОЙ

В. МАЯКОВСКИЙ
1918 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1917—1921)

НАШ МАРШ

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг, луг,
выстели дно дням.
Ра́дуга, дай дуг
лет быстролётным коням.

Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша — медь литавр.

[1917]

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штучки:

от первой до третьей — люди,
четвертая была верблюдик.

К ним, любопытством объятая,
по дороге пристала пятая,

от нее в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.

И, не знаю, спугнула шестая ли,
тучки взяли все — и растаяли.

И следом за ними, гонясь и сжирав,
солнце погналось — желтый жираф.

[*1917—1918*]

ВЕСНА

Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
глупа и болтлива, как юнкер.

[1918]

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб.—

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала!—
— Упала лошадь!—
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течет по-своему...

Подошел и вижу —
за каплищей каплища
по морде катится,
прячется в ше́рсти...

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла́,
только
лошадь
рванулась,
встала на́ ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.

[1918]

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеянному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человечий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборовы
тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боровы

взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава».
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды!—
и мое,
поэтово
— о, четырежды славься, благословенная!—

[1918]

ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВА

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады!—
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.
Довольно шагать, футуристы,
в будущее прыжок!
Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
поя и свища.
Есть еще хорошие буквы:
Эр,
Ша,
Ща.
Это мало — построить пáрами,
распушить по штанине канты
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащи́те рояли,
барабан из окна багром!
Барабан,
рояль раскроя́ ли,

но чтоб грохот был,
чтоб гром.
Это что — корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдых
осовелыми глазками хлопать.
Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!

[*1918*]

РАДОВАТЬСЯ РАНО

Будущее ищем.
Исходили вёрсты торцов.
А сами
расселились кладби́щем,
придавлены плитами дворцов.
Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
Стодюймовками глоток старье расстреливай!
Сеете смерть во вражьем стане.
Не попадись, капитала наймиты.
А царь Александр
на площади Восстаний
стоит?
Туда динамиты!
Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?
Старье охраняем искусства именем.
Или
зуб революций ступился о короны?

Скорее!
Дым развейте над Зимним —
фабрики макаронной!
Попалили денек-другой из ружей
и думаем —
старому нос утрем.
Это что!
Пиджак сменить сиаружи —
мало, товарищи!
Выворачивайтесь нутром!

[*1918*]

ПОЭТ РАБОЧИЙ

Орут поэту:
«Посмотреть бы тебя у токарного станка.
А что стихи?
Пустое это!
Небось работать — кишка тонка».
Может быть,
нам
труд
всяких занятий роднее.
Я тоже фабрика.
А если без труб,
то, может,
мне
без труб труднее.
Знаю —
не любите праздных фраз вы.
Ру́бите дуб — работать дабы.
А мы
не деревообделочники разве?
Голов людских обделываем дубы.
Конечно,
почтенная вещь — рыбачить.
Вытащить сеть.
В сетях осетры б!
Но труд поэтов — почтенный паче —
людей живых ловить, а не рыб.
Огромный труд — гореть над горном,
железа шипящие класть в закал.

Но кто же
в безделье бросит укор нам?
Мозги шлифуем рашпилем языка.
Кто выше — поэт
или техник,
который
ведет людей к вещественной выгоде?
Оба.
Сердца — такие ж моторы.
Душа — такой же хитрый двигатель.
Мы равные.
Товарищи в рабочей массе.
Пролетарии тела и духа.
Лишь вместе
вселенную мы разукрасим
и маршами пустим ухать.
Отгородимся от бурь словесных молом.
К делу!
Работа жива и нова.
А праздных ораторов —
на мельницу!
К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова.

[*1918*]

ТОЙ СТОРОНЕ

Мы
не вопль гениальничанья —
«все дозволено»,
мы
не призыв к ножовой расправе,
мы
просто
не ждем фельдфебельского
«вольно!»,
чтоб спину искусства размять,
расправить.

Гарцуют скелеты всемирного Рима
на спинах наших.
В могилах мало́ им.
Так что ж удивляться,
что непримиримо
мы
мир обложили сплошным «долоем».

Характер различен.
За целость Венеры вы
готовы щадить веков камарилью.
Вселенский пожар размочалил нервы.
Орете:
«Пожарных!
Горит Мурильо!»

А мы —
не Корнеля с каким-то Расином —
отца,—
предложи на старье меняться,—
мы
и его
обольем керосином
и в улицы пустим —
для иллюминаций.
Бабушка с дедушкой.
Папа да мама.
Чинопочитанья проклятого тина.
Лачуги рушим.
Возносим дома мы.
А вы нас —
«ловить арканом картинок!?»

Мы
не подносим —
«Готово!
На блюде!
Хлебайте сладкое с чайной ложицы!»
Клич футуриста:
были б люди —
искусство приложится.

В рядах футуристов пусто.
Футуристов возраст — призыв.
Изрубленные, как капуста,
мы войн,
революций призы.
Но мы
не зовем обывателей гроба.
У пьяной,
в кровавом пунше,
земли —
смотрите!—
взбухает утроба.
Рядами выходят юноши.
Идите!
Под ноги —

топчите ими —
мы
бросим
себя и свои творенья.
Мы смерть зовем рожденья во имя.
Во имя бе́га,
паренья,
реянья.
Когда ж
прорвемся сквозь заставы,
и праздник будет за болью боя,—
мы
все украшенья
расставить заставим —
любите любое!

[*1918*]

ЛЕВЫЙ МАРШ

(Матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами го́ря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат на́нятой,
стальной изливаются ле́евой,—
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

[*1918*]

В. В. МАЯКОВСКИЙ, А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ и Д. И. ЛЕЩЕНКО
Фото 1918 г.

ПОТРЯСАЮЩИЕ ФАКТЫ

Небывалей не было у истории в аннале
факта:
вчера,
сквозь иней,
звеня в «Интернационале»,
Смольный
ринулся
к рабочим в Берлине.
И вдруг
увидели
деятели сыска,
все эти завсегдатаи баров и опер,
триэтажный
призрак
со стороны российской.
Поднялся.
Шагает по Европе.
Обедающие не успели окончить обед —
в место это
грохнулся,
и над Аллеей Побед —
знамя
«Власть советов».
Напрасно пухлые руки взмóлены,—
не остановить в его неслышном карьере.
Раздавил
и дальше ринулся Смольный,
республик и царств беря барьеры.

И уже
из лоска
тротуарного глянца
Брюсселя,
натягивая нерв,
росла легенда
про Летучего голландца —
голландца революционеров.
А он —
по полям Бельгии,
по рыжим от крови полям,
туда,
где гудит союзное ржанье,
метнулся.
Красный встал над Парижем.
Смолкли парижане.
Стоишь и сладостным маршем манишь.
И вот,
восстанию в лапы о́тдана,
рухнула республика,
а он — за Ламанш.
На площадь выводит подвалы Лондона.
А после
пароходы
низко-низко
над океаном Атлантическим видели —
пронесся.
К шахтерам калифорнийским.
Говорят —
огонь из зева выделил.
Сих фактов оценки различна мерка.
Не верили многие.
Ловчились в спорах.
А в пятницу
утром
вспыхнула Америка,
землей казавшаяся, оказалась порох.
И если
скулит
обывательская моль нам:

— не увлекайтесь Россией, восторженные дети,—
я
указываю
на эту историю со Смольным.
А этому
я,
Маяковский,
свидетель.

[*1919*]

С ТОВАРИЩЕСКИМ ПРИВЕТОМ, МАЯКОВСКИЙ

Дралось
некогда
греков триста
сразу с войском персидским всем.
Так и мы.
Но нас,
футуристов,
нас всего — быть может — семь.
Тех
нашли у истории в пылях.
Подсчитали
всех, кто сражен.
И поют
про смерть в Фермопилах.
Восхваляют, что лез на рожон.
Если петь
про залезших в щели,
меч подъявших
и павших от,—
как не петь
нас,
у мыслей в ущелье,
не сдаваясь, дерущихся год?
Слава вам!
Для посмертной лести
да не словит вас смерти лов.
Неуязвимые, лезьте
по скользящим скалам слов.

Пусть
хотя б по капле,
по́ две
ваши души в мир вольются
и растят
рабочий подвиг,
именуемый
«Р е в о л ю ц и я».
Поздравители
не хлопают дверью?
Им
от страха
небо в овчину?
И не надо.
Сотую —
верю! —
встретим годовщину.

[*1919*]

МЫ ИДЕМ

Кто вы?
Мы
разносчики новой веры,
красоте задающей железный тон.
Чтоб природами хилыми не сквернили скверы,
в небеса шарахаем железобетон.
Победители,
шествуем по свету
сквозь рев стариков злючий.
И всем,
кто против,
советуем
следующий вспомнить случай.
Раз
на радугу
кулаком
замахнулся городовой:
— чего, мол, меня нарядней и чище! —
а радуга
вырвалась
и давай
опять сиять на полицейском кулачище.
Коммунисту ль
распластываться
перед тем, кто старей?
Беречь сохранность насиженных мест?
Это революция
и на Страстном монастыре
начертила:

«Не трудящийся не ест».
Революция
отшвырнула
тех, кто
рушащееся
оплакивал тысячью родов,
ибо знает:
новый грядет архитектор —
это мы,
иллюминаторы завтрашних городов.
Мы идем
нерушимо,
бодро.
Эй, двадцатилетние!
взываем к вам.
Барабаня,
тащите красок вёдра.
Заново обкрасимся.
Сияй, Москва!
И пускай
с газеты
какой-нибудь выродок
сражается с нами
(не на смерть, а на живот).
Всех младенцев перебили по приказу Ирода;
а молодость,
ничего —
живет.

[1919]

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез.
Военный вздымался вой.
Когда
над миром вырос
Ленин
огромной головой.
И зе́мли
сели на о́си.
Каждый вопрос — прост.
И выявилось
два

Страница записной книжки с черновой записью стихотворения «Владимир Ильич!».

в хао́се
мира
во весь рост.
Один —
животище на животище.
Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.
Встал
горой мускулистой.

Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем кого — мети!
Ноги знают,
чьими
трупами
им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.

Пожарами землю ды́мя,
везде,
где народ испле́нен,
взрывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это —
не стихов вееру
обмахивать юбиляра уют.—

Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

[1920]

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце áло.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.

И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведя,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —

жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему,—
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась,—
и степенность
забыв,
сижу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй!—
А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!

Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

[*1920*]

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ

Этот вечер решал —
не в любовники выйти ль нам?—
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:
«Страсти крут обрыв —
будьте добры,
отойдите.
Отойдите,
будьте добры».

[*1920*]

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ

Молнию метнула глазами:
«Я видела —
с тобой другая.
Ты самый низкий,
ты подлый самый...» —
И пошла,
и пошла,
и пошла, ругая.
Я ученый малый, милая,
громыханья оставьте ваши.
Если молния меня не убила —
то гром мне
ей-богу не страшен.

[*1920*]

Страница записной книжки с черновой записью стихотворения „Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче".

ГОРЕ

Тщетно отчаянный ветер
бился нечеловече.
Капли чернеющей крови
стынут крышами кровель.
И овдовевшая в ночи
вышла луна одиночить.

[1920]

* * *

Портсигар в траву
ушел на треть.
И как крышка
блестит
наклонились смотреть
муравьишки всяческие и травишка.
Обалдело дивились
выкрутас монограмме,
дивились сиявшему серебром
полированным,
не стоившие со своими морями и горами
перед делом человечьим
ничего ровно.
Было в диковинку,
слепило зрение им,
ничего не видевшим этого рода.
А портсигар блестел
в окружающее с презрением:
— Эх, ты, мол,
природа!

[*1920*]

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Мы идем
революционной лавой.
Над рядами
флаг пожаров ал.
Наш вождь —
миллионноглавый
Третий Интернационал.

В стены столетий
воль вал
бьет Третий
Интернационал.

Мы идем.
Рядов разливу нет истока.
Волгам красных армий нету устья.
Пояс красных армий,
к западу
с востока
опоясав землю,
полюсами пустим.

Нации сети.
Мир мал.
Ширься, Третий
Интернационал!

Мы идем.
Рабочий мира,
слушай!
Революция идет.
Восток в шагах восстаний.
За Европой
океанами пройдет, как сушей.
Красный флаг
на крыши ньюйоркских зданий.

В новом свете
и в старом
ал
будет
Третий
Интернационал.

Мы идем.
Вставайте, цветнокожие колоний!
Белые рабы империй —
встаньте!
Бой решит —
рабочим властвовать у мира в лоне
или
войнами звереть Антанте.

Те
или эти.
Мир мал.
К оружию,
Третий
Интернационал!

Мы идем!
Штурмуем двери рая.
Мы идем.
Пробили дверь другим.
Выше, наше знамя!

Серп,
огнем играя,
обнимайся с молотом радугой дуги.

В двери эти!
Стар и мал!
Вселенься, Третий
Интернационал!

[*1920*]

ВСЕМ ТИТАМ И ВЛАСАМ РСФСР

По хлебным пусть местам летит,
пусть льется песня басом.
Два брата жили. Старший Тит
жил с младшим братом Власом.

Был у крестьян у этих дом
превыше всех домишек.
За домом был амбар, и в нем
всегда был хлеба лишек.

Был младший, Влас, умен и тих.
А Тит был глуп, как камень.
Изба раз расползлась у них,
пол гнется под ногами.

«Смерть без гвоздей,— промолвил Тит,—
хоша мильон заплотишь,
не то, что хату сколотить,
и гроб не заколотишь».

Тит горько плачет без гвоздей,
а Влас обдумал случай
и рек: «Чем зря искать везде,
езжай, брат, в город лучше».

Телега молнией летит.
Тит снарядился скоро.
Гвоздей достать поехал Тит
в большой соседний город.

Приехал в этот город Тит
и с грустью смотрит сильной:
труба чего-то не коптит
над фабрикой гвоздильной.

Вбегает за гвоздями Тит,
но в мастерской холодной
рабочий зря без дел сидит.
«Я,— говорит,— голодный.

Дай, Тит, рабочим хлеб взаймы,
мы здесь сидим не жравши,
а долг вернем гвоздями мы
крестьянам, хлеба давшим».

Взъярился Тит: «Не дам, не дам
я хлеба дармоеду.
Не дам я хлеба городам,
и без гвоздя доеду».

В село обратно Тит летит,—
от бега от такого
свалился конь. И видит Тит:
оторвалась подкова.

Пустяк ее приколотить,
да нету ни гвоздишка.
И стал в лесу в ночевку Тит,
и Тит, и лошадишка.

Нет ни коня, ни Тита нет...
Селом ходили толки,
что этих двух во цвете лет
в лесу сожрали волки.

Телега снова собралась.
Не вспомнив Тита даже,
в соседний город гонит Влас,—
нельзя им без гвоздя же.

Вбежал в гвоздильню умный Влас,
рабочий дышит еле.
«Коль хлеб не получу от вас,
умру в конце недели».

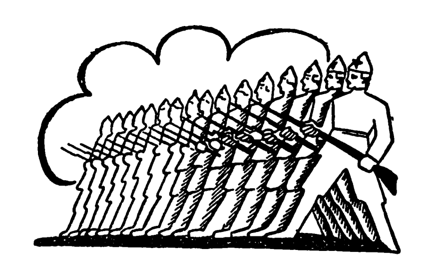
Влас молвил, Тита поумней:
«Ну что ж, бери, родимый,
наделаешь гвоздей и мне
ужо заплатишь ими».

Рабочий сыт, во весь свой пыл
в трубу дымище гонит.
Плуги, и гвозди, и серпы
деревне мчит в вагоне.

Ясней сей песни нет, ей-ей,
кривые бросим толки.
Везите, братцы, хлеб скорей,
чтоб вас не съели волки.

[*1920*]

СКАЗКА О ДЕЗЕРТИРЕ, УСТРОИВШЕМСЯ НЕДУРНЕНЬКО, И О ТОМ, КАКАЯ УЧАСТЬ ПОСТИГЛА ЕГО САМОГО И СЕМЬЮ ШКУРНИКА



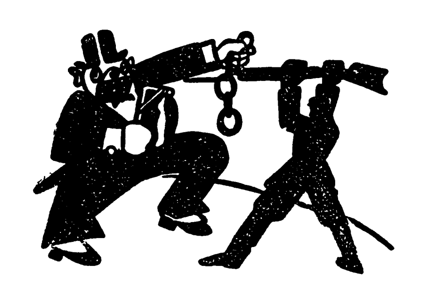
Хоть пока
победила
крестьянская рать,
хоть пока
на границах мир,
но не время
еще
в землю штык втыкать,
красных армий
ряды крепи!
Чтоб вовеки
не смел
никакой Керзон
брать на-пушку,
горланить ноты,—

даже землю паша,
помни
сабельный звон,
помни
марш
атакующей
роты.
Молодцом
на коня боевого влазь,
по земле
пехотинься пеший.
С неба
землю всю
глазами оглазь,
на железного
коршуна
севши.
Мир пока,
но на страже
красных годов
стой
на нашей
красной вышке.
Будь смел.
Будь умел.
Будь
всегда
готов
первым
ринуться
в первой вспышке.
Кто
из вас
не крещен
военным огнем,
кто считает,
что шкурнику
лучше?
Прочитай про это,
подумай о нем,
вникни
в этот сказочный случай.

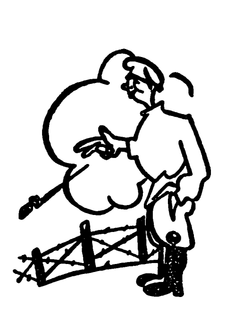
Защищая
рабоче-крестьянскую Русь,
встали
фронтами
красноармейцы.
Но — как в стаде
овца паршивая —
трус
и меж их
рядами
имеется.

Жил
в одном во полку
Силеверст Рябой.
Голова у Рябого —
пробкова.
Чуть пойдет
наш полк
против белых
в бой,

а его
и не видно,
робкого.

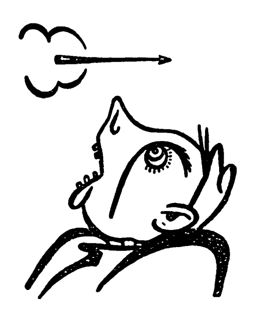


Дело ясное:
бьется рать,
горяча,
против
барско-буржуйского ига.
У Рябого ж
слово одно:
«Для ча
буду
я
на рожон прыгать?»



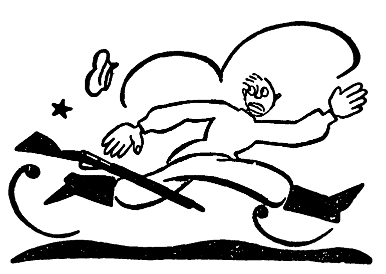
Встал стеною полк,
фронт раскинул
свой.

Силеверст
стоит в карауле.



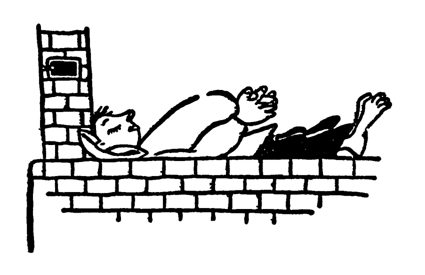
Подымает
пуля за пулей
вой.
Силеверст
испугался пули.
Дома
печь да щи.
Замечтал
Силеверст.

Бабья
рожа
встала
из воздуха.

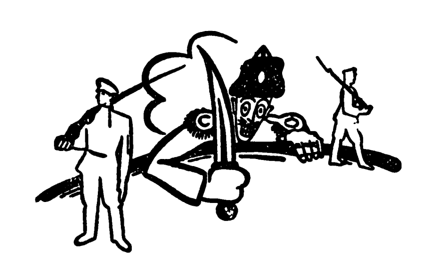


Да как дернет Рябой!
Чуть не тыщу верст
пробежал
без единого
роздыха.
Вот и холм,
и там
и дом за холмом,
будет
дома
в скором времечке.
Вот и холм пробежал,
вот плетень
и дом,
вот
жена его
лускает
семечки.

Прибежал,
пошел лобызаться
с женой,
чаю выдул —
стаканов до тыщи:

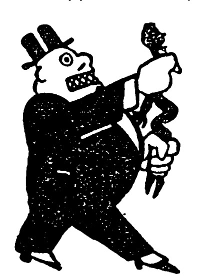


задремал,
заснул
и храпит,
как Ной,—
с ГПУ,
и то
не сыщешь.



А на фронте
враг
видит:
полк с дырой,
враг
пролазит
щелью этою.
А за ним
и золотозадый
рой
лезет в дырку,
блестит эполетою.

Поп,
урядник —
сивуха
течет по усам,
с ним —
петля
и прочие вещи.
Между ними —
царь,
самодержец сам,
за царем —
кулак
да помещик.



Лезут,
в радости,
аж не чуют ног,
где
и сколько занято мест ими?!
Пролетария
гнут в бараний рог,

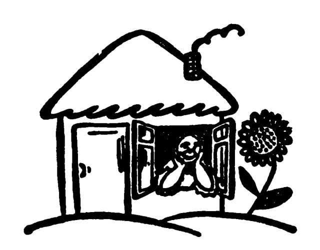
сыпят
в спину крестьян
манифестами.
Отошла
земля
к живоглотам
назад,
наложили
нало́жища
тяжкие.

Лишь свистит
в урядничьей ручке
лоза́ —
знай, всыпает
и в спину
и в ляжки.

Улизнувшие
бары
едут в дом.

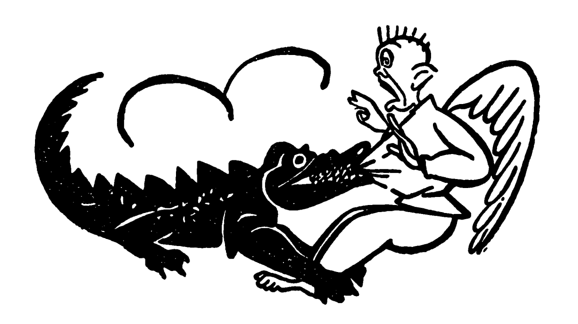
Мчит буржуй.
Не видали три года, никак.

Снова
школьника
поп
обучает крестом —
уважать заставляет
угодников.
В то село пришли,
где храпел
Силеверст.
Видят —
выглядит
дом
аккуратненько.



Тычет
в хату Рябого
исправничий
перст,
посылает занять
урядника.

Дурню
снится сон:
де в раю живет
и галушки
лопает тыщами.
Вдруг
как хватит
его
крокодил
за живот!



То урядник
хватил
сапожищами.

«Как ты смеешь спать,
такой рассякой,
мать твою растак
да разэтак!
Я тебя запорю,
я тебя засеку
и повешу
тебя
напоследок!» —
«Барин!» —
взвыл Силеверст,
а его
кнутом

хвать помещик
по сытой роже.

«Подавай
и себя,
и поля,
и жену
и дом,
помещику
тоже!»
И пошел
прошибать
Силеверста
пот,
вновь
припомнил
барщины му́ку,

а жена его
на дворе
у господ
грудью
кормит
барскую суку.

Сей истории
прост
и ясен сказ,—

посмотри,
как наказаны дурни;

чтобы то же
не стряслось и у вас,—
да не будет
меж вами
шкурник.
Нынче
сына
даем
не царям на зарез,—
за себя
этот бőище
начат.
Провожая
рекрутов
молодолес,
провожай поя,
а не плача.
Чтоб помещики
вновь
не взнуздали вас,
не в пример
Силеверсту бедняге,—
провожая
сынов,
давайте наказ:
будьте
верными
красной присяге.

[1920—1923]

РАССКАЗ ПРО ТО, КАК КУМА О ВРАНГЕЛЕ ТОЛКОВАЛА БЕЗ ВСЯКОГО УМА

СТАРАЯ, НО ПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ

Врангель прет.
Отходим мы.
Врангелю удача.
На базаре
две кумы,
вставши в хвост, судачат:
— Кум сказал,—
а в ём ума —
я-то куму верю,—
что барон-то,
слышь, кума,
меж Москвой и Тверью.
Чуть не даром
все
в Твери
стало продаваться.
Пуд крупчатки...
— Ну,
не ври!—
пуд за рупь за двадцать.
— А вина, скажу я вам!
Дух над Тверью водочный.

Пьяных
лично
по домам
водит околоточный.
Влюблены в барона власть
левые и правые.
Ну, не власть, а прямо сласть,
просто — равноправие.

Встали, ртом ловя ворон.
Скоро ли примчится?
Скоро ль будет царь-барон
и белая мучица?

Шел волшебник мимо их.
— На́,— сказал он бабе,—
скороходы-сапоги,
к Врангелю зашла бы!—
В миг обувшись,
шага в три
в Тверь кума на это.
Кум сбрехнул ей:
во-Твери
власть стоит советов.
Мчала баба суток пять,
рвала юбки в ветре,
чтоб баронский
увидать
флаг
на Ай-Петри.
Разогнавшись с дальних стран,
удержаться силясь,
баба
прямо
в ресторан
в Ялте опустилась.

В «Грандотеле»
семгу жрет
Врангель толсторожий.
Разевает баба рот
на рыбешку тоже.

Метрдотель
желанья те
зрит —
и па подносе
ей
саженный метрдотель
карточку подносит.
Всё в копеечной цене.
Съехал сдуру разум.
Молвит баба:
— Дайте мне
всю программу разом!—

От лакеев мчится пыль.
Прошибает пот их.
Мчат котлеты и супы,
вина и компоты.
Уж из глаз еда течет
у разбухшей бабы!
Наконец-то
просит счет
бабин голос слабый.
Вся собралась публика.
Стали щелкать счеты.
Сто четыре рублика
выведено в счете.
Что такая сумма ей?!
Даром!
С неба манна.
Двести вынула рублей
баба из кармана.

Отскочил хозяин.
— Нет! —
(Бледность мелом в роже.)
Наш-то рупь не в той цене,
наш в миллион дороже.—
Завопил хозяин лют:
— Знаешь разницу валют?!

Беспортошных нету тут,
генералы тута пьют!—
Возопил хозяин в яри:
— Это, тетка, что же!
Этак
каждый пролетарий
жрать захочет тоже.—
— Будешь знать, как есть и пить!—
все завыли в злости.
Стал хозяин тетку бить,
метрдотель
и гости.

Околоточный
на шум
прибежал из части.
Взвыла баба:
— Ой,
прошу,
защитите, власти!—
Как подняла власть сия
с шпорой сапожища...
Как полезла
мигом
вся
вспять
из бабы пища.

— Много,— молвит,— благ в Крыму
только для буржуя,
а тебя,
мою куму,
в часть препровожу я.—

Влезла
тетка
в скороход

пред тюремной дверью,
как задала тетка ход —
в Эрэсэфэсэрью.

Бабу видели мою,
наши обыватели?
Не хотите
                    в том раю
сами побывать ли?!

[*1920*]

СКАЗКА ДЛЯ ШАХТЕРА-ДРУГА ПРО ШАХТЕРКИ, ЧУНИ И КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

Раз шахтеры
            шахты близ
распустили нюни:
мол, шахтерки продрались,
обносились чуни.
Мимо шахты шел шептун.
Втерся тихим вором.
Нищету увидев ту,
речь повел к шахтерам:
«Большевистский этот рай
хуже, дескать, ада.
Нет сапог, а уголь дай.
Бастовать бы надо!
Что за жизнь,— не жизнь, а гроб...»
Вдруг
      забойщик ловкий
шептуна
        с помоста сгреб,
вниз спустил головкой.
«Слово мне позвольте взять!
Брось, шахтер, надежды!
Если будем так стоять,—
будем без одежды.
Не сошьет сапожки бог,
не обует ноженьки.
Настоишься без сапог,
помощь ждя от боженьки.

Чтоб одели голяков,
фабрик нужен ряд нам.
Дашь для фабрик угольков,—
будешь жить нарядным.
Эй, шахтер,
куда ни глянь,
от тепла
до света,
даже пища от угля —
от угля все это.
Даже с хлебом будет туго,
если нету угля.
Нету угля —
нету плуга.
Пальцем вспашешь луг ли?
Что без угля будешь есть?
Чем еду посолишь?
Чем хлеба́ и соль привезть
без угля изволишь?
Вся страна разорена.
Где ж работать было,
если силой всей она
вражьи силы била?
Биты белые в боях.
Все за труд!
За пользу!
Эй, рабочий,
Русь твоя!
Возроди и пользуй!
Все добудь своей рукой —
сапоги,
рубаху!
Так махни ж, шахтер, киркой —
бей по углю смаху!..»

И призыв горячий мой
не дослушав даже,
забивать пошли забой,
что ни день — то сажень.
Сгреб отгребщик уголь вон,

вбил крепильщик клетки,
а по штрекам
коногон
гонит вагонетки.

В труд ушедши с головой,
вагонетки эти
принимает стволовой,
нагружает клети.
Вырвав тыщей дружных сил
из подземных сводов,
мчали уголь по Руси,
черный хлеб заводов.
Встал от сна России труп —
ожила громада,
дым дымит с фабричных труб,
все творим, что надо.
Сапоги для всех, кто бос,
куртки всем, кто голы,
развозил электровоз
чрез леса и долы.
И шахтер одет,
обут,
носом в табачишке.
А еды!—
Бери хоть пуд —
всякой снеди лишки.
Жизнь привольна и легка.
Светит уголь,
греется.
Всё у нас —
до молока
птичьего
имеется.

Я, конечно, сказку сплел,
но скажу для друга:
будет вправду это все,
если будет уголь!

[1921]

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Слава тебе, краснозвездный герой!
Землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма.
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шеи,—
телами рвы заполняли вы,
по трупам перейдя перешеек.
Они
за окопами взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою,—
а вы
отобрали у них Перекоп
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава,—
удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем —
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.

В одну благодарность сливаем слова
тебе,
краснозвездная лава.
Во веки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

[1920—1921]

О ДРЯНИ

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)

Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.

Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне —
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спаленки.

И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
«Товарищ Надя!
К празднику прибавка —
24 тыщи.
Тариф.
Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф!»
А Надя:
«И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурять я
на балу в Реввоенсовете?!»
На стенке Маркс.
Рамочка áла.
На «Известиях» лежа, котенок греется.
А из-под потолочка
верещала
оголтелая канареица.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:
«Опутали революцию обывательщины нити.

Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»

[*1920—1921*]

НЕРАЗБЕРИХА

Лубянская площадь.
На площади той,
как грешные верблюды в конце мира,
орут папиросники:
«Давай, налетай!
«Мурсал» рассыпной!
Пачками «Ира»!

Никольские ворота.
Часовня у ворот.
Пропахла ладаном и елеем она.
Тиха,
что воды набрала в рот,
часовня святого Пантеле́ймона.

Против Никольских — Наркомвнудел.
Дела и люди со дна до крыши.
Гремели двери,
авто дудел.
На площадь
чекист из подъезда вышел.
«Комиссар!!» — шепнул, увидев наган,
мальчишка один,
юркий и скользкий,
а у самого
на Лубянской одна нога,
а другая —
на Никольской.

Чекист по делам на Ильинку шел,
совсем не в тот
и не из того отдела,—
весь день гонял,
устал как вол.
И вообще —
какое ему до этого дело?!
Мальчишка
с перепугу
в часовню шасть.
Конспиративно закрестились папиросники.
Набились,
аж яблоку негде упасть!

Возрадовались святители,
апостолы
и постники.

Дивится Пантеле́ймон:
— Уверовали в бога! —
Дивится чекист:
— Что они,
очумели?! —
Дивятся мальчишки:
— Унесли, мол, ноги! —
Наудивлялись все,
аж успокоились еле.
И вновь по-старому.
В часовне тихо.
Чекист по улицам гоняет лих.

Черт его знает какая неразбериха!
А сколько их,
таких неразберих?!

[*1921*]

ДВА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ СЛУЧАЯ

Ежедневно
как вол жуя,
стараясь за строчки драть,—
я
не стану писать про Поволжье:
про ЭТО —
страшно врать.
Но я голодал,
и тысяч лучше я
знаю проклятое слово — «голодные!»
Вот два,
не совсем обычные, случая,
на ненависть к голоду самые годные.

Первый.—
Кто из петербуржцев
забудет 18-й год?!
Над дохлым лошадьем воро́ны кружатся.
Лошадь за лошадью падает на лед.
Заколачиваются улицы ровные.
Хвостом виляя,
на перекрестках
собаки дрессированные
просили милостыню, визжа и лая.
Газетам писать не хватало духу —
но это ж передавалось изустно:
старик
удушил

жену-старуху
и ел частями.
Злился —
невкусно.
Слухи такие
и мрущим от голода,
и сытым сумели глотки свесть.
Из каждой по́ры огромного города
росло ненасытное желание есть.
От слухов и голода двигаясь еле,
раз
сам я,
с голодной тоской,
остановился у витрины Эйлерса —
цветочный магазин на углу Морской.
Малы — аж не видно! — цветочные точки,
нули ж у цен
необъятны длиною!
По булке должно быть в любом лепесточке.
И вдруг,
смотрю,
меж витриной и мною —
фигурка человечья.
Идет и валится.
У фигурки конская голова.
Идет.
И в собственные ноздри
пальцы
воткнула.
Три или два.
Глаза открытые мухи обсели,
а сбоку
жила из шеи торчала.
Из жилы
капли по улицам сеялись
и стыли черно́, кровянея сначала.
Смотрел и смотрел на ползущую тень я,
дрожа от сознанья невыносимого,
что полуживотное это —
виденье! —
что это

людей вымирающих символ.
От этого ужаса я — на попятный.
Ищу машинально чернеющий след.
И к туше лошажьей приплелся по пятнам.
Где ж голова?
Головы и нет!
А возле
с каплями крови присохлой,
блестел вершок перочинного ножичка —
должно быть,
тот
работал над дохлой
и толстую шею кромсал понемножечко
Я понял:
не символ,
стихом позолоченный,
людская
реальная тень прошагала.
Быть может,
завтра
вот так же точно
я здесь заработаю, скалясь шакалом.

Второй.—
Из мелочи выросло в это.
Май стоял.
Позапрошлое лето.
Весною ширишь ноздри и рот,
ловя бульваров дыханье липовое.
Я голодал,
и с другими
в черед
встал у бывшей кофейни Филиппова я.
Лет пять, должно быть, не был там,
а память шепчет еле:
«Тогда
в кафе
журчал фонтан
и плавали форели».
Вздуваемый памятью рос аппетит;
какой ни на есть,

но по крайней мере —
обед.
Как медленно время летит!
И вот
я втиснут в кафейные двери.
Сидели
с селедкой во рту и в посуде,
в селедке рубахи,
и воздух в селедке.
На черта ж весна,
если с улиц
люди
от лип
сюда влипают все-таки!
Едят,
дрожа от голода голого,
вдыхают радостью душище едкий,
а нищие молят:
подайте головы.
Дерясь, получают селедок объедки.

Кто б вспомнил народа российского имя,
когда б не бросали хребты им в горсточки?!
Народ бы российский
сегодня же вымер,
когда б не нашлось у селедки косточки.
От мысли от этой
сквозь грызшихся кучку,
громя кулаком по ораве зверьей,
пробился,
схватился,
дернул за ручку —
и выбег,
селедкой обмазан —
об двери.

Не знаю,
душа пропахла,
рубаха ли,
какими водами дух этот смою?

Полгода
звезды селедкою пахли,
лучи рассыпая гнилой чешуею.

Пускай
полусытый,
доволен я нынче:
так, может, и кончусь, голод не видя,—
к нему я
ненависть в сердце вынянчил,
превыше всего его ненавидя.
Подальше прочую чушь забрось,
когда человека голодом сводит.
Хлеб! —
вот это земная ось:
на ней вертеться и нам и свободе.
Пусть бабы баранки на Трубной нижут,
и ситный лари Смоленского ломит,—
я день и ночь Поволжье вижу,
солому жующее, лежа в соломе.

Трубите ж о голоде в уши Европе!
Делитесь и те, у кого немного!
Крестьяне,
ройте пашен окопы!
Стреляйте в него
мешками налога!
Гоните стихом!
Тесните пьесой!
Вперед врачей целебных взводы!
Давите его дымовою завесой!
В атаку, фабрики!
В ногу, заводы!
А если
воплю голодных не внемлешь,—
чужды чужие голод и жажда вам,—
он
завтра
нагрянет на наши земли ж
и встанет здесь
за спиною у каждого!

[*1921*]

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

Сапоги почистить — 1 000 000.
Состояние!
Раньше б дом купил —
и даже неплохой.

Привыкли к миллионам.
Даже до луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня черт
писать один отчет.
«Что это такое?» —
спрашивает с тоскою
машинистка.
Ну, что отвечу ей?!
Черт его знает, что это такое,
если сзади
у него
тридцать семь нулей.
Недавно уверяла одна дура,
что у нее
тридцать девять тысяч семь сотых температура.
Так привыкли к этаким числам,
что меньше сажени число и не мыслим.
И нам,
если мы на митинге ревем,

рамки арифметики, разумеется, у́зки —
все разрешаем в масштабе мировом.
В крайнем случае — масштаб общерусский.
«Электрификация!?» — масштаб всероссийский.
«Чистка!» — во всероссийском масштабе.
Кто-то
даже,
чтоб избежать переписки,
предлагал —
сквозь землю
до Вашингтона кабель.

Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя
— четырехлетний навык! —
тащусь меж кана́вищ,
канав,
канавок.
И то
— на лету вспоминая маму —
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочаемся с боку на́ бок.
Что бабе масштаб грандиозный наш?!
Бабе грязью обдало рыло,
и баба,
взбираясь с этажа на этаж,
сверху

и меня
и власти крыла.
Правдив и свободен мой вещий язык
и с волей советскою дружен,
но, натолкнувшись на эти низы,
даже я запнулся, сконфужен.
Я
на сложных агитвопросах рос,
а вот
не могу объяснить бабе,
почему это
о грязи
на Мясницкой
вопрос
никто не решает в общемясницком масштабе?!

[*1921*]

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ

Это вам —
упитанные баритоны —
от Адама
до наших лет,
потрясающие театрами именуемые притоны
ариями Ромеов и Джульетт.

Это вам —
пентры,
раздобревшие как кони,
жрущая и ржущая России краса,
прячущаяся мастерскими,
по-старому драконя
цветочки и телеса.

Это вам —
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв —
футуристики,
имажинистики,
акмеистики,
запутавшиеся в паутине рифм.
Это вам —
на растрепанные сменившим
гладкие прически,
на лапти — лак,
пролеткультцы,
кладущие заплатки
на вылинявший пушкинский фрак.

Это вам —
пляшущие, в дуду дующие,
и открыто предающиеся,
и грешащие тайком,
рисующие себе грядущее
огромным академическим пайком.
Вам говорю
я —
гениален я или не гениален,
бросивший безделушки
и работающий в Росте,
говорю вам —
пока вас прикладами не прогнали:
Бросьте!

Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.
Кому это интересно,
что — «Ах, вот бедненький!
Как он любил
и каким он был несчастным...»?
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.
Слушайте!
Паровозы стонут,
дует в щели и в пол:
«Дайте уголь с Дону!
Слесарей,
механиков в депо!»

У каждой реки на истоке,
лежа с дырой в боку,
пароходы провыли доки:
«Дайте нефть из Баку!»

Пока канителим, спорим,
смысл сокровенный ища:
«Дайте нам новые формы!» —
несется вопль по вещам.

Нет дураков,
ждя, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи,
дайте новое искусство —
такое,
чтобы выволочь республику из грязи.

[1921]

СТИХИ-ТЕКСТЫ К РИСУНКАМ И ПЛАКАТАМ

1918—1921

ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИИ

ГЕРОИ

Рабочий

Стали орлы из рабов.
Отчего?
Спроси рабочего.

Красноармеец

Если красное знамя рдеется,
если люди дорвались до света,
это дело красноармейца,
первой опоры Совета.

Батрак

Эх! и потрудилась для дела свобод рука
батрака.

Матрос

Потрудился в октябре я,
день и ночь буржуев брея.

Швея

Довольно купчихам строчить тряпицы.
Золотом знамя теперь расшей-ка!
Октябрь идет, пора торопиться.
Вперед, швейка!

Прачка

Довольно поотносились ласково,
заждались Нева, Фонтанка и Мойка.
Прачка! Буржуя иди прополаскивать!
Чтоб был белее, в Неве промой-ка!

Автомобилист

Если белогвардеец задрожит, как лист,
и кучи его рассыплются, воя,—
это едет автомобилист
машиной броневою.

Телеграфист

Это я о врагах — где конный, где пеший —
восставшим товарищам слал депеши.

Железнодорожник

Ни сайка не достанется, ни рожь никому,
коли забудем железнодорожника мы.

ЖЕРТВЫ

Заводчик

Резвясь, жила синица-птица
за мóрем и за вóдами.
И день и ночь бедняге снится,
как он владел заводами.

Банкир

Все буржуи в панике —
отобрали банки.
Долю не найдешь другую
тяжелей банкирочной —
встал, селедками торгуя,
на углу у Кирочной.

Помещик

У кого кулак, как пуд?
Кто свиньи щекастей?
Отобрали всё,— капут
помещичьей касте.

Кулак

Бочки коньяку лакал,
нынче сдох от скуки ж.
И теперь из кулака
стал я просто кукиш.

Барыня

Расстрелялись парни,
беспокойство барыне.
Надоел хозяйке пост,
самолично стала в хвост.

Поп

Развевались флаги ало
по России-матушке.
Больше всех попам попало,
матушке и батюшке.

Бюрократ

Сидел себе, попивал и покрадывал.
Упокой, господи, душу бюрократову.

Генерал

И честь никто не отдает,
и нет суконца алого,—
рабочему на флаг пошла
подкладка генералова.

Купец

Эх, пойду, мои отцы,
с горя нализаться я.
Света близятся концы —
национализация.

[1918]

СОВЕТСКАЯ АЗБУКА

А

Антисемит Антанте мил.
Антанта — сборище громил.

Б

Большевики буржуев ищут.
Буржуи мчатся верст за тышу.

В

Вильсон важнее прочей птицы.
Воткнуть перо бы в ягоди́цы.

Г

Гольц фон-дер прет на Ригу. Храбрый!
Гуляй, пока не взят за жабры!

Д

Деникин было взял Воронеж.
Дяденька, брось, а то уронишь.

Е

Европой правит Лига наций.
Есть где воришкам разогнаться!

Ж

Железо куй, пока горячее.
Жалеть о прошлом — дело рачье.

З

Земля собой шарообразная,
За Милюкова — сволочь разная.

И

Интеллигент не любит риска.
И красен в меру, как редиска.

К

Корове трудно бегать быстро.
Керенский был премьер-министром.

Л

Лакеи подают на блюде.
Ллойд-Джордж служил и вышел в люди.

М

Меньшевики такие люди —
Мамашу могут проиудить.

Н

На смену вам пора бы, Носке!
Носки мараются от нóски.

О

Ох, спекулянту хоть повеситься!
Октябрь идет. Не любит месяца.

П

Попы занялись делом хлебным —
Погромщиков встречать молебном.

Р

Рим — город и стоит на Тибре.
Румыны смотрят, что бы стибрить.

С

Сазонов послан вновь Деникиным.
Сиди послом, пока не выкинем!

Т

Тот свет — буржуям отдых сладкий
Трамваем *Б* без пересадки!

У

У «правых» лозунг «учредилка».
Ужели жив еще курилка!?

Ф

Фазан красив. Ума ни унции.
Фиуме спьяну взял д'Аннунцио.

Х

Хотят в Москву пробраться Шкуры.
Хохочут утки, гуси, куры.

Ц

Цветы благоухают к ночи.
Царь Николай любил их очень.

Ч

Чалдон на нас шел силой ратной.
Чи не пойдете ли обратно?!!

Ш

Шумел Колчак, что пароход.
Шалишь, верховный! Задний ход!

Щ

Щетина украшает борова.
Щенки Антанты лают здорово.

Э

Экватор мучает испарина.
Эсера смой — увидишь барина.

Ю

Юнцы охочи зря приврать.
Юденич хочет Питер брать.

Я

Японцы, всуе белых учите!
Ярмо микадо нам не всучите.

[*1919*]

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ В ЖУРНАЛЕ „БОВ“

ПРО ТО, КАК ЗА НЕМЦАМИ, НА ДЕНЕЖКИ АНТАНТЫ, ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ДВИНУЛИСЬ, ДЛЯ „УДУШЕНИЯ“ НАНЯТЫ

Думал их превосходительство:
«Попотчую
я эту самую сволочь рабочую!»
А рабочий думал:
«Ну-ка,
садану-ка!

1. Садану я милова.
Матушки!
Милова Корнилова.
Батюшки!»
2. Саданул, а сбоку снова.
Матушки!
Что же, смажем и Краснова.
Батюшки!
3. А с лица и злющ и вреден,—
Матушки!
на него попер Каледин.
Батюшки!
4. Вдрызг! Враги ль не все его?
Матушки!
Видит Алексеева.
Батюшки!
5. Генерал попал под палку.
Матушки!

Четыре рисунка Маяковского к „Советской азбуке“

1919 г.

Скоропадский лезет в свалку.
Батюшки!
6. Саданул его я. Эх!
Матушки!
А с боков словако-чех.
Батюшки!
7. Как взмахнул я палицей.
Матушки!
Все на версты валится.
Батюшки!
8. Да беда пришла почище.
Матушки!
Прет из щели Колчачище.
Батюшки!!!

9. Аж Юденич с Деникиным
подняли вой
на зависть
всяческим операм,
когда адмирала
в Байкал головой
ввинтили
красные штопором.

[1919]

РАНЬШЕ:

1. «Мы победим!» —
говорили мы.
«Утопия! —
говорила буржуазия.—
В порошок сотру,
лень только нагибаться до́ пола!»
2. А через несколько времени
в утопии и утопла.

ТЕПЕРЬ:

3. На электрификацию глазками пучится.
«Утопия!—
говорит,—
ничего не получится!»
4. Дождетесь, буржуи!
Будет Нью-Йорк в Тетюшах,
будет рай в Шуе.

[*1921*]

*

1. Беспечность хуже всякого белогвардейца.
Для таких коммуна никогда не зардеется.

*

2. Расхлябанность — белогвардейщина вторая.
Только дисциплина доведет до рая.

*

3. Третья белогвардейщина — советский бюрократ.
Противней царского во сто крат.

[1921]

МИЛЬЕРАН

Чем на этот рисунок глазами хлопать,
не дай себя разрухе слопать.

КЛЕМАНСО[1]

Ползет. Не мешай ей.
Ногтем случайно не смахни с полей.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ

Какой там Бов?
Дело новое!
Не хочу признавать никакого Бова я.

[1921]

[1] Маленький рисунок на полях журнала — Клемансо в виде мухи.

ЛОЗУНГИ ДЛЯ ЖУРНАЛА „БОВ“

*

Бей Бовом
по головам дубовым.

*

Если наш Бов тебе нравится,—
спеши, товарищ, с разрухой справиться.

[*1921*]

ПЛАКАТЫ

ЭЙ, КРЕСТЬЯНИН, ЕСЛИ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ О НАЛОГЕ ДЕКРЕТА, ПОЧИТАЙ, ПОСМОТРИ И ОБДУМАЙ ЭТО

Коммунистическая партия — друг крестьянину истый.
Вот, что говорил Ленин,
вот что приняли на партийном съезде коммунисты:

1. Эй, крестьянин, пойми ты,
разверстка прошла недаром —
твои враги, помещиков наймиты,
разбиты красноармейским ударом.

2. Теперь разверстка отменена,
работай, не зная лени!
Лишь дай с нищетой справиться нам,
мы и налог отменим.

3. Греми по крестьянам декрета клич:
«За плуг, лишь утро забрезжит!
Засев и запашку скорей увеличь,
чтоб больше осталось тебе же!»

4. Крестьянин с рабочим в мире будь!
Антанта лишь ждет раздора,
чтоб к горлу крестьянина вновь протянуть
лапу помещика-вора.

5. Чтоб крестьянин свободней распоряжался
своими продуктами,
чтоб крестьянин на улучшение хозяйства
налег,—
тяжкая разверстка отменяется,
вводится посильный налог.

6. Нет лучше прогрессивного налога:
меньше дает тот, у кого капитала мало,
больше тот, у кого много.

7. Круговой поруки нет,
сам за себя отвечает
каждый, не выполнивший декрет.

8. Если крестьянин пожелает излишки сдать,
государство за излишки обязано тут же
или предметы широкого потребления,
или инвентарь сельскохозяйственный дать.

9. Будет взиматься меньше, чем раньше взималось.
Только для Красной Армии,
только для голодных рабочих
берется самая малость.

10. Чтоб крестьянин знал, что он для себя,
не только для государства, проливает пот,
размер налога устанавливается
до начала полевых работ.

11. Сдай налог, а остальной фураж,
остальное сырье и продовольствие
хочешь храни,
хочешь продай,
хочешь ешь в свое удовольствие.

12. Чтоб знали все, что советская власть
на благо трудящихся правит и правила,
будет производиться помощь беднейшим
по особо установленным правилам.

Крестьянин, после этого декрета будешь свободно хлеб
менять, хранить и есть.
Помни, что по настоянию коммунистической партии
этот декрет решили ввесть.

[*1921*]

ДЕКРЕТ О НАТУРАЛЬНОМ НАЛОГЕ НА ХЛЕБ, КАРТОФЕЛЬ И МАСЛИЧНЫЕ СЕМЕНА

1. Вот налог крестьянский на́ год:
нынче вдвое меньше тягот.
2. На хозяйство приналяжешь,—
втрое легче станет даже.
При разверстке в прошлый год
ведь собрали столько вот.
При разверстке столько отдал
чуть не в половину года.
3. Словом, так или иначе
будут лишки после сдачи.
4. И с картошкой легче много,
вдвое легче от налога.
Меньше этого иль выше
и в картошке будет лишек.
5 Ты картошки этой часть
дома съешь с семейством всласть.
6. А другую часть на воз
навалил и в город свез.
7. Хоть разверстка была для крестьянства
клеткою, да пришлось установить повинность
этакую.
Пришлось такой тяжелой ценой
армию кормить, измученную войной.
8. А вот почему налогу каждое хозяйство радо:
в налоге этом одиннадцать разрядов.
А более правильных расчетов ради
7 групп в каждом разряде.

Если с клеткой способ разверстки схож,
то налог на дворец похож.
77 во дворце покоев.
Ищи помещение, подходящее какое.
А комнат в нем 77.
Справедливое помещение найдется всем.
9. Чтобы взялись все за труд,
ото всех налог берут.
Коль крестьянам город нужен,
дай ему обед и ужин.
10. Чтоб налог вам в тягость не́ был,
засевайте больше хлеба.
Чтоб росли излишки ваши,
засевайте больше пашни.
11. Чтоб больше положенного не взыскали никакие
лица,
установлена точная налоговая таблица.
Способ употребления таблицы таков:
скажем, у тебя 15 десятин пашни на 5 едоков.
12. Значит, десятин на каждого три.
В пятом пункте, трехдесятинник, смотри.
13. Затем прикинь размер урожая.
Скажем, 28 пудов десятина рожает.
Налог твой
тебе укажет разряд второй.
14 По этому разряду
в пятой группе
стоит четыре пуда.
И никто в мире
с десятины не возьмет больше, чем четыре.
А с трех готовь
12 пудов.
15. А сколько всего должны взять?
Помножьте 12 на 5.
Или, если будет 4 с десятины сдаваться,
значит, с пятнадцати десятин
должно 60 государству идти.
16. В свете дурней много больно.
Эти дурни недовольны:
— Чем я больше жну и сею,
тем с моей работой всею

я же больше и плачу.
Я работать не хочу.
Зря не буду тратить труд,
лучше землю пусть берут.—

17. Бросить труд расчета нету.
Ты прикинь-ка цифру эту.
При урожае в 58 пудов,
однодесятинник, 3 пуда готовь.

18. А у кого больше 4 десятин,
у того с десятины десять будет идти.
С 4-х же, значит, 40 сдается,
а 198 пудов себе остается.
Хоть три пуда платить и легко,
да остается себе 55 всего.
Больше сеешь — больше дашь
и остаток больше ваш.

20.[1] Кто не смотрит дальше носа,
засевает только просо.
Хоть раздетым ходит он,
а не хочет сеять лен.

21. Чтоб засеивался лихо,
лен одним,
другим гречиха.
В поощрение при сдаче
могут их равнять иначе.
Льготы все на этот год
вам объявит Наркомпрод.

22. Какой налог лежит на ком?
Размер налога устанавливает волисполком.
А за правильностью смотрит сельский совет.
Если же эти органы работают не по декрету,
то к ответственности привлекают за неправильность эту.

23. Хозяйство, в котором пашни не больше десятины имеется,
с такого хозяина ничего не берется, разумеется.

24. Освобождение других плательщиков

[1] 19-й рисунок на плакате без текста. Это наглядная таблица — сколько вместо пуда ржи нужно сдавать гречихи, картошки, кукурузы и т. д.

нигде не может быть разрешено,
кроме
как в Совнаркоме.
Если у кого хлеба много,
а налоги платить не хочет,
разумеется, таким в Совнарком не надо лезть.
25. В Совнарком обращаются только тогда,
когда настоящая нужда есть.
Скажем, такая-то деревня
внести налог рада,
да хлеб весь перебило градом.
26. Вот такая с бумагою идти может.
С такой Совнарком налог сложит.

[*1921*]

ДЕКРЕТ О НАТУРАЛЬНОМ НАЛОГЕ НА ЯЙЦА

Крестьянин!
Яичная разверстка отменяется.
На 282 миллиона штук меньше налог на яйца.
Ты узнаешь это
из следующего декрета.

1. При разверстке должно было сдаваться 682 миллиона яиц.
2. При налоге 400 миллионов штук сдается.

3. Значит, даже в сравнении с разверсткой
вот сколько у крестьян для обмена остается.
Некоторые скажут:
«Написать, мол, все можно.
Все равно непосильная тяжесть на крестьян наложена».

4—5. Кто сетует,
пусть познакомится с картиною этою.
При царе купцы в 1913 году вывезли за границу
три с половиной миллиарда штук.
Спекулянтам был доход таков,
что от золота лопались карманы брюк
и сюртуков.
Значит, против мирного вывоза у нас
налог меньше в 10 раз.
— Что же, скажет крестьянин, то, мол, не налогом выколачивали.

Не даром брали.
Купцы, мол, за деньги покупали, а не крали.—
А много ли у крестьянина от этой торговли
оставалось?
Самая малость.
Разве что баба
на иголки заработать могла бы.

6. Чтоб труд рабочему был мил,
надо, чтоб заболевшего крестьянин накормил.
Чтоб сила не иссякла, помогите ей —
яйцами накормите рабочих детей.

7. Накормишь — и налог на яйца,
глядишь, крестьянам с лихвой возвращается.
Правда, куроводство теперь упало.
Упало, да мало.
В губерниях иных
(напр. Вятской)
почти не изменилось состояние их.
К тому же куроводство от вас зависит.
Курица — не вол.
Взял и развел.

8. Для птицеводных хозяйств, не имеющих пашни,
20 куриц норма.
А больше двадцати — лишки есть.
Значит, можно и налог внесть.
Явится вопрос у хозяйств иных —
отчего не облагают культурно-племенных?
Если культурой куриной занимаются люди,
всем от этого польза будет.
Скажем, две курицы снесли яйца.
Десяток от племенной семнадцати от простой
равняется.
Крестьянская курица — фунта два.
А племенная — пять. Подымешь едва.
Если распространится племенная культура,
облагородится и крестьянская курица-дура.
Чтоб кур не запускали, а занимались ими,
с таких хозяйств налог и снимем.

9. Размер яичного налога определяет пашни величина.
Если пахоты больше, и корма зернового
больше даст она.
Почему с пахоты налог собирается,
а не с количества кур, несущих яйца?
(Многие ехидно укажут тут:
— Яйца-то на пахоте не растут.)

10—11. А вот почему. Хоть тяжесть невелика от налога,
да скажут лентяи — канители много.
А зарежу курицу — обед есть.
И никакой налог не придется несть.
А если с пахоты налог доставляется,
тут-то кур и разведешь, чтоб были яйца.
Хоть ты режь, хоть не режь,
а налоги все те ж.

12. Советскими имениями все яйца сдаются,
в советских имениях лишки не остаются.

13. С различных губерний будет различный налог идти.
От 2-х с десятины до 10-ти.
Губернии делятся на группы.
Групп пять.
Не зря установлено, что Архангельская должна
2, а Воронежская 10 сдать.
Взвешено все.
Главным образом количество,
в мирное время доставляемое из сел.
Скажем, в Архангельской губернии снег да лед,
куроводство плохое было.

14. Воронежская губерния — лучший куровод,
больше всех поставляла в 1913 году.
Пусть и теперь воронежцы больше дадут.

Точное количество налога
установлено по этому декрету.
И никто не может увеличить норму эту.
Кто увеличит нормы эти,
по закону ответит.

Если пришло сообщение —
ставим в известность:
обнищала курами такая-то местность,
какой бы крестьянство ни положило труд,
ничего невозможно поделать тут,—
и если Наркомпрод с Наркомземом соглашаются,
могут понизить налог на яйца.

[*1921*]

ТРУДОВАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ ИНВЕНТАРЕМ

1 Неурожайный голодный год
подорвал вконец крестьянский скот.
2. Промышленность разорило долгой войной,
нет ни трактора, ни сеялки, ни машины иной.
3. Мало крестьян живет в счастье.
Нет инвентаря у большей части.
4. У одного и плуг, и семян немало,
пахал бы — да лошадь взяла и пала.
5. У другого лошадь пасется средь луга.
Да нет у него ни семян, ни плуга.
6. Чтоб не было ни одному, ни другому туго,—
объединимся и выручим друг друга.
7. И собственность не отменяется тоже.
Все, что даешь, все это, крестьянин, остается твое же.
Дал инвентарь, и тебе же он
по окончании работ обратно возвращен.
8. Пользование не бесплатное.
Рад или не рад,
возвращай соседу убытки, брат.
Оплати услугу эту или ту
трудом, починкой или кормом скоту.
9. Собственник плуга,
пользуйся первым для вспашки луга.
10. Чтоб не страдать красноармейской жене или дочери,—
их семьи удовлетворяются в первую очередь.

[*1921*]

150 000 000

ПОЭМА

150 000 000 мастера этой поэмы имя.
Пуля — ритм.
Рифма — огонь из здания в здание.
150 000 000 говорят губами моими.
Ротационкой шагов
в булыжном верже площадей
напечатано это издание.

Кто спросит луну?
Кто солнце к ответу притянет —
чего
ночи и дни чините!?
Кто назовет земли гениального автора?
Так
и этой
моей
поэмы
никто не сочинитель.
И идея одна у нее —
сиять в настающее завтра.

В этом самом году,
в этот день и час,
под землей,
на земле,
по небу
и выше —

такие появились
плакаты,
летучки,
афиши:

«ВСЕМ!
ВСЕМ!
ВСЕМ!
Всем,
кто больше не может!
Вместе
выйдите
и идите!»
(подписи):
МЕСТЬ — ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР.
ГОЛОД — РАСПОРЯДИТЕЛЬ.
ШТЫК.
БРАУНИНГ.
БОМБА.
*(три
подписи:
секретари)*.

Идем!
Идемидем!
Го, го,
го, го, го, го,
го, го!
Спадают!
Ванька!
Керенок подсунь-ка в лапоть!
Босому что ли на митинг ляпать?

Пропала Россеичка!
Загубили бедную!
Новую найдем Россию.
Всехсветную!
Иде-е-е-е-е-м!

Он сидит раззолоченный
за чаем
с птифур.
Я приду к нему
в холере.
Я приду к нему
в тифу.
Я приду к нему,
я скажу ему:
«Вильсон, мол,
Вудро,
хочешь крови моей ведро?
И ты увидишь...»
До самого дойдем
до Ллойд-Джорджа —
скажем ему:
«Послушай,
Жоржа...»

— До него дойдешь!
До него океаны.
Страшен,
как же,
российский одёр им.
— Ничего!
Дойдем пешкодером!
Идемидем!

Будилась призывом,
из лесов
спросонок,
лезла сила зверей и зверят.
Визжал придавленный слоном поросенок.
Щенки выстраивались в щенячий ряд.
Невыносим человечий крик.

Но зверий
душу веревкой сворачивал.
(Я вам переведу звериный рык,
если вы не знаете языка зверячьего):

«Слушай,
Вильсон,
заплывший в сале!
Вина людей —
наказание дай им.
Но мы
не подписывали договора в Версале.
Мы,
зверье,
за что голодаем?
Свое животное горе киньте им!
Досы́та наесться хоть раз бы еще!
К чреватым саженными травами Индиям,
к американским идемте пастбищам!»

О-о-гу!
Нам тесно в блокаде-клетке.
Вперед, автомобили!
На митинг, мотоциклетки!

Мелочь, направо!
Дорогу дорогам!
Дорога за дорогой выстроились в ряд.
Слушайте, что говорят дороги.
Что говорят?

«Мы задохлись ветра́ми и пылями,
вьясь степями по рельсам голодненькими.
Немощеными хлипкими милями
надоело плестись за колодниками.
Мы хотим разливаться асфальтом,
под экспрессов тарой осев.
Подымайтесь!
Довольно поспали там,
колыбелимые пылью шоссе!
Иде-е-е-м!»

И-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и.
К каменноугольным идемте бассейнам!
За хлебом!
За черным!
Для нас засеянным.
Без дров ходить —
дураков наймите!
На митинг, паровозы!
Паровозы,
на митинг!

Скоре-е-е-е-е-е-е-е!
Скорейскорей!
Эй,
губернии,
снимайтесь с якорей!
За Тульской Астраханская,
за махиной махина,
стоявшие недвижимо
даже при Адаме,
двинулись
и на
другие
прут, погромыхивая городами.

Вперед запоздавшую темь гоня,
сшибаясь ламп лбами,
на митинг шли легионы огня,
шагая фонарными столбами.

А по верху,
воду с огнем миря,
загнившие утопшими, катились моря.
«Дорогу каспийской волне баловнице!
Обратно в России русло не поляжем!
Не в чахлом Баку,
а в ликующей Ницце
с волной средиземной пропляшем по пляжам».

И, наконец,
из-под грома
бега и езды,

в ширь непомерных легких завздыхав,
всклокоченными тучами рванулись из дыр
и пошли грозой российские воздуха́.
Иде-е-е-е-м!
Идемидем!

И все эти
                    сто пятьдесят миллионов людей,
биллионы рыбин,
                    триллионы насекомых,
                                        зверей,
                                                  домашних животных,
сотни губерний,
                         со всем, что построилось,
                                                            стоит,
                                                                  живет в них,
все, что может двигаться,
          и все, что не движется,
                    все, что еле двигалось,
                                        пресмыкаясь,
                                                            ползая,
                                                                        плавая —
лавою все это,
                              лавою!

И гудело над местом,
                    где стояла когда-то Россия:
                              — Это же ж не важно,
                                        чтоб торговать сахарином!
В колокола клокотать чтоб — сердцу важно!
Сегодня
          в рай
                    Россию ринем
за радужные закатов скважины.

Го, го,
          го, го, го, го,
                              го, го!
Идемидем!
                    Сквозь белую гвардию снегов!

Чего полезли губерний туши
из веками намеченных губернаторами зон?
Что, слушая, небес зияют уши?
Кого озирает горизонт?

Оттого
сегодня
на нас устремлены
глаза всего света
и уши всех напряжены,
наше малейшее ловя,
чтобы видеть это,
чтобы слушать эти слова:
это —
революции воля,
брошенная за последний предел,
это —
митинг,
в махины машинных тел
вмешавший людей и зверьи туши,
это —
руки,
лапы,
клешни,
рычаги,
туда,
где воздух поредел,
вонзенные в клятвенном единодушье.

Поэтов,
старавшихся выть поднебесней,
забудьте,
эти слушайте песни:

«Мы пришли сквозь столицы,
сквозь тундры прорвались,
прошагали сквозь грязи и лужищи.
Мы пришли миллионы,
миллионы трудящихся,
миллионы работающих и служащих.
Мы пришли из квартир,
мы сбежали со складов,
из пассажей, пожаром озаренных.
Мы пришли миллионы,
миллионы вещей,
изуродованных,
сломанных,
разоренных.

Мы спустились с гор,
мы из леса сползлись,
от полей, годами глоданных.
Мы пришли,
миллионы,
миллионы скотов,
одичавших,
тупых,
голодных.

Мы пришли,
миллионы
безбожников,
язычников
и атеистов —

биясь
лбом,
ржавым железом,
полем —
все

истово
господу богу помолимся.

Выйдь
не из звездного
нежного ложа,
боже железный,
огненный боже,
боже не Марсов,
Нептунов и Вег,
боже из мяса —
бог-человек!
Звездам нá мель
не загнанный ввысь,
земной
между нами
выйди,
явись!

Не тот, который
«иже еси на небесех».
Сами
на глазах у всех
сегодня
мы
займемся
чудесами.

Твое во имя
биться дабы,
в громе,
в дыме
встаем на дыбы.
Идем на подвиг
труднее божеского втрое,
творившего,
пустоту вещами дáруя.
А нам
не только, новое строя,
фантазировать,
а еще и издинамитить старое.

Жажда, пой!
Голод, насыть!
Время
в бои
тело носить.

Пули, погуще!
По оробелым!
В гущу бегущим
грянь, парабеллум!

Самое это!
С донышка душ!
Жаром,
жженьем,
железом,
светом,
жарь,
жги,
режь,
рушь!

Наши ноги —
поездов молниеносные проходы.
Наши руки —
пыль сдувающие веера полян.
Наши плавники — пароходы.
Наши крылья — аэроплан.

Идти!
Лететь!
Проплывать!
Катиться! —
всего мирозданья проверяя реестр.
Нужная вещь —
хорошо,
годится.
Ненужная —
к черту!
Черный крест.

Мы
тебя доконаем,
мир-романтик!
Вместо вер —
в душе
электричество,
пар.
Вместо нищих —
всех миров богатство прикарманьте!
Стар — убивать.
На пепельницы черепá!

В диком разгроме
старое смыв,
новый разгрóмим
по миру миф.
Время-ограду
взломим ногами.
Тысячу радуг
в небе нагаммим.

В новом свете раскроются
поэтом опоганенные розы и грезы.
Всё
на радость
нашим
глазам больших детей!
Мы возьмем
и придумаем
новые розы —
розы столиц в лепестках площадей.
Все,
у кого
мучений клейма нажжены,
тогда приходите к сегодняшнему палачу.
И вы
узнаете,
что люди
бывают нежны,
как любовь,
к звезде вздымающаяся по лучу.

Будет
наша душа
любовных Волг слиянным устьем.
Будешь
— любой приплыви —
глаз сияньем облит.
По каждой
тончайшей артерии
пустим
поэтических вымыслов феерические корабли.
Как нами написано,—
мир будет таков
и в среду,
и в прошлом,
и ныне,
и присно,
и завтра,
и дальше
во веки веков!
За лето
столетнее
бейся,
пой:
— «И это будет
последний
и решительный бой!»
Залпом глоток гремим гимн!
Миллион плюс!
Умножим нá сто!
По улицам!
На крыши!
За солнца!
В миры —
слов звонконогие гимнасты!

И вот
Россия
не нищий оборвыш,
не куча обломков,
не зданий пепел —

Россия
вся
единый Иван,
и рука
у него —
Нева,
а пятки — каспийские степи.

Идем!
Идемидем!
Не идем, а летим!
Не летим, а молньимся,
души зефирами вымыв!
Мимо
баров и бань.
Бей, барабан!
Барабан, барабань!
Были рабы!
Нет раба!
Баарбей!
Баарбань!
Баарабан!
Эй, стальногрудые!
Крепкие, эй!
Бей, барабан!
Барабан, бей!
Или — или.
Пропал или пан!
Будем бить!
Бьем!
Били!
В барабан!
В барабан!
В барабан!

Революция
царя лишит царева званья.
Революция
на булочную бросит голод толп.
Но тебе
какое дам названье,

вся Россия, смерчем скрученная в столб?!
Совнарком —
его частица мозга,—
не опередить декретам скач его.
Сердце ж было так его громоздко,
что Ленин еле мог его раскачивать.
Красноармейца можно отступить заставить,
коммуниста сдавить в тюремный гнет,
но такого
в какой удержишь заставе,
если
такой
шагнет?!
Гром разодрал побережий уши,
и брызги взметнулись земель за тридевять,
когда Иван,
шаги обрушив,
пошел
грозою вселенную выдивить.

В стремя фантазии ногу вденем,
дней оседлаем порох,
и сами
за этим блестящим виденьем
пойдем излучаться в несметных просторах.

Теперь
повернем вдохновенья колесо.
Наново ритма мерка.
Этой части главное действующее лицо — Вильсон.
Место действия — Америка.

Мир,
из света частей
собирая квинтет,
одарил ее мощью магической.
Город в ней стоит
на одном винте,
весь электро-динамо-механический.

В Чикаго
14 000 улиц —
солнц площадей лучи.
От каждой —
700 переулков
длиною поезду нá год.
Чуднó человеку в Чикаго!

В Чикаго
от света
солнце
не ярче грошовой свечи.

В Чикаго,
чтоб брови поднять —
и то
электрическая тяга.

В Чикаго
на версты
в небо
скачут
дорог стальные циркачи.
Чудно́ человеку в Чикаго!

В Чикаго
у каждого жителя
не менее генеральского чин.
А служба —
в барах быть,
кутить без забот и тя́гот.
Съестного
в чикагских барах
чего-чего не начу́дено!
Чудно́ человеку в Чикаго!
Чудно́ человеку!
И чу́дно!

В Чикаго
такой свирепеет грохот,
что грузовоз
с тысчесильной машиною
казался,
что ветрится тихая кроха,
что он
прошелёстывал тишью мышиною.

Русских
в город тот
не везет пароход,
не для нас дворцов этажи.
Я один там был,
в барах ел и пил,
попивал в барах с янками джин.

Может, пустят и вас,
не пустили пока —
начиняйтесь же и вы чудесами —
в скороходах-стихах,
в стихах-сапогах
исходи́те Америку сами!

Аэростанция
на небоскребе.
Вперед,
пружиня бока в дирижабле!
Сожмутся мосты до воробьих ребер.
Чикаго внизу
землею прижаблен.
А после,
с неба,
видные еле,
сорвавшись,
камнем в бездну спланируем.
Тоннелем
в метро
подземные версты выроем
и выйдем на площадь.
Народом запружена.
Версты шириною с три.

Отсюда начинается то, что нам нужно
— «Королевская улица» —
по-ихнему
— «Ро́яль стрит».

Что за улица?
Что на ней стоит?

А стоит на ней —
Чипль-Стронг-Отель.
Да отель ли то
или сон?!
А в отеле том
в чистоте,
в теплоте

сам живет
Вудро
Вильсон.
Дом какой — не скажу.
А скажу когда,
то покорнейше прошу не верить.
Места нет такого, отойти куда,
чтоб всего его глазом обмерить.
То,
что можно увидеть,
один уголок,
но и то
такая диковина!
Посмотреть, например,
на решетки клок — -
из гущённого солнца кована.
А с боков обойдешь —
гора не гора!
Верст на сотни,
а может, на тыщи.
За седьмое небо зашли флюгера.
Да и флюгер
не богом ли чищен?
Тоже лестница там!
Не пойдешь по ней!
Меж колоночек,
балкончиков,
портиков
сколько в ней ступе́ней
и не счесть ступне —
ступене́й этих самых
до чертиков!
Коль пешком пойдешь —
иди молодой!
Да и то
дойдешь ли старым!
А для лифтов —
трактиры по лестнице той,
чтоб не изголодались задаром.

А доехали —
если рады нам —
по пяти впускают парадным.
Триста комнат сначала гости идут.
Наконец дошли.
Какое!
Тут
опять начались покои.
Вас встречает лакей.
Булава в кулаке.
Так пройдешь лакеев пять.
И опять булава.
И опять лакей.
Залу кончишь —
лакей опять.
За лакеями
гуще еще
курьер.
Курьера курьер обгоняет в карьер.
Нет числа.
От числа такого
дух займет у щенка -Хлестакова.
И только
уставши
от страшных снований,
когда
не кажется больше,
что выйдешь,
а кажется,
нет никаких оснований,
чтоб кончилось это —
приемную видишь.
Вход отсюда прост —
в триаршинный рост
секретарь стоит в дверях нем.
Приоткроем дверь.
По ступенькам — (две) —
приподымемся,
взглянем,
ахнем! —

То не солнце днем —
цилиндрище на нем
возвышается башней Сухаревой.
Динамитом плюет
и рыгает о нем,
рыжий весь,
и ухает ухарево.
Посмотришь в ширь —
иоркширом иоркшир!
А длина —
и не скажешь какая длина,
так далеко от ног голова удалена!
То ль заряжен чем,
то ли с присвистом зуб,
что ни звук —
бух пушки.
Люди — мелочь одна,
люди ходят внизу,
под ним стоят,
как избушки.
Щеки ж
такой сверхъестественной мякоти,
что сами просятся —
придите,
лягте.
А одежда тонка,
будто вовсе и нет —
из тончайшей поэтовой неги она.
Кальсоны Вильсона
не кальсоны — сонет,
сажени из ихнего Онегина.
А работает как!
Не покладает рук.
Может заработаться до смéрти.
Вертит пальцем большим
большого вокруг.
То быстрей
то медленней вертит.
Повернет —
расчет где-нибудь
на заводе.

Мне
платить не хотят построчной платы.
Повернет —
Штраусы вальсы заводят,
золотым дождем заливает палаты.
Чтоб его прокормить,
поистратили рупь.
Обкормленный весь,
опо́енный.
И на случай смерти,
не пропал чтоб труп,
салотопки стоят,
маслобойни.
Все ему
американцы отданы,
и они
гордо говорят:
я —
американский подданный.
Я —
свободный
американский гражданин.
Под ним склоненные
стоят
его услужающих сонмы.
Вся зала полна
Линкольнами всякими.
Уитмэнами,
Эдисонами.
Свита его
из красавиц,
из самой отборнейшей знати.
Его шевеленья малейшего ждут.
Аделину
Патти
знаете?
Тоже тут!
В тесном смокинге стоит Уитмэн,
качалкой раскачивать в невиданном ритме.

Имея наивысший американский чин —
«заслуженный разглаживатель дамских морщин»,
стоит уже загримированный и в шляпе
всегда готовый запеть Шаляпин.
Паркеты песком соря,
рассыпчатые от старости стоят профессора.
Сам знаменитейший Мечников
стоит и снимает нагар с подсвечников.
Конечно,
ученых
сюда
привел
теорий потоп.
Художников
какое-нибудь
великолепнейшее
экольдебозар.
Ничего подобного!
Все
сошлись,
чтоб
ходить на базар.
Ежеутренне
все эти
любимцы муз и слав
нагрузятся корзинами,
идут на рынок
и несут,
несут
мяса́,
масла́.
Какой-нибудь король поэтов
Лонгфелло
сто волочит со сливками крынок.
Жрет Вильсон,
наращивает жир,
растут животы,
за этажом этажи.

Небольшое примечание:

художники
Вильсонов,
Ллойд-Джорджев,
Клемансо
рисуют —
усатые,
безусые рожи —
и напрасно:
всё
это
одно и то же.

Теперь
довольно смеющихся глав нам.
В уме
Америку
ясно рисуете.
Мы переходим
к событиям главным.
К невероятной,
к гигантской сути.

День
этот
был
огнеупорный.
В разливе зноя зе́мли тихли.
Ветро́в иззубренные бороны
вотще старались воздух взрыхлить.
В Чикаго
жара непомерная:
градусов 100,
а 80 — наверное.
Все на пляже.
Кто могли — гуляли себе.
А в большей части лежали даже.
Пот
благоухал
на их холеном теле.
Ходили и пыхтели.
Лежали и пыхтели.

Барышни мопсиков на цепочках водили,
и
мопсик,
раскормленный был,
как теленок.
Даме одной,
дремавшей в идиллии,
в ноздрю
сжаревший влетел мотыленок.
Некоторые вели оживленные беседы,
говорили «ах»,
говорили «ух».
С деревьев слетал пух.
Слетал с деревьев мимозовых.
Розовел
на белых шелках и кисеях.
Белел на розовых.
Так
довольно долго
все занимались
приятным времяпрепровождением.
Но уже
час тому назад
стало
кое-что
меняться.
Еле слышное,
разве только что кончиком души,
дуновенье какое-то.
В безветренном море
ширятся всплески.
Что такое?
Чего это ради ее?
А утром
в молнийном блеске
АТА
(Американское Телеграфное Агентство)
город таким шарахнуло радио:
«Страшная буря на Тихом океане.
Сошли с ума муссоны и пассаты.

На Чикагском побережье выловлены рыбы.
Очень странные.
В шерстях.
Носатые».
Вылазили сонные,
не успели еще обсудить явление,
а радио —
спешные
вывешивало объявления:
«Насчет рыб ложь.
Рыбак спьяну местный.
Муссоны и пассаты на месте.
Но буря есть.
Даже еще страшней.
Причины неизвестны».
Выход судам запретили большие,
к ним
присоединились
маленькие пароходные компанийки.
Доллар пал.
Чемоданы нарасхват.
Биржа в панике.
Незнакомого
на улице
останавливали незнакомые —
не знает ли чего человек со стороны.
Экстренный выпуск!
Радио!
Выпуск экстренный!
«Радиограмма переврана.
Не бурь раскат.
Другое.
Грохот неприятельских эскадр».
Радио расклеили.
И, опровергая оное,
сейчас же
новое,
последнее,
захватывающее.
сенсационное.

«Не пушечный дым —
океанская синева.
Нет ни броненосцев,
ни флотов,
ни эскадр.
Ничего нет.
Иван».

Что Иван?
Какой Иван?
Откуда Иван?
Почему Иван?
Чем Иван?
Положения не было более запутанного.
Ни одного объяснения
достоверного,
путного.
Сейчас же собрался коронный совет.
Всю ночь во дворце беспокоился свет.
Министр Вильсона
Артур Крупп
заговорился так,
что упал, как труп.
Капитализма верный трезор,
совсем умаялся сам Крезо.
Вильсон
необычайное
проявил упорство
и к утру
решил —
иду в единоборство.
Беда надвигается.
Две тысячи верст.
Верст за тысячу.
За̀ сто.
И...
очертанья идущего
нащупали,
заметили,
увидели маяки глазастые.

Строки
этой главы,
гремите,
время ритмом роя!
В песне —
миф о героях Гомера,
история Трои,
до неузнаваемости раздутая,
воскресни!

Голодный,
с теплом в единственный градус
жизни,
как милости да́ренной,
радуюсь,
ход твой следя легендарный.
Куда теперь?
Где пеш?
Какими идешь морями?
Молнию рвущихся депеш
холодным стихом орамим.
Ворвался в Дарданеллы Иванов разбег.
Турки
с разинутыми ртами
смотрят:
человек —
голова в Казбек! —
идет над Дарданелльскими фортами.
Старики улизнули.
Молодые на мол.

Вышли.
Песни бунта и молодости.
И лишь
до берега вал домёл,
и лишь волною до мола достиг —
бросились,
будто в долгожданном сигнале,
человек на человека,
класс на класс.
Одних короновали.
Других согнали.
Пешком по морю —
и скрылись из глаз.
Других глотает морская ванна,
другими
акула кровавая кутит,
а эти
вошли,
ввалились в Ивана
и в нем разлеглись,
как матросы в каюте.

(А в Чикаго
ничто не сулило пока
для чикагцев страшный час.
Изогнувшись дугой,
оттопырив бока,
веселились,
танцами мчась.)

Замерли римляне.
Буря на Тибре.
А Тибр,
взъярясь,
папе римскому голову выбрил
и пошел к Ивану сквозь утреннюю ясь.

(А в Чикаго,
усы в ликеры вваля,
выступ мяса облапив бабистый,—

Илл-ля-ля-!
Олл-ля-ля ! —
процелованный,
взголённый,
разухабистый.)

Черная ночь.
Без звездных фонарей.
К Вильсону,
скользя по водным массам,
коронованный поэтами
крадется Рейн,
слегка посвечивая голубым лампасом.

(А Чикаго
спит,
обтанцован,
опит,
рыхотелье подушками выхоля.
Синь уснула.
Сопит.
Море храпом храпит.
День встает.
Не расплатой на них ли?)

Идет Иван,
сиянием брезжит.
Шагает Иван,
прибоями брызжет.
Бежит живое.
Бежит, побережит.
Вулканом мир хорохорится рыже.
Этого вулкана нет на
составленной старыми географами карте.
Вселенная вся,
а не жалкая Этна,
народов лавой брызжущий кратер.
Ревя несется
странами стертыми
живое и мертвое
от ливня лав.

Одни к Ива́ну бегут
с простертыми
руками,
другие — к Вильсону стремглав.
Из мелких фактов будничной тины
выявился факт один:
вдруг
уничтожились все середины —
нет на земле никаких середин.
Ни цветов,
ни оттенков,
ничего нет —
кроме
цвета, красящего в белый цвет,
и красного,
кровавящего цветом крови.
Багровое все становилось багро́вей.
Белое все белей и белее.
Иван
через царства
шагает по крови,
над миром справляя огней юбилеи.
Выходит, что крепости строили даром.
Заткнитесь, болтливые пушки!
Баста!
Над неприступным прошел Гибралтаром.
И мир
океаном Ивану распластан.

(А в Чикаго
на пляже
выводок шлюх
беснованием моря встревожен.
Погоняет время за слухом слух,
отпустив небылицам вожжи.)

Какой адмирал
в просторе намытом
так пути океанские выучит?!
Идет,
начиненный людей динамитом.

Идет,
всемирной злобою взрывчат.
В четыре стороны расплылось
тихоокеанское лоно.
Иван
без карт,
без компасной стрелки
шел
и видел цель неуклонно,
как будто
не с моря смотрел,
а с тарелки.

(А в Чикаго
до Вильсона
докатился вал,
брошенный Ивановой ходьбою.
Он боксеров,
стрелков,
фехтовальщиков сзывал,
чтобы силу наяривать к бою.)

Вот та́к открыватели,
так Колумбы
сияли,
когда
Ивану
до носа —
как будто
с тысячезапахой клумбы —
земли приближавшейся запах донесся.

(А в Чикаго
боксеров
распирает труд.
Положили Вильсона наземь
и...
ну тереть!
Натирают,
трут,
растирают силовыми мазями.)

Сверльнуло глазá маяка одиоглазье —
и вот
в мозги,
в глаза,
в рот,
из всех океанских щелей вылазя,
Америка так и прет и прет.
Взбиралась с разбега верфь на верфь.
На виадук взлетал виадук.
Дымище такой,
что, в черта уверовав,
идешь, убежденный,
что ты в аду.

(Где Вильсона дряблость?
Сдули!
Смолодел на сорок годов.
Животами мышцы вздулись.
Ощупали.
Есть.
Готов.)

Доходит,
пеной волну опеня,
гигантам домам за крыши замча,
на берег выходит Иван
в Америке,
сухенький,
даже ног не замоча.

(Положили Вильсону последний заклеп
на его механический доспех,
шлем ему бронированный возвели на лоб,
и к Ивану он гонит спех.)

Чикагцы
себя
не любят
в тесных улицах плóщить.

И без того
в Чикаго
площади самые лучшие.
Но даже
для чикагцев непомерная
площадь
была приготовлена для этого случая.

Люди,
место схватки орамив,
пускай непомерное! —
сузили в узел.
С одной стороны —
с горностаем,
с бобрами,
с другой —
синевели в замасленной блузе.

Лошади
в кашу впутались
в ту же.
К бобрам —
арабский скакун,
к блузам —
тяжелые туши битюжьи.
Вздымают ржанье,
грозят рысаку.

Машины стекались, скользя на мази́.
На классы разбился
и вывоз
и ввоз.
К бобрам
изящный ушел лимузин,
к блузам
стал
стосильный грузовоз.

Ни песне,
ни краске не будет отсрочки,
бой вас решит — судия строгий.

К бобрам —
декадентов всемирных строчки.
К блузам —
футуристов железные строки.

Никто,
никто не избегнет возмездья —
звезде,
и той
не уйти.
К бобрам становитесь,
генералы созвездья,
к блузам —
миллионы Млечного пути.
Наружу выпустив скованные лавины,
земной шар самый
на две раскололся полушарий половины
и, застыв,
на солнце
повис весами.

Всеми сущими пушками
над
площадью объявлен был
«чемпионат
всемирной классовой борьбы!»
В ширь
ворота Вильсону —
верста,
и то́ он
боком стал
и еле лез ими.

Сапожищами
подгибает бетон.
Чугунами гремит,
желе́зами.

Во Ивана входящего вперился он —
осмотреть врага,
да нечего

смотреть —
ничего,
хорошо сложён,
цветом тела в рубаху просвечивал.

У того —
револьвéры
в четыре курка,
сабля
в семьдесят лезвий гнута,
а у этого —
рука
и еще рука,
да и та
за пояс ткнута.

Смерил глазом.
Смешок по усам его.
Взвил плечом шитье эполетово:
«Чтобы я —
о господи! —
этого сàмого?
Чтобы я
не смог
вот этого?!»

И казалось —
растет могильный холм
посреди ветров обвываний.
Ляжет в гроб,
и отныне
никто,
никогда,
ничего
не услышит
о нашем Иване.

Сабля взвизгнула.
От плеча
и вниз
на четыре версты прорез.

Встал Вильсон и ждет —
кровь должна б,
а из
раны
вдруг
человек полез.
И пошло ж идти!
Люди,
дома,
броненосцы,
лошади
в прорез пролезают узкий.
С пением лезут.
В музыке.
О горе!
Прислали из северной Трои
начиненного бунтом человека-коня!
Метались чикагцы,
о советском строе
весть по оторопевшим рядам гоня.

Товарищи газетчики,
не допытывайтесь точно,
где была эта битва
и была ль когда.
В этой главе
в пятиминутье всредоточены
бывших и не бывших битв года.

Не Ленину стих умиленный.
В бою
славлю миллионы,
вижу миллионы,
миллионы пою.
Внимайте же, историки и витии,
битв не бывших видевшему перипетии!

«Вставай, проклятьем заклейменный» —
радостная выстрелила весть.
В ответ
миллионный
голос:
«Готово!»
«Есть!»
«Боже, Вильсона храни.
Сильный, державный»,—
они
голос подняли ржавый.

Запела земли половина красную песню.
Земли половина белую песню запела.
И вот
за песней красной,
и вот
за песней за белой —
тараны затарахтели в запертое будущее,
лучей щетины заскребли,
замели.
Руки разрослись,
легко распутывающие
неведомые измерения души и земли.
Шарахнутые бунта веником
лавочники,
не доведя обычный торг,
разбежались ошпаренным муравейником
из банков,
магазинов,
конторок.
На толщь душивших набережных и дамб
к городам
из океанов
двинулась вода.
Столбы телеграфные то здесь,
то там
соборы вздергивали на провода.
Бросив насиженный фундамент,
за небоскребом пошел небоскреб,
как тигр в зверинце —
мясо
фунтами,
пастью ворот особнячишки сгреб.
Сами себя из мостовых вынув,—
где, хозяин, лбище твой? —
в зеркальные стекла бриллиантовых магазинов
бросились булыжники мостовой.
Не боясь сесть нá мель,
не боясь на колокольни напороть туши,
просто —
как мы с вами —
шагали киты сушей.

Красное все,
и все, что бе́ло,
билось друг с другом,
билось и пело.

Танцевал Вильсон
во дворце кэк-уок,
заворачивал задом и передом,
да не доделала нога экивок,
в двери смотрит Вильсон,
а в две́ри там —
непоколебимые,
походкой зловещею,
человек за человеком,
вещь за вещью
вваливаются в дверь в эту:
«Господа Вильсоны,
пожалте к ответу!»

И вот,
притворявшиеся добрыми,
колье
на Вильсоних
бросились кобрами.
Выбирая,
которая помягче и почище,
по гостиным
за миллиардершами
гонялись грузовичищи.

Не убежать!
Сороконогая
ме́бель раскинула лов.
Топтала людей гардеробами,
протыкала ножками столов.

Через Рокфеллеров,
валяющихся ничком,
с горлами,
сжимаемыми собственным воротничком,

растоптав,
как тараканов,
вывалилась,
в Чикаго канув.
По улицам
в сажѐни
дома не видно от дыма сражений.
Как в кинематографе
бывает —
вдруг
крупно —
видят:
сквозь хао́с
ползущую спекуляцию добивает,
встав на задние лапы,
Совнархоз.

Но Вильсон не сдается,
засел во дворце,
нажимает золотые пружины,
и выстраивается цепь —
нечеловеческие дружины.
Страшней, чем танки,
чем войск роты,
безбрюхий встал,
пошел сторотый,
мильонозубый
ринулся голод.
Город грызнет — орехом расколот.
Сгреб деревню — хрустнула косточкой.
А людей,
а людей и зверей —
просто в рот заправляет горсточкой.
Впереди его,
вывострив ухо,
путь расчищая, лезет разруха.
Дышит завод.
Разруха слышит.
Слышит разруха — фабрика дышит.
Грохнет по фабрике —
фабрика свалена.

Сдавит завод —
завод развалина.
Рельс обломком крушит как палицей.
Все разрушается,
гибнет,
валится.
Готовься!
К атаке!
Трудись!
Потей!
Горло голода,
разрухи глотку
затянем
петлей железнодорожных путей!
И когда пресекаться дух стран
стал,
голодом сперт,
тогда,
раскачивая поездов таран,
двинулся вперед транспорт.
Ветрилась паровозов борода седая,
бьются,
голод сдал,
и по нем,
остатки съедая,
груженные хлебом прошли поезда.

Искорежился,—
и во гневе
Вудро,
приказав:
«сразите сразу»,
новых воинов высылает рой —
смертоноснейшую заразу.
Идут закованные в грязевые брони
спирохет на спирохете,
вибрион на вибрионе.
Ядом бактерий,
лапами вшей
кровь поганят,
ползут за шей.

Болезни явились
небывалого фасона:
вдруг
человек
становится сонный,
высыпает рябó,
распухает
и лопается грибом.
Двинулись,
предводимые некою
радугоглазой аптекою,
бутыли карболочные выдвинув в бойницы,
лазареты,
лечебницы,
больницы.
Вши отступили,
сгрудились скопом.
Вшей
в упор
расстреливали микроскопом.
Молотит и молотит дезинфекции цеп.
Враги легли,
ножки задрав.
А поверху,
размахивая флаг-рецепт,
прошел победителем мировой Наркомздрав.

Вырывается у Вильсона стон,—
и в болезнях побит и в еде,
и последнее войско высылает он —
ядовитое войско идей.
Демократизмы,
гуманизмы —
идут и идут
за измами измы.

Не успеешь разобраться,
чего тебе нужно,
а уже
философией
голова заталмужена.

Засасывали романсов тиной.
Пением завораживали.
Завлекали картиной.
Пустые головы
книжками
для веса
нагрузив,
пошел за профессором профессор.
Их
молодая встретила орава,
и дулам браунингов в провал
рухнуло римское право
и какие-то еще права.
Простонародью очки втирая,
адом пугая,
прельщая раем,
и лысые, как колено,
и мохнатые, как звери,
с евангелиями вер,
с заговорами суеверий,
рясами вздыбив пыль,
армией двинулись чернобелые попы.
Под градом декретов
от красной лавины
рассыпались
попы,
муллы,
раввины.
А ну, чудотворцы,
со смертных одр
встаньте-ка!
На месте кровавого спора
опора веры валяется —
Пётр
с проломанной головой собственного собора.
Тогда
поэты взлетели на́ небо,
чтоб сверху стрелять, как с аэроплана бы.
Их
на приманку академического пайка

заманивали,
ждали, не спустятся пока.
Поэты бросались, камнем пав,—
в работу их,
перья рифм ощипав!
В «Полное собрание сочинений»,
как в норки,
классики забились.
Но жалости нет!
Напрасно
их
наседкой
Горький
прикрыл,
распустив изношенный авторитет.
Фермами ног отмахивая мили,
кранами рук расчищая пути,
футуристы
прошлое разгромили,
пустив по ветру культуришки конфетти.

Стенкой в стенку,
валяясь в пы́ли,
билась с адмиралтейством
Лувра труха,
пока
у адмиралтейства
на штыке-шпиле
не повисли Лувра картинные потроха.

Последняя схватка.
Сам Вильсон.
И в ужасе видят вильсонцы —
испепелен он,
задом придавить пытавшийся солнце.
Кто вспомнит безвестных главковерхов имя,
победы громоздивших одна на одну?!
Загрохотав в международной Цусиме,
эскадра старья пошла ко дну.

Фабриками попирая прошедшего труп,
будущее загорланило триллионом труб:
«Авелем называйте нас
или Каином,
разница какая нам!
Будущее наступило!
Будущее победитель!
Эй, века,
на поклон идите!»
Горизонт перед солнцем расступился злюч.
И только что
мира пол заклавший,
Каин гением взялся за луч,
как музыкант берется за клавиши.

История,
в этой главе
как на ладони бег твой.
Голодая и ноя,
города расступаются,
и над пылью проспектовой
солнцем встает бытие иное.

Год с нескончаемыми нулями.
Праздник, в святцах
не имеющий чина.
Выфлажено все.
И люди
и строения.
Может быть,
Октябрьской революции сотая годовщина,
может быть,
просто
изумительнейшее настроение.
Разгоняя дирижабли небесам под уклон,
поездами,
на палубах бесчисленных эскадр,
извилинами пеших колонн
за кадром выстраивают человечий кадр.

Большеголовые,
в красном сиянье,
с Марса слетевшие, встали марсияне.

Взыграет аэро,
и снова нет.
И снова птицей солнце заслóнится.
И снова
с отдаленнейших слетаются планет,
винтами развеерясь из-за солнца.
Пустыни смыты у мира с хари,
деревья за стволом расфеерили ствол.
На площади зелени —
на бывшей Сахаре —
сегодня
ежегоднее торжество.

День за днем спускались дни,
и снова густела тьма ночная.
Прежде чем выстроиться сумев,
они
грянули:
— Начинаем!

«Голоса людские,
зверьи голоса,
рев рек
ввысь славословием вьем.
Пойте все и все слушайте
мира торжественный реквием.

Вам, давнишние,
года проголодавшие,
о рае сегодняшнем раструбливая весть,
вам,
миллльонолетию давшие
петь,
пить,
есть.
Вам, женщины,
рожденные под горностаевые
мантии,
тело в лохмотья рядя,

падавшие замертво,
за хлебом простаивая
в неисчислимых очередях.
Вам,
легионы жидкокостых детей,
толпы искривленной голодом молодежи,
те, кто дожи́ли до чего-то,
и те,
кто ни до чего не до́жил.
Вам,
звери,
ребрами сквозя,
забывшие о съеденном людьми овсе,
работавшие, кого-то и что-то возя,
пока исхлестанные не падали совсем.
Вам,
расстрелянные на баррикадах духа,
чтоб дни сегодняшние были пропеты,
будущее ловившие в ненасытное ухо,
маляры,
певцы,
поэты.
Вам, которые
сквозь дым и чад,
жизнью, едва державшейся на иотке,
ржавым железом, шестерней скрежеща,
работали всё-таки,
делали всё-таки.
Вам неумолкающих слав слова,
ежегодно расцветающие, вовеки не вянув,
за нас замученные — слава вам,
миллионы живых,
кирпичных
и прочих Иванов».

Парад мировой расходился ровно,—
ведь горе давнишнее душу не бесит.
Годами
печаль
в покой воркестрована
и песней брошена ввысь поднебесить.

Еще гудят голосов отголоски
про смерти чьи-то,
про память вечную.
А люди
уже
в многоуличном лоске
катили минуту, весельем расцвеченную.
Ну и катись средь песенного лада,
цвети, земля, в молотьбе и в сеятьбе.
Это тебе
революций кровавая Илиада!
Голодных годов Одиссея тебе!

[1919—1920]

ПЬЕСЫ

(1918—1921)

МИСТЕРИЯ-БУФФ

ГЕРОИЧЕСКОЕ, ЭПИЧЕСКОЕ И САТИРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НАШЕЙ ЭПОХИ

ДЕЙСТВУЮТ:

1. Семь пар чистых. Абиссинский негус, индийский раджа, турецкий паша, русский купчина, китаец, упитанный перс, толстый француз, австралиец с женой, поп, офицер-немец, офицер-итальянец, американец, студент.

2. Семь пар нечистых. Трубочист, фонарщик, шофер, швея, рудокоп, плотник, батрак, слуга, сапожник, кузнец, булочник, прачка и эскимосы: рыбак и охотник.

3. Дама-истерика.

4. Черти. Штаб Вельзевула и два вестовых.

5. Святые. Златоуст, Лев Толстой, Мафусаил, Жан Жак Руссо и др.

6. Вещи. Машина, хлеб, соль, пила, игла, молот, книга и др.

7. Человек просто.

МЕСТА ДЕЙСТВИЙ

I. Вся вселенная.

II. Ковчег.

III. 1-я картина: Ад.
2-я картина: Рай.
3-я картина: Земля обетованная.

ПРОЛОГ
СЕМИ НЕЧИСТЫХ ПАР

Это об нас взывала земля голосом пушечного рева.
Это нами взбухали поля, кровями опоены́.
Стоим,
исторгнутые из земного чрева
кесаревым сечением войны.
Славим
восстаний,
бунтов,
революций день —
тебя,
идущий, черепа мозжа!
Нашего второго рождения день —
мир возмужал.
Бывает —
станет пароход вдалеке,
надымит
и уйдет по зеркальности водней,
и долго дымными дышишь легендами,—
так жизнь ускользала от нас до сегодня.
Нам написали Евангелие,
Коран,
«Потерянный и возвращенный рай»,
и еще,
и еще —
многое множество книжек.
Каждая — радость загробную сулит, умна и хитра.

Здесь,
на земле хотим
не выше жить
и не ниже
всех этих елей, домов, дорог, лошадей и трав.
Нам надоели небесные сласти —
хлебище дайте жрать ржаной!
Нам надоели бумажные страсти —
дайте жить с живой женой!
Там,
в гардеробах театров
блестки оперных этуалей
да плащ мефистофельский —
всё, что есть там!
Старый портной не для наших старался талий.
Что ж,
неуклюжая пусть
одёжа —
да наша.
Нам место!
Сегодня
над пылью театров
наш загорится девиз:
«Всё заново!»
Стой и дивись!
Занавес!

Расходятся. Раздирают занавес, замалеванный реликвиями старого театра.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На зареве северного сияния шар земной, упирающийся полюсом в лед пола. По всему шару лестницами перекрещиваются канаты широт и долгот. Меж двух моржей, подпирающих мир, эскимос-охотник, уткнувшийся пальцем в землю, орет другому, растянувшемуся перед ним у костра.

Эскимос-охотник

Эйе!
Эйе!

Рыбак

Горланит.
Дела другого нет —
пальцем землю тыркать.

Охотник

Дырка!

Рыбак

Где дырка?

Охотник

Течет!

Рыбак

Что течет?

Охотник

Земля!

Рыбак

(вскакивая, подбегая и засматривая под зажимающий палец)

О-о-о-о!
Дело нечистых рук.
Черт!
Пойду предупрежу полярный круг.

Бежит. На него из-за склона мира наскакивает выжимающий рукава француз. Секунду ищет пуговицу и, не найдя, ухватывает шерсть шубы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Француз

Мосье эскимос!
Мосье эскимос!
Страшно спешно!
Пара минут...

Рыбак

Ну?

Француз

Так вот:
сегодня
у себя в Париже
сижу я это,
ев филе,
не помню, другое что-то ев ли,
и вижу —
неладно верзиле Эйфеля.
Думаю — не бошей блёф ли?
Вдруг гул.
На крышу бегу.
Виясь вкруг домовьего остова,
безводный прибой
суетне вперебой
бежал,
кварталы захлестывал.

Париж — тревожного моря бред.
Невидимых волн басовые ноты.
И за,
и над,
и под,
и пред
домов дредноуты.
И прежде чем мыслью раскинуть мог,
от немцев ли, или от...

Рыбак

Скорей!

Француз

Я весь
до ниточки взмок.
Смотрю —
все сухо,
но льется, и льется, и льет.
И вдруг,
крушенья Помпеи помпезней, картина разверзлась —
с корнем
Париж был вырван
и вытоплен в бездне
у мира в расплавленном горне.
Я очнулся на гребне текущих сёл,
я весь свой собрал яхт-клубский опыт,—
и вот
перед вами,
милейший,
всё,
что осталось теперь от Европы.

Рыбак

Н-немного.

Француз

Успокоится, конечно...
дня-с на два-с!

Рыбак

Да говори ты без этих европейских юлений!
Чего тебе надо? Тут не до вас.

Француз

(показывая горизонтально)

Разрешите мне... около ваших многоуважаемых
тюленей!

Рыбак досадливо машет рукой костру, идет в другую сторону — предупреждать круг — и натыкается на выбегающих из-за другого склона измокших australийцев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рыбак

(отступая в удивлении)

А еще омерзительней не было лиц?!

Австралиец с женой

(вместе)

Мы — австралийцы.

Австралиец

Я — австралиец.
Все у нас было.
Как то-с:
утконос, пальма, дикобраз, кактус...

Австралийка

(плача, в нахлынувшем чувстве)

И все утонуло...
Все на дне...

Рыбак

(указывая на разлегшегося француза)

Вот идите к ним!
А то они одне.

Собравшийся вновь идти эскимос остановился, прислушиваясь к двум голосам с двух сторон земного шара.

Первый голос

Шляпа, у-ту!

Второй голос

Каска, у-ту!

Первый голос

Крепчает!
Держитесь за северную широту!

Второй голос.

Яреет!
Хватайтесь за южную долготу!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

По канатам широт и долгот скатываются с земного шара немецкий и итальянский офицеры, дружески бросаются друг к другу. Оба вместе.

Паазвольте пожать!

Узнав врагов, отдергивают протянутые руки и, выхватывая на ходу сабли, бросаются.

Итальянец

Если б я бы знал!
Проклятый шваб!

Немец

Проклятый итальянец!
Если б знал, да я б!..

Итальянец

Эвива Италия!

Немец

Гох фатерлянд!

Француз бросается меж вцепившимися, австралиец обхватывает итальянца, австралийка — немца

Француз

Бросьте вы!
Утопли!
Нет фатерляндов.

Оба

(вкладывая сабли)
Ну,
нет, так и не надо.

Рыбак

(качая головой)
Вот банда!

Прямо на голову вновь собравшемуся уйти эскимосу низвергается наш купчина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Купец

Почтенные,
это безобразие!
Да рази я Азия?
«Уничтожить Азию» — постановление совнеба.
Да я же ж ни в жисть азиатом не был!
(Успокоившись немного.)
Сначала накрапывало,
потом пошло.
Дальше — больше,
больше — выше,
хлынуло в улицы,
рвануло крыши...

Все

Тише!
Тише!

Француз

Слышите?
Слышите топот?

Множество приближающихся голосов.

Потоп! потопом! потопу! о потопе! потопа!

Афиша первого представления „Мистерии-буфф“

Рис. Маяковского, 1918 г.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рпереди негус, за ним китаец, перс, турок, раджа, поп, студент, дама-истерика. Шествие замыкают вливающиеся со всех сторон все семь пар нечистых.

Негус

Хоть чуть чернее снегу-с,
но тем не менее
я — абиссинский негус.
Мое почтение!
Я покинул сейчас мою Африку.
Извивался в ней Нил, удав-река.
Как взъярился Нил, царство сжав в реку,
и потопла в нем моя Африка.
Хоть нет имения,
но тем не менее...

Рыбак

(досадливо)

...но тем не менее
мое почтение.
Слыхали! Слыхали!

Негус

Прошу не забываться!
С вами говорит негус,
и негус хочет кушать.
Что это?
Должно быть, вкусная собачка?

Рыбак

Я те дам — собачка!
Это морж, а не собачка.
Иди садись, да никого не запачкай.

(Обращаясь к остальным.)

А вам чего?

Китаец

Ничего!
Ничего!
Утоп мой Китай.

Перс

Персия,
моя Персия пошла на дно.

Раджа

Даже Индия,
Поднебесная Индия, и та...

Паша

И от Турции осталось воспоминание одно!

Голоса прибывших раньше.

Тише!
Тише!
Что это за гул!

Дама-истерика

(ломая руки, отделяется от толпы)

Послушайте,
я не могу!
Не могу я среди звериных рыл!
Отпустите меня
к любви,
к игре.
Кто эти перила?
Эти тени перил,
стоящие берегами кровавых рек?
Послушайте,
я не могу!
Даже как любить, я забыла уже.
Отпустите!
Не надо!
Мимо я!
Я хочу детей,
я хочу мужей,
не могу я жить нелюбимая.
Послушайте, я не могу!

Француз
(успокаивая)

Да не трите глаз...
не кусайте губ...

(Продвигающимся к костру нечистым, заносчиво.)

А вы которых наций?

Нечистые
(вместе)

По свету всему гоняться
привык наш бродячий народина.
Мы никаких не наций.
Труд наш — наша родина.

Француз

Старые арии!

Испуганные голоса чистых.

Это пролетарии!
Пролетарии...
Пролетарии...

Кузнец
(французу, похлопывая его по изрядному животу)

Шум потопа, небось, в ушах-то?

Прачка
(ему же, насмешливо и визгливо)

Лег бы сейчас и уснул на кровати?
Пустить бы тебя в окопы да в шахты!

Проходящий рудокоп
(самодовольно)

Да —
мы ничего —
видали мокроватей.

Нечистые проходят, разделяя брезгливо жмущуюся толпу чистых, рассаживаются у костра. Толпа чистых смыкается за ними в круг. Паша вылазит в середину.

Паша

Правоверные!
Надо обсудить, что же произошло?
Давайте вникнем в суть явления.

Купец

Дело простое —
светопреставление.

Поп

А по-моему — потоп.

Француз

И вовсе не потоп,
а то б
дождик был.

Раджа

Да,
не было дождика.

Итальянец

Значит, и эта идея тоже дика...

Паша

Но все-таки —
что ж это, правоверные, произошло?
Давайте, правоверные, посмотрим в корень.

Купец

Народ, по-моему, стал непокорен.

Немец

Думаю, война, я.

Студент

Нет!
По-моему, причина иная.
По-моему, метафизическое...

Купец

(недовольно)

Война — метафизическое!
Начали с Адама.

Голоса

По очереди!
По очереди!
Не устраивайте содома!

Паша

Тс!
Давайте говорить постепенно.
Ваше слово, студент.

(Оправдывается перед толпой.)

А то у него даже на губах пена.

Студент

Сначала
все было просто:
день сменила ночь,
и только
заря чересчур разнебесилась ало.
Потом —
законы,
понятия,
веры,
гранитные кучи столиц
и самого солнца недвижная рыжина —
все стало как будто немного текуче,
ползуче немного,
немного разжижено.
Потом как прольется!
Улицы льются,
растопленный дом низвергается нá дом.
Весь мир,
в доменных печах революций расплавленный,
льется сплошным водопадом...

Голос китайца

Господа, внимание!
Сюда моросят.

Жена австралийца

Хорошенькое моросят!
Измочило, как поросят.

Перс

Может, конец мира близок,
а мы
митингуем, орем и ржем.

Итальянец
(жмется к полюсу)

Становитесь сюда!
Теснее!
Здесь не закапает.

Купец
(наддавая коленкой зажимающего дыру с присущим этому народу терпением эскимоса)

Эй, ты!
Пошел к моржам!

Охотник-эскимос отлетает, и из открытой дыры забила в присутствующих струя. Веером рассыпались чистые, нечленораздельно оря.

И-и-и-и-и!
У-у-у-у-у!
А-а-а-а-а!

Через минуту все бросаются к струе.

Забить!
Заткнуть!
Зажать!

Отхлынули. Только австралиец остался у земного шара с пальцем в дыре. В общем переполохе взгромоздился на пару поленьев поп.

Поп

Братие!
Лишаемся последнего вершка.
Последний дюйм заливает водой.

Голоса нечистых

(тихо)

Кто это?
Кто этот шкаф с бородой?

Поп

Сие на сорок ночей и на сорок ден...

Купец

Правильно!
Господь надоумил умно его!

Студент

В истории был подобный прецедент.
Вспомните знаменитое приключение Ноево.

Купец

(водворяясь на место попа)

Это глупости —
и история, и прецедент, и воопче...

Голоса

Ближе к делу!

Купец

Давайте, братцы, построим копчег!

Жена австралийца

Правильно! Ковчег!

Студент

Вот охота!
Пароход построим!

Раджа

Два парохода.

Купец

Правильно!
Весь капитал вложу!
Те спаслись, а мы умнее тех, никак.

Общий гул

Да здравствует,
да здравствует техника!

Купец

Подымите руки —
кто за.

Общий гул

И рук не надо.
Видно за глаза.

И чистые и нечистые подымают руки.

Француз

(занявший место купца, со злобой осматривает кузнеца, поднявшего руку)

И ты туда же?
Да и не тщись ты!
Господа,
давайте не возьмем нечистых!
Будут знать, как нас ругать.

Голос плотника

А ты умеешь пилить и строгать?

Француз

(поникая)

Я передумал.
Возьмем нечистых.

Купец

Только отберем непьющих и плечистых.

Немец

(влезая на место француза)

Тсс! Господа,
может быть, еще и не придется мириться с нечистыми.
К счастью,
мы не знаем, что с пятой частью света.

Галдите, и даже не побеспокоились узнать,
есть меж нами американцы ли.

Купец

(радостно)

Ну и голова!
Не человек, а германский канцлер.

Радость прорезает крик австралийки.

Что это?

Прямо из зала к напряженно вглядывающимся врывается американец.

Американец

Милостивые государи,
где здесь строят ковчег?
Вот

(протягивает бумагу)

от утопшей Америки
на двести миллиардов чек.

Молчаливое уныние. И вдруг вопль зажимающего воду австралийца.

Австралиец

Чего разглазелись? Будет пялиться!
Ей-богу, выну!
Коченеют пальцы...

Чистые засуетились. Заискивающе трутся к нечистым.

Француз

(кузнецу)

Ну что ж, товарищи,
построим,
а?

Незлобивый кузнец

А мне што!
По мне хоть...

(Машет рукой нечистым.)

Айда, товарищи!
Ехать, так ехать!

Нечистые подымаются. Пилы, рубанки, молотки.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Палуба ковчега. По всем направлениям панорама рушащихся в волны земель. В низкие облака упирается запутанная веревками лестниц мачта. В стороне рубка и вход в трюм. Чистые и нечистые выстроились по близкому борту.

Батрак

Н-да!
Не хотел бы я нынче за борт.

Швея

Глянь-ка туда:
не волна, а забор!

Купец

Зря я это с вами спутался.
Всегда вот так,
без толка.
Мореплаватели тоже!
Нашли морского волка.

Фонарщик

Ишь, поднесла!
Гудит и стенает.

Швея

Какой там забор!
Закрыло стеною.

Француз

Да-с.
Очень глупо-с!
Говорю вам с прискорбием и болью-с.

Сидели бы.
Земля еще держится.
Какой ни на есть, а все-таки полюс.

Батрак

Что волки твои,
волнищами ляскают.

Оба эскимоса, шофер и австралийцы — сразу.

Глядите,
что это?
Что с Аляскою?

Негу́с

Ну и метнулась!
Что камень пращой.

Немец

Ухнулась!

Охотник

Нет ее?

Рыбак

Нет.

Все

Прощай! Прощай! Прощай!

Француз

(расплакался, придавленный воспоминаниями)

Боже мой!..
Боже мой!..
Бывало,
всей семьей
соберемся у чайного столика —
плюшки,
икорка.

Булочник

(отмеряя кончик ногтя)

Чудно, ей-богу!
Ну, не жаль вот
ни столько.

Сапожник

Я водчонки припас.
Найдется рюмка?

Слуга

Найдется.

Рудокоп

Ребята,
идемте в трюм-ка!

Охотник

Ну, как моржонок?
Не очень поджарый ли?

Слуга

Ничего не поджарый,
славно поджарили.

Чистые одни. Нечистые спускаются в трюм, подпевая.

Что терять нам? Испугаться нам потопа ли?
Разустали ножки — по свету потопали.
Эх, и отдых в пароходах!
Эх!
И моржонка съесть и водочки хлебнуть не грех.
Эх, не грех!

Чистые окружили расхныкавшегося француза.

Перс

Стыдно, право!
Бросьте орать-то!

Купец

Перебьемся как-нибудь,
доползем до Арарата.

Негус

С голоду подохнешь, пока гора-то.
(*Прислушивается к шуму в трюме.*)

П о п

Ишь, ржут!

С т у д е н т

Чего им!
Наловили рыбы и жрут.

П о п

Возьмем сеть или острогу и тоже давайте ловить.

Н е м е ц

О-с-т-р-о-г-у?
А как обращаться ею?
Я только шпагой в человеке ковырять умею.

К у п е ц

Я закинул сеть,
думал — рыбину выну,
умаялся,
и ничего —
одну травину.

П а ш а

(сокрушенно)

До чего доросли:
первой гильдии — и жрут водоросли.

И т а л ь я н е ц

(многозначительно подымает палец)

Эврика!

(Немцу.)

Послушайте!
Чего это мы так тогда?
Что это нас так задело?
У нас теперь общий враг.

(Указывает на трюм. Берет под руку и отводит, на ходу говоря.)

У меня к вам вот что за дело...

Пошептавшись, возвращаются.

Немец

(держит речь)

Господа!
Мы все такие чистые.
Нам проливать за работой пот ли?
Давайте заставим нечистых, чтоб они на нас
работали.

Студент

Я б их заставил!
Да куда мне —
чахл!
А из них любой — косая в плечах.

Итальянец

Боже сохрани драться!
Не драться,
а пока выжирают меню,
пока восседают,
пия и оря,
возьмем и подложим им свинью...

Немец

Выберем им царя!

Все

(удивленно)

Зачем царя?

Немец

А затем, что царь издаст манифест —
все кушанья мне, мол, должны быть отданы.
Царь ест,
и мы едим —
его верноподданные.

Все

Здорово!

Паша

Ловко!

Купец

(радсстно)

Я же говорил вам —
Бисмарочья головка!

Австралийцы

Выбираем скорей!

Несколько голосов

Но кого?
Кого же?

Итальянец и француз

Негуса.

Поп

Правильно!
Ему и в руки вожжи.

Купец

Какие вожжи?

Немец

Ну, как их там...
Бразды правления, что ли...
Чего придираетесь?
Смысл один.

(Негусу.)

Взлазьте, господин.

(Французу, паше и студенту.)

Вы строчите манифест:
с божьей, мол, милости...
а мы — сюда,
чтоб не успели вылезти.

Паша и прочие строчат манифест. Немец с итальянцем разматывают перед выходом из трюма канат. Пошатываясь, вылазят нечистые. Когда последний выполз на палубу, итальянец и немец меняются местами — и нечистые опутаны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Немец
(сапожнику)

Эй,
ты!
Ступай под присягу!

Сапожник
(плохо разбираясь в событиях)

Можно, я лучше прилягу?

Итальянец

Я тебе прилягу —
не встанешь сто лет!
Господин поручик,
наводите пистолет!

Француз

Ага!
Протрезвели!
Вот так оно проще.

Некоторые нечистые
(грустно)

Попались, братцы.
Как куры вó щи.

Австралиец

Шапки долой!
У кого там шапка?

Китаец и раджа
(подталкивают попа, стоящего под рубкой, возглавляемой негусом)

Читай же,
читай, стоят не дыша пока!

Поп

(по бумаге)

Божьей милостью
мы,
царь изжаренных нечистыми кур
и великий князь на оных же яйца,
не сдирая ни с кого семь шкур,—
шесть сдираем, седьмая оставляется,—
объявляем нашим верноподданным:
волоките всё —
рыбу, хлеб, овощь, свинят
и чего найдется съестного прочего.
Правительствующий сенат
не замедлит
разобраться в грудах добра,
отобрать и нас попотчевать.

Импровизированный сенат из паши и раджи.

Слушаемся, ваше величество!

Паша

(распоряжается)
(Австралийцу.)

Вы — в каюты!
(Австралийке.)
Вы — в кладовые!
(Общее.)
Чтоб нечистый ничего дорогой не выел.
(Купцу, отматывая для него булочника.)
Вы вот с ним спускайтесь в трюм.
Я с раджою на палубе все просмотрю.
(Общее.)
Притáщите сюда и возвращайтесь снова.

Радостный гул чистых

Навалим целую гору съестного!

Поп

(потирая руки)

А после братски поделимся добычею
по христианскому обычаю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Конвоируемые офицерами, нечистые понуро спускаются в трюм, за ними — чистые, кроме сената, обшаривающего палубу. Первым возвращается австралиец. На огромном блюде моржонок. Складывает перед негусом — и обратно в трюм.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Китаец с австралийкой

(конвоируя булочника)

Этот бьет челом куличом.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Студент

(с плотником)

Сельдь у него.
Объедена наполовину.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Купец

(с шофером)

Вот этот в хранении колбасы уличен.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Поп

(с швеей и прачкой)

Сахар.
Чуть не изо рта у них вынул.

ЯВЛЕНИЯ СЕДЬМОЕ, ВОСЬМОЕ И ДЕВЯТОЕ

Француз возвращается, как и все. Перс деловито приносит бутыль — и обратно. Сенат притащил связку баранок и юркнул в трюм. Минуту на сцене один негус, сосредоточенно уплетающий принесенное. Затем, усталые, вылезают чистые и, завалив люк, направляются к трону, хвастаясь.

Француз

Я ростбиф нашел —
и целый кус!

Китаец

Занятно знать, каков он на вкус.

Австралиец

Моржонок попался —
румян, сочен.

Раджа

Проголодались?

Француз

Еще бы!

(Попу.)

Вы тоже?

Поп

Очень!

Взбираются к негусу. Перед негусом пустое блюдо. В один грозный голос.

Что здесь?
Гуляла мамаева рать?!

Поп
(в исступлении)

Один ведь,
один —
и чтоб столько сожрать!

Паша

Взял бы да и грохнул по сытой роже.

Негус

Молчать!
Я помазанник божий.

Немец

Помазанник!
Помазанник!
Лег бы, как мы...

Итальянец

На голодный желудок.

Поп

Иуда!

Раджа

Тьфу!
Не об этаком думал дне я.

Купец

Ляжем.
Утро вечера мудренее.

Укладываются. Ночь. По небу быстро проходит луна. Луна склоняется. Рассвет. В синем утре приподымается фигура итальянца, с другой стороны приподымается немец.

Итальянец

Вы спите?

Немец отрицательно качает головой.

Итальянец

Проснулись в эту по́рищу?

Немец

Уснешь тут!
В животе такой разговорище.
Ну, поговори, поговори еще!

Купец

(вмешиваясь)

Всё котлеты снятся.

Поп

(издали)

А что ж еще могло сниться!
(Негусу.)
Ишь, проклятый! Так и лоснится.

Австралиец

Холодно.
Да и ночь мокра-то.

Француз

(после короткой паузы)

Господа,
знаете, что?..
Я чувствую, что я становлюсь демократом.

Немец

Вот новость!
Я всегда народ любил без памяти.

Перс

(ехидно)

А кто предлагал его величеству к стопам идти?

Итальянец

Бросьте ваши ядовитые стрелы.
Самодержавие как форма правления
несомненно устарело.

Купец

Устареет, если ни росинки не попало в рот.

Немец

Серьезно! Серьезно!
Назревает переворот.
Довольно распрь,
покончим с бранью!

В один голос.

Ура!
Ура Учредительному собранию!

(Отваливают люк.)

Ура! У-р-а!

(Друг другу.)

Наяривайте!
Жмите!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Из люка лезут разбуженные нечистые.

Сапожник

Что это? Перепились?

Кузнец

Авария?

Купец

Граждане, пожалте на митинг!
(Булочнику.)
Гражданин, вы за республику?

Нечистые
(хором)

Митинг? Республику? Какую такую?

Француз

Стойте!
Сейчас интеллигенция растолкует.
(Студенту.)
Эй, вы, интеллигенция!

«Интеллигенция» и француз влазят на рубку.

Француз

Объявляю собрание открытым.
(Студенту.)
Ваше слово.

Студент

Граждане!
У этого царищи невозможный рот!

Голоса

Правильно!
Правильно, гражданин оратор!

Студент

Всё, проклятый, как есть сожрет!

Голос

Правильно!

Студент

И никто никогда не доползет до Арарата.

Голоса

Правильно!
Правильно!

Студент

Довольно!
Рвите цепи ржавые!

Общий гул

Долой,
долой самодержавие!

Купец
(негусу)

Попили кровушки,
нагадили народу...

Француз
(негусу)

Эй, ты,
алон занфан в воду!

Общими усилиями раскачивают негуса и швыряют за борт. Затем чистые берут под руки нечистых и расходятся, напевая.

Итальянец
(рудокопу)

Товарищи!
Вы даже не поверите.
Я так безумно рад:
нет теперь этих вековых преград.

Француз
(кузнецу)

Поздравляю вас!
Рухнули вековые устои.

Кузнец

(неопределенно)

М-да!

Француз

Остальное устроится,
остальное — пустое.

Поп

(швее)

Теперь мы — за вас, вы — за нас.

Купец

(довольный)

Так, так! Води за но́с.

Француз

(на рубке)

Ну, граждане, довольно,
погуляли всласть.
Давайте организуем демократическую власть.
Граждане,
чтобы все это было скоро и быстро,
мы вот,— упокой, господи, душу негуса,— мы
вот тринадцать
будем министры и помощники министров,
а вы — граждане демократической республики,—
вы будете ловить моржей, шить сапоги,
печь бублики.
Возражений нет?
Принимаются доводы?

Батрак

Ладно!
Было бы недалеко до воды!

Хором

Да здравствует! Да здравствует демократиче-
ская республика!

Француз

А теперь я

(нечистым)

вам предлагаю работать.

(Чистым.)

А мы — за перья.
Работайте,
несите сюда,
а мы это всё поделим поровну,—
последняя рубашка пополам будет порвана.

ЯВЛЕНИЯ ОДИННАДЦАТОЕ И ДВЕНАДЦАТОЕ

Чистые устанавливают стол, располагаются с бумагами, и когда нечистые приносят съестное, записывают во входящие и по уходе с аппетитом съедают. Булочник, пришедший во второй раз, пытается заглянуть под бумаги.

Чего глазеешь?
Отойди от бумаг!
Это, брат, дело не твоего ума.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Кузнец и рыболов

Давайте делиться обещанным.

Поп

(возмущенно)

Братие!
Рановато еще о пище нам.

Раджа

(отводя их от стола)

Там акулу поймали.
Присмотритесь к акуле —
не несет яиц, не приспособлена к молоку ли.

Кузнец

(угрожая)

Все равно, раджа, паша ли вы,
как говорится у турок:
«Эй, паша, не пошаливай!»

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Уходит и через минуту возвращается вкупе с прочими нечистыми; подходят к столу.

Кузнец

Учат!
Сколько ни дои акул —
не быть из акулы молоку.

Сапожник

(пишущим)

Пора обедать!
Скорей кончай-ка!

Итальянец

Обратите внимание,
как это красиво:
волны и чайка.

Батрак

Поговорим-ка лучше о щах и о чае.

Все

К делу!
К делу!
Нам не до чаек.

Напирая, опрокидывают стол. На палубу грохаются пустые тарелки.

Швея и прачка

(грустно)

Всё совет министерский вылакал.

Плотник
(вскакивая на опрокинутый стул)

Товарищи!
Это нож в спину!

Голоса

И вилка!

Рудокоп

Товарищи!
Что ж это?
Раньше жрал один рот, а теперь обжирают ротой?
Республика-то оказалась тот же царь, да только сторотый.

Француз
(ковыряя в зубах)

Чего кипятитесь?
Обещали и делим поровну:
одному — бублик, другому — дырка от бублика.
Это и есть демократическая республика.

Купец

Надо же ж кому-нибудь и семечки — не всем арбуз.

Нечистые

Мы вам покажем классовую борьбу!

Немец

Стойте, граждане!
Наша политика...

Нечистые

А ну,
с четырех концов подпалите-ка!
Покажем им, какая такая политика!
Держись,
запахнет гарью.
Подпалим революцией,
что твою Болгарию.

Вооружаются сложенным чистыми во время обеда оружием, загоняют чистых на корму. Мелькают пятки сбрасываемых чистых. Только купец забился в угольный ящик.

Мадам-истерика

(все время путающаяся под ногами, заломила руки)

И опять и опять разрушается кров,
и опять и опять смятенье и гул...
Довольно!
Довольно!
Не лейте кровь!
Послушайте, я не могу!

Батрак

Ишь, проклятая!
Распустила слюнки!
Революция вам, мадам, не юнкер.
(Вежливо берет ее. Дама вцепляется в руку.)
Ишь, злюка!

Кузнец

Вали ее, ребята, в дырку люка!

Трубочист

Не задохлась бы тама —
все-таки дама.

Батрак

Что мямлить?
Вернутся — нас же распнут на кресте.

Нечистые

Правильно!
Правильно!
Или мы — или те!

Кузнец

Товарищи!
Сапогами отшвыривайте кликуш.
Эй, народ, чего не ликуешь?
Ликуй!

Но суровы голоса нечистых — последние запасы съела республика.

Булочник

Ликуй!
А велико ли хлеба запасено?

Швея

Ликуй! Когда мысли только о хлебе.

Фонарщик

Ликуй! Если всюду одни только хляби.

Трубочист

Ликуй! Когда ни крошки не осталось на корме.

Несколько — сразу.

«Ликуй» кричишь!
Ты нас накорми.
Мы голодны.
Мы устали.
Не пройдешь шагов и ста.

Батрак

Голодны? Устали?
Разве бывает усталь у стали?

Прачка

Мы не сталь.

Кузнец

Так будемте сталь.
Не останавливаться на половине ж.
Съеденное в утопших,
назад не вынешь.
Теперь об одном осталось ратовать,
чтоб сила не иссякла до места Араратова.
Пусть нас бури бьют,
пусть изжарит жара,
голод пусть —
посмотрим в глаза его,
будем пену одну морскую жрать.
Мы зато здесь всего хозяева!

Хором

Правильно!
Идем себя закалять!

Спускается та же ночь. Кузнец раздувает горн. Быстро бежит луна.

Кузнец

Идите же!
Работы не было наваленней.
Никогда сильнее не требовалось починок.
Собственные груди ставьте на наковальни.
Эй! Кто для почина?

Батрак

Мне надо новые поставить подковы.

Плотник

Руку подправьте — не очень узловата.

Рыбак

Мне надо на грудь чего-нибудь такого.

Фонарщик

Ноги подделайте, а то — вата.

Подходят один за другим, работает кузнец. Стальные и выправленные идут от горна, рассаживаются по палубе. Утро. Холодно и голод.

Шофер

Без еды — все равно что машина без дров.

Рудокоп

Даже я сдаю, уж на что здоров.

Охотник

Слабеет от голода за мускулом мускул.

Швея

(прислушиваясь)

Слушайте,
что это?
Слышите музыку?

От нее отсаживаются, смотрят испуганно. Некоторые пятятся в трюм. Но не разумнее и голос плотника.

Плотник

Антихрист речь повел нам
об Арарате и рае.

(Испуганно вскакивает, пальцем за борт.)

Кто там
идет по во́лнам,
в кости свои играет?

Трубочист

Брось ты!
Море го́ло.
Да и кому являться?

Сапожник

Вон он!
Идет!
Это голод
нами идет разговляться!

Батрак

Что ж, иди!
Нет здесь таких, кто упал бы.
Товарищи, враг у борта́!
Живо!
Все на палубы!
Голод
сам идет на абордаж.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Выбегают, шатаясь, вооруженные чем попало. Рассвело. Пауза.

Все

Что ж, иди!
Никого...
И вот
снова будем смотреть бесплодное лоно вод.

Охотник

Так вот молишь о тени в печах пустыни,
умирая ж —
видишь, будто пустыня стынет.
Мираж!

Шофер

(приходит в страшное волнение, поправляет очки, всматривается. Кузнецу)

Там вот,
на западе —
не заметишь ли точечки?

Кузнец

Что глядеть?
Все равно что на хвост надеть или в ступе истолочь очки.

Шофер

(отбегает, шарит, лезет с трубой на рею — и через минуту его рвущийся от радости голос)

Арарат! Арарат! Арарат!

Со всех концов.

О, как я рада!
О, как я рад!

Вырывают у шофера трубу. Сгрудились.

Плотник

Где он? Где?

Кузнец

Да вот виднеется
направо от...

Плотник

Что это?
Приподнялось.
Выпрямилось.
Идет.

Шофер

То есть как — идет?
Арарат — гора и ходить не может.
Глаза потри.

Плотник

Сам три.
Смотри!

Шофер

Да, идет.
Человек какой-то.
Да, человек.
Старый с посохом.
Молодой без посоха.
Эк,
идет по воде, что по-суху!

Швея

Колокола, гудите!
Вздыбливайте звон!
Бросайте работу!
Останавливайте заводы!
Это он!
Он шел, рассекая генисаретские воды!

Кузнец

У бога есть яблоки,
апельсины,
вишни,
может вёсны стлать семь раз на дню,
а к нам только задом оборачивался всевышний,
теперь Христом залавливает в западню.

Батрак

Не надо его!
Не пустим проходимца!
Не для молитв у голодных рты.
Ни с места!
А то рука подымется.
Эй,
кто ты?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Самый обыкновенный человек входит на замершую палубу.

Кто я?
Я — дровосек
дремучего леса
мыслей,
извитых лианами книжников,
душ человечьих искусный слесарь,
каменотес сердец булыжников.
Я в воде не тону,
не горю в огне —
бунта вечного дух непреклонный.
В ваши мускулы
я
себя одеть
пришел.
Готовьте телá-колонны.
Сгрудьте верстаки, станки и горны.
Взлезу на станки и на горны я.

Сбивают груду.

Эта ставка
последняя у мира в игорне.
Слушайте!
Новая проповедь нагорная
Еще громá себя не изгрохали,
горы бурь еще не отухали.
О, горе тем, кто вцепились — рохли! —
земным ковчегам в плывущую рухлядь!
Араратов ждете?
Араратов нету.
Никаких.
Приснились во сне.
А если
гора не идет к Магомету,
то и черт с ней!
Не о рае Христовом ору я вам.
где постнички лижут чаи без сахару.
Я о настоящих земных небесах ору.
Судите сами: Христово небо ль,

евангелистов голодное небо ли?
В раю моем залы ломит мебель,
услуг электрических покой фешенебелен.
Там сладкий труд не мозолит руки,
работа розой цветет по ладони.
Там солнце такие строит трюки,
что каждый шаг в цветомории тонет.
Здесь век корпит огородника опыт —
стеклянный настил, навозная насыпь,
а у меня
на корнях укропа
шесть раз в году росли ананасы б.

Все

(хором)

Мы все пойдем!
Чего нам терять!
Но пустят ли нашу грешную рать?

Человек

Мой рай для всех,
кроме нищих духом,
от постов великих вспухших с луну.
Легче верблюду пролезть сквозь иголье ухо,
чем ко мне такому слону.
Ко мне —
кто всадил спокойно нож
и пошел от вражьего тела с песнею!
Иди, непростивший!
Ты первый вхож
в царствие мое небесное.
Иди, любовьями всевозможными разметавшийся
прелюбодей,
у которого по жилам бунта бес снует,—
тебе, неустанный в твоей люботе
царствие мое небесное.
Идите все, кто не вьючный мул.
Всякий, кому нестерпимо и тесно,
знай:
ему —
царствие мое небесное.

Хором

Не смеется ли этот над нищими?
Где они?
Дразнишь какими страницами?

Человек

Длинна дорога.
Надо сквозь тучи нам.

Хором

Каждую тучу сразим поштучно!

Человек

А если ад взгромоздится за адом?

Хором

Пойдем и туда!
Не попятимся задом.
Веди нас!
Где она?

Человек

Где?
На пророков перестаньте пялить око,
взорвите все, что чтили и чтут.
И она, обетованная, окажется под боком —
вот тут!
Конец.
Слово за вами. Я нем.

Исчезает. На палубе недоумение.

Сапожник

Где он?

Кузнец

По-моему, он во мне.

Батрак

Думаю, заблагорассудилось и в меня ему...

Несколько

Кто он?
Кто этот дух невменяемый?
Кто он —
без имени?
Кто он —
без отчества?
Зачем он?
Какие кинул пророчества?
Кругом потопа смертельная ванная.
Пускай!
Найдется обетованная!

Кузнец

Зловещ пучин разверзшийся рот.
(Рукой на реи.)
Дорога одна — сквозь тучи вперед!

Бросаются к мачте. Хором.

Сквозь небо — вперед!

Вскарабкиваются, и уже на реях развертывается боевая песнь.

Батрак

Мы сами теперь громоногая проповедь.
Идемте силы в сражении пробовать!

Хор

Идем,
идем последнее пробовать!

Сапожник

Там всем победителям отдых за боем.
Пусть ноги устали, их в небо обуем!

Хор

Обуем!
Кровавые в небо обуем!

Плотник

Распахнута твердь
небесам за ограду!

По солнечным трапам,
по лестницам радуг!

Хор

По солнечным сходням,
качелями радуг!

Рыбак

Довольно пророков!
Мы все Назареи!
Скользите на мачты,
хватайтесь за реи!

Хор

На мачты!
На мачты!
За реи!
За реи!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

«За реи!» — замирает в облаках. Когда скрывается последний, из угольного ящика, осматриваясь, пролазит купец, задирает голову, качает головой на мачту и, посмеиваясь, говорит.

Надо же ж быть ослом!
(Обводит рукой ковчег.)
Добра на четыреста тысяч
минимум.
Даже если на слом.

Но недолговечна купцова радость,— задранная голова перетянула, купец кувыркается за борт.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ад. В три яруса протянуты дымно-желтые тучи. На верхнем ярусе надпись: «Чистилище», на среднем: «Ад», на нижнем, свесив ноги, восседают два черта.

Первый

Два слова по поводу пищи:
трудно нам без попов в аду,
а из России, как на грех, гонят попищей.

Второй
(вглядываясь вниз)

Что это маячит там?

Первый

Мачта.

Второй

Зачем мачта? Какая мачта?

Первый

Пароход какой-то.
Да, корабль!
Кают огни.
Жизнь недорога!
Смотри, по тучам тела карабкают,
сами лезут черту на рога.

Второй

Старик-то наш
обрадуется донельзя.

(Огрызается на первого.)

Тише ты, черт,
нельзя, чтоб без гула!
Беги, предупреди штаб
Вельзевула.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Первый бежит. Над средним ярусом показывается Вельзевул. Ладонь ко лбу. Над ярусом приподымаются черти.

Вельзевул

(убедившись, орет)

Эй, вы,
черти!
Волоките котёлище!
Да дров побольше —
суше,
толще!
Прячься за тучи, батальон сторогий!
Чтоб никто из тех не ушел с дороги!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ

Черти притаились. Снизу доносится: «На мачты, на мачты! За реи, за реи!» Вваливается толпа нечистых, и моментально же вываливаются черти с вилами наперевес.

Черти

У-у-у-у-у-у-у!
А-а-а-а-а-а!
У-у-у-у-у-у-у!
А-а-а-а-а-а!

Кузнец

(указывая на крайних, швее со смехом)

Как тебе нравятся эти трое?

Ишь, стараются!
Землю роют.

Гвалт начал надоедать. Цыкнули нечистые.

Т-с-с-с-с!

Смолкли растерявшиеся черти.

Нечистые

Это ад?

Черти

(нерешительно)

Д-да!

Батрак

(на чистилище)

Товарищи!
Не останавливаться!
Прямо туда!

Вельзевул

Да-да!
Черти, вперед!
Не пускать в чистилище!

Батрак

Послушайте —
это что за стиль еще?

Кузнец

Бросьте вы это!

Вельзевул

(обиженно)

То есть как бросить?!

Кузнец

Да так.
Стыдно!
Все-таки старый черт,
у самого проседь.

Нашли, ей-богу, чем стращать!
На заводе
чугуноплавильном
не бывали, чать?

Вельзевул
(сухо)

Не был я на вашей плавильне.

Кузнец

То-то!
А то б повылинял
шерсткой.
Живешь себе тут
щеголем,
гладкий такой да жесткий.

Вельзевул

Хорош гладкий,
хорош жесткий!
Довольно разговаривать! Пожалте на костры!

Булочник

Остри!
Нашел чем пугать!
Смешно, ей-богу!
Да у нас
в Питере
вам бы еще заплатили
за такую головню.
Холод.
А у вас благодать.
Сплошное ню.

Вельзевул

Довольно шутить!
Трепещите за души!
Всех вас серой сейчас же задушим!

Кузнец

(сердясь)

Хвастают тоже!
Что у вас? —
Слегка попахивает серою.
У нас как пустят удушливым газом —
вся степь от шинелей становится серою,
дивизия разом валится наземь.

Вельзевул

Побойтесь, говорю вам, раскаленных жаровен!
На вилах будете,
час неровен.

Батрак

(выходя из себя)

Да что ты кичишься какими-то вилами!
Твой глупый ад — все равно что мед нам.
Бывало,
в атаке
три четверти выломит
в одно дуновенье огнем пулеметным.

Черти развесили уши.

Вельзевул

(старается поддержать дисциплину)

Чего стоите?
Разинули рот!
Может, он все это врет!

Батрак

(зверея)

Я вру?!
Сидите тут,
пещеры пещерите!
Черти!
Слушайте!
Я вам расскажу...

Черти

Тише!

Батрак

...про нашу земную жуть.
Что ваш Вельзевул!
У нас паук такой
клещами тыщами
всю землю сжал в обескровленный пук,
рельс паутиною выщемил.
У вас хоть праведников нет и детей,—
рука, небось, не подымается мучить,—
а у нас и те!
Нет, черти,
у вас здесь лучше..
Как какой-нибудь некультурный турок,
грешника с размаха саданёте нá кол,
а у нас машины,
а у нас культура...

Голос

(из толпы чертей)

Однако!

Батрак

Человечину жрете?
Невкусное сырье!
Я б к Сиу вас свел, каб не было поздно.
У нас в шоколад перегоняют ее.

Голос

(из толпы чертей)

Но?
Серьезно?

Батрак

А негров видели дубленые кожи,—
на переплеты, чтоб мог идти?
В ухо гвоздь?
Пожалуйста, отчего же!
А шерсть свиную хотите под ногти?

Посмотрели солдата в окопе вы бы:
сравнить если с ним — ваш мученик сноб...

Черти

Довольно!
Шерсть подымается дыбом!
Довольно! довольно!
Такой озноб!

Батрак

Думаете, страшно?
Развели костерики,
развесили чанки́.
Какие вы черти?
Да вы щенки!
Ремни вас на фабриках растягивали по суставам?

Вельзевул
(смущенно)

Ну, вот!
В чужой монастырь со своим уставом.

Батрак

Что,
только на робких пасти щерите?

Черти

Ну что вы, ей-богу, пристали?
Черти, как черти!

Вельзевул идет к батраку заминать разговор.

Вельзевул

Я б вас пригласил хлеб-соль откушать
в гости,
да какое теперь угощение —
кожа да кости.
Сами знаете, какие теперь люди?
Изжаришь, так его и незаметно на блюде.
Нет этих мешочников в ризе.
Сами понимаете — продовольственный кризис.

Притащили на днях рабочего
из выгребных ям,
так не поверите — нечем потчевать.

Батрак

(брезгливо)

Пошел к чертям!
(К давно уже нетерпеливо ждущим рабочим.)
Айда, товарищи!

Нечистые двинулись; к последнему прицепился черт помоложе.

Черт

Счастливого пути!
Устраивайтесь как-нибудь по-новому,
без лишней святости,
а то какая там, например, троица?
И мы к вам придем, когда все устроится.
Сидишь тут,
не евши
дней по пяти,
а у чертей,
известно,
чертовский аппетит.

Нечистые двинулись ввысь. Ломаемые, падают тучи. Тьма. Из тьмы и обломков опустевшей сцены вырисовывается следующая картина, а пока по аду гремит песня нечистых.

Кузнец

Телами адовы двери пробейте!
Чистилище в клочья!
Вперед!
Не робейте!

Хор

Чистилище вдребезги!
Так!
Не робейте!

Рудокоп

Вперед!
От отдыха тело отучим!

По ярусам
выше!
Шагайте по тучам!

Хор

Шагайте по ярусам!
Выше!
По тучам!

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

Рай. Облако на облаке. Белесо. По самой середине, чинно рассевшись по облачью, райские жители. Мафусаил ораторствует.

Мафусаил

Святейшие!
Идите в светлейшее мощи оправить,
почище начистьте дни-ка.
Глаголет Гавриил —
грядет
больше чем дюжина праведников.
Святейшие!
Примите их в свою среду.
Что мышью, голод играет ими,
им гадит ад,
но они бредут...

Райские
(степенно)

Сразу видно — достойнейшие люди.
Примем.
Обязательно примем.

Мафусаил

Надо стол накрыть,
выйти вместе.
Торжественнейшую встречу устроить надо нам.

Райские

Вы здесь старейший и будьте церемониймейстер.

Мафусаил

Да я не умею...

Все

Ладно, ладно!

Мафусаил

(кланяется, идет распоряжаться столом. Выстраивает святых)

Вот сюда Златоуст.
Готовь приветственный тост:
— Мы, мол, все приветствуем, а такожде и Христос...
Сам знаешь, тебе и книги в руки.
Вот сюда Толстой,—
у тебя вид хороший, декоративный,
стал и стой.
Сюда — Жан Жак.
Так и развертывайтесь анфиладою,
а я пойду стол присмотреть.
Доишь облака, сын мой?

Ангел

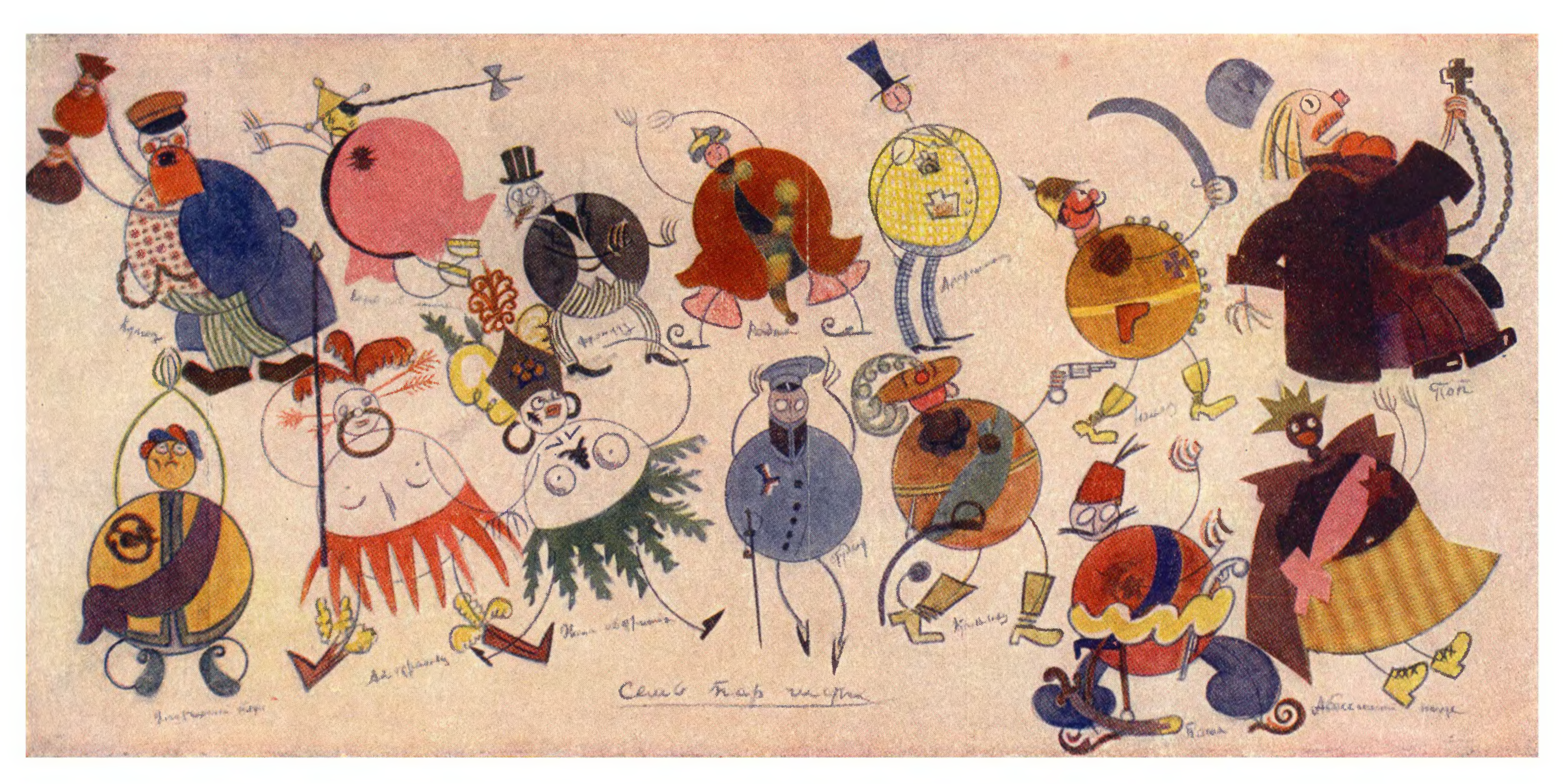
Да, дою.

Мафусаил

Надоишь — и на стол.
Нарежьте даже
облачко одно,
каждому по ломтику.
Для отцов святейших главное не еда же,
а речи душеспасительные, которые за столом текут.

Святые

Ну что,
не видно пока?
Чтой-то край у облака подозрительно дут.
Идут! Идут! Идут! Идут!



Эскизы костюмов, сделанные Маяковским к „Мистерии-буфф“: „Семь пар чистых“

1919 г.

Неужели это они?
В рай, а будто трубочисты грязные.
Вымоем.
М-да, святые-то, оказывается, разные.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Снизу доносится

Орите в ружья!
В пушки басите!
Мы сами себе и Христос и спаситель!
Мы сами Христос!
Мы сами спаситель!

Вваливаются, пробивая облако пола, нечистые.

Хором

Ух, и бородастые!
Штук под триста!

Мафусаил

Пожалте, пожалте —
тихая пристань!

Ангельский голос

Понапустили народу шалого!

Ангелы

Драсьте, драсьте!
Добро пожаловать!

Мафусаил

А ну-ка, Златоуст, займись-ка тостом!

Нечистые

Какие там тосты!
Мы устали,
как собаки, голодны!

Мафусаил

Терпение, братие!
Сейчас,
сейчас накормим досыта.

Мафусаил ведет нечистых к месту, где на облачном столе облачное молоко и облачный хлеб.

Плотник

Нашагался.
Нельзя ли какой-нибудь стул?

Мафусаил

Нет-с,
в раю нет.

Плотник

Чудотворца б пожалели —
стоит вон сутул.

Рудокоп

Не ругайся.
Главное — подкрепление сил.

Набрасываются на ковши и краюхи, сначала удивляются, потом, негодуя, откидывают бутафорию.

Мафусаил

Вкусили?

Кузнец
(грозно)

Вкусил, вкусил!
А нет чего посущественней?

Мафусаил

Не купать же бестелых существ в вине?

Нечистые

Ждем вас, проклятых,
смиренно умираем мы.
Кабы люди знали, что это впереди!
У нас у самих
такими раями
хоть пруд пруди.

Мафусаил

(указывая на святого, которому орал кузнец)

Не орите, неудобно.
Ангельский чин.

Рыбак

Поговорили бы лучше с чином:
не сварит ли чин ваш щи нам.

Голоса нечистых

Не так мы себе это представляли.

Охотник

Нора!
Сущая пора!

Шофер

И не похоже на рай.

Сапожник

Так, голубчики,
дорвались до рая!

Слуга

Ну, доложу вам, дыра, я!

Батрак

Что ж, вы так вот и сидите?

Один из ангелов

Зачем?
Случается и на землю
к праведному брату или сестре пойти,
и возвращаемся, елей свой излив там.

Слуга

Так вот перышки по тучам и трепите?!
Чудаки!
Обзавелись бы лифтом.

Второй ангел

А мы метки на облаках вышиваем,—
Х. и В.—
Христовы инициалы.

Слуга

Вы б еще подсолнухи грызли.
Провинциалы!

Батрак

Побывали б у меня на земле они,
отучил бы лодырей от лени!
Поют вот:
«Долой тиранов, прочь оковы».
И до вас доберутся,
не смотрите, что высоко́ вы.

Швея

Совсем, как в Питере:
население скучено,
еда скушана.

Нечистые

Скучно у вас.
Ох, и скушно!

Мафусаил

Что поделаешь, такой уж строй у нас.
Оно, конечно,
многое не благоустроено-с.

Батрак

Как отсюда вылезти?

Мафусаил

Спросите у Гавриила.

Батрак

А Гавриил который?
Все — как один!

Мафусаил

(гордо разглаживая бороду)

Ну, не скажите,
есть и отличие,—
вот, например, бороды длина-с.

Нечистые

Чего разговаривать?
Крушите!
Это учреждение не для нас.

Батрак

К обетованной!
Ищите за раем.
Шагайте!
Рай шажищами взроем.

Хор

Найдем!
Хоть всю вселенную взроем!

Ломают рай, вздымаясь ввысь.

Кузнец

Заря разгорается—
дальше!
За рай!
Там все разговеемся...

Но когда сквозь обломки рая долезли до верха, перебивает кузнеца швея:

Да что кормить голодных зарей!

Прачка

(устало)

Ломаем, ломаем и ломаем мы
тучи.
Не время ли мимо им?
Скоро ли, скоро ли маями
тело усталое вымоем?

Еще голоса.

Куда?
Не очутимся в новом аду ли?
Надули нас!
Нас надули!
А дальше что?
Чем дальше, тем жутче.

(Подумав.)

Вперед трубочиста! Иди, лазутчик!

Из тьмы обломков рая вырастает новая, и последняя, картина.

Конец второй картины

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обетованная страна. Огромнейшие, во всю сцену, ворота. Ворота размалеваны в какие-то углы, из которых слабо намечаются улицы и площади земных местностей. А наверху, над забором, качаются саженные цветы и горящим семицветием просвечивает радуга. У ворот лазутчик, возбужденно выкликающий карабкающихся.

Трубочист

Сюда, товарищи!
Сюда!
Высаживайте десант!

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Подымаются нечистые и страшным удивлением окидывают ворота.

Трубочист

Чудес-с-с-а!!

Плотник

Да ведь это Иваново-Вознесенск!
Хорошие чудеса.

Слуга

Как это проходимцам верить, вас спрошу я!

Рыбак

Да не Вознесенск это,
верьте чести.
Это Марсель.

Сапожник

А по-моему, Шуя.

Рудокоп

Не Шуя вовсе.
Это Манчестер.

Батрак

Манчестер, Шуя —
не в этом дело:
главное —
опять очутились на земле,
опять у того же угла.

Все

Кругла земля, проклятая,
ох, и кругла!

Прачка

Земля, да не та!
По-моему,
для земли не мало ли пахнет помоями

Слуга

Что это в воздухе —
сласть какая-то разабрикосена?

Сапожник

Абрикосы!
В Шуе?
Да и время как будто к осени.

Подымают головы. Радуга бьет в глаза.

Все

А ну, фонарщик,
ты с лестницей,—
лезь да глазом окинь.

Фонарщик
(лезет и останавливается, обмерев. Только и мямлит)

Дураки мы!
Ну, и дураки!

Нечистые
(разом)

Да рассказывай!
Смотрит, что гусь на молнию!
Рассказывай! Сыч!

Фонарщик

Н-е м-о-г-у...
Т-а-к-а-я
к-о-с-н-о-я-з-ы-ч-ь...
Дайте мне, дайте стоверстый язычище,
луча чтоб солнечного ярче и чище,
чтоб не тряпкой висел,
чтоб раструбливался лирой,
чтобы этот язык раскачивали ювелиры,
чтоб слова
соловьи разносили изо рта...
Да что!
И тогда не расскажешь ни черта!
Бутыли горящие ходят, булькая...

Голоса

Булькая?

Фонарщик

Да, булькая!
Дерево цветет,
да не цветком, а булкою.

Голоса

Булкою?

Ф о н а р щ и к

Да, булкою!

Б а т р а к

А хозяйка расфуфыренная
и хозяин мопсовидный
ходят по городу, тротуары уродуя?

Ф о н а р щ и к

Нет,
отсюда никого не видно.
Ничего не заметил этого рода я.
Сахарная женщина...
Две еще!

В с е

Да говори хоть подробней немножко!

Ф о н а р щ и к

Да ходят всякие
яства,
вещи.
У каждой ручка,
у каждой ножка.
Фабрики во флагах
за верстою верста.
Куда ни ткнется взор стоног —
в цветах
без работы стоят
верстак,
станок.

Н е ч и с т ы е

(беспокойно)

Стоят?
Без работы?
А мы здесь исхищряемся в словесном спорте.
Может, дождь пойдет,
машины испортит.
Ломитесь!
Кричите!
Эй!
Кто тут?

Фонарщик

(скатываясь)

Идут!

Все

Кто?

Фонарщик

Вещи идут!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ворота распахиваются, и открывается город. Но какой город! Громоздятся в небо распахнутые махины прозрачных фабрик и квартир. Обвитые радугами, стоят поезда, трамваи и автомобили, а посредине сад звезд и лун, увенчанный сияющей кроной солнца. Из витрин вылазят лучшие вещи и, предводительствуемые хлебом и солью, идут к воротам.

По онемелым рядам прижавшихся нечистых.

А-а-а-х-х-х!

Вещи

Ха-ха-ха-ха-ха!

Оживший батрак

Кто вы?
Чьи вы?

Вещи

Как чьи?

Батрак

Да как вашего хозяина имя?

Вещи

Никаких хозяев!
Ничьи мы.

Батрак

А для кого хлеб?
Соль?
Сахарная голова?
Встречаете кого?

В е щ и

Вас!
Все вам!

В с е

Нас?
Нам?

К у з н е ц

Спим, должно быть.
Выдумки сна.

Ш в е я

Раз
вот так
сидела галеркою.
На. сцене бал.
Травиата.
Ужин.
Вышла —
и такой это показалась горькою
жизнь:
грязь,
лужи.

В е щ и

Никуда это теперь от вас не денется —
это земля.

О х о т н и к

Будет морочить!
Какая это земля!
Земля — грязь,
земля — ночи.
На земле наработаешь — разинешь рот,
а жирный такой придет и отберет.

П р а ч к а
(хлебу)

Зовет,
а сам,
небось,

кусаться будет.
Пятьсот рублей, что пятьсот зубов, должно быть,
на каждом пуде.

Плотник

(машине)

Тоже!..
Подходит!..
Походка мышиная.
Мало коверкало нас машиною!
Вам бы лишь зубы на рабочих растить!

Все вещи

Прости, рабочий!
Рабочий, прости!
Рубля рабы,
рабы рабовладельца
были.
Заставил цепными делаться!
Берегла прилавки, сторублева и зла,
в окна скалила зубья зарев.
Купцовы щупальцы лезли из лавок.
Билось злобой сердце базаров!
Революция,
прачка святая,
с мылом
всю грязь лица земного смыла.
Для вас,
пока блуждали в высях,
обмытый мир
расцвел и высох!
Свое берите!
Берите!
Идите!
Рабочий, иди!
Иди, побсдитель!

Голоса

Нога не бритва,
авось не ступим.

Давайте, братцы, попробуем,
ступим!

Нечистые ступают.

Батрак

(трогает землю)

Землица!
Она!
Родимая землица!

Все

Запеть бы теперь!
Закричать!
Замолиться!

Булочник

(плотнику)

Сахар-то —
я его лизнул.

Плотник

Ну?

Булочник

Сладок, просто сладок.

Несколько голосов

Теперь с весельем не будет слада!

Батрак

(хмелея)

Товарищи вещи,
знаете, что?
Довольно судьбу пытать.
Давайте, мы будем вас делать,
а вы нас питать.
А хозяин навяжется — не выпустим живьем!
Заживем?

Все

Заживем!
Заживем!

Нечистые жадно посматривают на вещи.

Батрак

Я бы взял пилу. Застоялся. Молод.

Пила

Бери!

Швея

А я — иглу б.

Кузнец

Рука не терпит — давайте молот!

Молот

Бери! Голу́бь!

Нечистые, вещи и машины кольцом окружают солнечный сад.

Книга

(обиженно)

А я?

Все

Иди!
Довольно ускользала ижица!
Становись, книжица!

Книга становится в почтительно разомкнутый круг.

Все

Чего волами подъяремными мычали?
Ждали,
ждали,
ждали года
и никогда не замечали
под боком такую благодать.
И чего это люди лазят в музеи?
Живое сокровище на сокровище вокруг.
Что это — небо или кусок бумазеи?

Если это дело наших рук,
то какая дверь перед нами не отворится?
Мы — зодчие земель,
планет декораторы,
мы — чудотворцы.
Лучи перевяжем пучками мётел,
чтоб тучи небес электричеством вымести.
Мы реки миров расплещем в мёде,
земные улицы звездами вымостим.
Копай!
Долби!
Пили!
Буравь!
Все ура!
Всему ура!
Солнцепоклонники у мира в храме,
покажем, как петь умеем мы.
Становитесь хора́ми —
солнцу псалмы!

Гимн

(торжественно)

Сон вековой разнесён —
целое море утр.
Хутор мира, цвети!
Ты наш!
А над нами солнце, солнце и солнце.
Радуйтесь все, кто силён,
цех созидателей мира, рабочих.
Бочек вина пьянее
жизнь.
Грей! Играй! Гори!
Солнце — наше солнце!
Довольно!
Мир исколесён.
Цепь железа сменили цепью любящих рук.
Игру новую играйте!
В круг!
Солнцем играйте. Солнце катайте. Играйте в
солнце!

Пауза, а за ней—

Кузнец

Идем!
Идем по градам и весям,
флагами наши души развесим.
Вылазьте из грязи
все, кому
надоели койки ночлежных нар.
Городов граниты,
зелени сел —
наше все.
Мир — коммунар.

Все

Трудом любовным
приникнем к земле
все,
дорога́ кому она.
Хлебьтесь, поля!
Дымьтесь, фабрики!
Славься!
Сияй,
солнечная наша
Коммуна!

Занавес

[*1918*]

МИСТЕРИЯ-БУФФ

ГЕРОИЧЕСКОЕ, ЭПИЧЕСКОЕ И САТИРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НАШЕЙ ЭПОХИ

Второй вариант

«Мистерия-буфф» — дорога. Дорога революции. Никто не предскажет с точностью, какие еще горы придется взрывать нам, идущим этой дорогой. Сегодня сверлит ухо слово «Ллойд-Джордж», а завтра имя его забудут и сами англичане. Сегодня к коммуне рвется воля миллионов, а через полсотни лет, может быть, в атаку далеких планет ринутся воздушные дредноуты коммуны.

Поэтому, оставив дорогу (форму), я опять изменил части пейзажа (содержание).

В будущем все играющие, ставящие, читающие, печатающие «Мистерию-буфф», меняйте содержание,— делайте содержание ее современным, сегодняшним, сиюминутным.

ДЕЙСТВУЮТ:

1. Семь пар чистых: 1) Негус абиссинский, 2) Раджа индийский, 3) Турецкий паша, 4) Российский спекулянт, 5) Китаец, 6) Упитанный перс, 7) Клемансо, 8) Немец, 9) Поп, 10) Австралиец, 11) Жена австралийца, 12) Ллойд-Джордж, 13) Американец и 14) Дипломат.

2. Семь пар нечистых: 1) Красноармеец, 2) Фонарщик, 3) Шофер, 4) Шахтер, 5) Плотник, 6) Батрак, 7) Слуга, 8) Кузнец, 9) Булочник, 10) Прачка, 11) Швея, 12) Машинист, 13) Эскимос-рыбак и 14) Эскимос-охотник.

3. Соглашатель.

4. Интеллигенция.

5. Дама с картонками.

6. Черти: 1) Вельзевул, 2) Обер-черт, 3) Вестовой, 4) 2-й вестовой, 5) Караульный, 6) 20 чистых с рогами и хвостами.

7. Святые: 1) Мафусаил, 2) Жан Жак Руссо, 3) Лев Толстой, 4) Гавриил, 5) Ангел, 6) 2-й ангел и 7) ангелы.

8. Саваоф.

9. Действующие Земли обетованной: 1) Молот, 2) Серп, 3) Машины, 4) Поезда, 5) Автомобили, 6) Рубанок, 7) Клещи, 8) Игла, 9) Пила, 10) Хлеб, 11) Соль, 12) Сахар, 13) Материя, 14) Сапог, 15) Доска с рычагом.

10. Человек будущего.

МЕСТА ДЕЙСТВИЙ

1. Вся вселенная. 2. Ковчег. 3. Ад. 4. Рай. 5. Страна обломков. 6. Земля обетованная.

ПРОЛОГ

Нечистый

Через минуту
мы вам покажем...
Мистерию-буфф.
Должен сказать два слова я:
это
вещь новая.
Чтобы выше головы прыгнуть,
надо, чтоб кто-нибудь помог.
Перед новой пьесой
необходим пролог.
Во-первых,
почему
весь театр разворочен?
Благонамеренных людей
это возмутит очень.
Вы для чего ходите на спектакли?
Для того, чтобы удовольствие получить —
не так ли?
А велико ли удовольствие смотреть,
если удовольствие только на сцене;
сцена-то —
всего одна треть.
Значит,
в интересном спектакле,
если все застроишь,
то и удовольствие твое увеличится втрое ж,
а если

спектакль неинтересный,
то не стоит смотреть
и на одну треть.
Для других театров
представлять не важно:
для них
сцена —
замочная скважина.
Сиди, мол, смирно,
прямо или наискосочек
и смотри чужой жизни кусочек.
Смотришь и видишь —
гнусят на диване
тети Мани
да дяди Вани.
А нас не интересуют
ни дяди, ни тети,—
теть и дядь и дома найдете.
Мы тоже покажем настоящую жизнь,
но она
в зрелище необычайнейшее театром превращена.
Суть первого действия такая:
земля протекает.
Потом — топот.
Все бегут от революционного потопа.
Семь пар нечистых
и чистых семь пар,
то есть
четырнадцать бедняков-пролетариев
и четырнадцать буржуев-бар,
а меж ними,
с парой заплаканных щечек —
меньшевичочек.
Полюс захлестывает.
Рушится последнее убежище.
И все начинают строить
даже не ковчег,
а ковчежище.
Во втором действии
в ковчеге путешествует публика:
тут тебе и самодержавие

и демократическая республика,
и наконец
за борт,
под меньшевистский вой,
чистых сбросили вниз головой.
В третьем действии показано,
что рабочим
ничего бояться не надо,
даже чертей посреди ада.
В четвертом —
смейтесь гуще! —
показываются райские кущи.
В пятом действии разруха,
разинув необъятный рот,
крушит и жрет.
Хоть мы работали и на голодное брюхо,
но нами
была побеждена разруха.
В шестом действии —
коммуна,—
весь зал,
пой во все глотки!
Смотри во все глаза!

Все готово?
И ад?
И рай?

Из-за сцены.

Г-о-т-о-в-о!

Давай!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На зареве северного сияния шар земной, упирающийся полюсом в лед пола. По всему шару лестницами перекрещиваются канаты широт и долгот. Между двух моржей, подпирающих мир, эскимос-охотник, уткнувшись пальцем в землю, орет другому, растянувшемуся перед ним у костра.

Охотник

Эйе!
Эйе!

Рыбак

Горланит.
Дела другого нет —
пальцем землю тыркать.

Охотник

Дырка!

Рыбак

Где дырка?

Охотник

Течет!

Рыбак

Что течет?

Охотник

Земля!

Рыбак

(вскакивая, подбегая и засматривая под зажимающий палец)

О-о-о-о!
Дело нечистых рук.

Черт!
Пойду предупрежу полярный
круг.

Бежит. На него из-за склона мира наскакивает выжимающий рукава немец. Секунду ищет пуговицу и, не найдя, ухватывает шерсть шубы.

Немец

Гер эскимос!
Гер эскимос!
Страшно спешно!
Пара минут...

Рыбак

Ну?

Немец

Так вот — сегодня сижу я это у себя в ресторане
на Фридрихштрассе.
В окно солнце
так и манит.
День,
как буржуй до революции, ясен.
Публика сидит
и тихо шейдеманит.
Суп съев,
смотрю я на бутылочные эйфели.
Думаю:
за какой мне приняться беф?
Да и приняться мне за беф ли?
Смотрю —
и в горле застрял обед:
что-то неладное с Аллеей Побед.
Каменные Гогенцоллерны,
стоявшие меж ромашками,
вдруг полетели вверх тормашками.
Гул.
На крышу бегу.
Виясь вокруг трактирного остова,
безводный прибой,
суетне вперебой,

бежал,
кварталы захлёстывал.
Берлин — тревожного моря бред,
невидимых волн басовые ноты.
И за,
и над,
и под,
и пред —
домов дредноуты!
И прежде чем мыслью раскинуть мог,
от Фоша ли это, или от...

Рыбак

Скорей!

Немец

Я весь
до ниточки взмок.
Смотрю —
все сухо,
но льется, и льется, и льет.
И вдруг,
крушенья Помпеи помпезней, картина
разверзлась—
с корнем
Берлин был вырван
и вытоплен в бездне,
у мира в расплавленном горне.
Я очнулся на гребне текущих сёл.
Я весь свой собрал яхт-клубский опыт,—
и вот
перед вами,
милейший,
всё,
что осталось теперь от Европы.

Рыбак

Н-н-немного...

Немец

Успокоится, конечно...
дня-с на два-с.

Рыбак

Да говори ты без этих европейских юлений!
Чего тебе надо? Тут не до вас.

Немец

(показывая горизонтально)

Разрешите мне около ваших многоуважаемых
тюленей.

Рыбак досадливо машет рукой костру, идет в другую сторону — предупреждать круг — и натыкается на выбегающих из-за другого склона измокших австралийцев.

Рыбак

(отступая в удивлении)

А еще омерзительней не было лиц?!

Австралиец с женой

(вместе)

Мы — австралийцы.

Австралиец

Я — австралиец.
Все у нас было.
Как то-с:
утконос, пальма, дикобраз, кактус...

Австралийка

(плача в нахлынувшем чувстве)

А теперь
пропали мы,
все пропало:
и кактусы,
и утконосы,
и пальмы —
все утонуло...
все на дне...

Рыбак

(указывая на разлегшегося немца)

Вот идите к ним.
А то они одне.

Собравшись вновь идти, эскимос остановился, прислушиваясь к двум голосам с двух сторон земного шара.

Первый голос

Котелок, у-ту!

Второй

Цилиндр, у-ту!

Первый

Крепчает!
Держитесь за северную широту!

Второй

Яреет!
Хватайтесь за южную долготу!

По канатам широт и долгот скатываются с земного шара англичанин и француз. Каждый водружает национальное знамя.

Англичанин

Знамя водружено.
Хозяин полный в снежном лоне я.

Француз

Нет, извините!
Я раньше водрузил.
Это — моя колония.

Англичанин

(раскладывая какие-то товары)

Нет — моя,
я уже торгую.

Француз

(начиная сердиться)

Нет — моя,
а вы себе поищите другую.

Англичанин
(взъярясь)

Ах, так!
Да чтобы ты погиб!

Француз
(взъярясь)

Ах, так!
Насажу я тебе шишку на нос!

Англичанин
(лезет с кулаками на француза)

Англия, гип-гип!

Француз
(лезет с кулаками на англичанина)
Вив ла Франс!

Австралиец
(бросается разнимать)

Ну и народ!
Не народ, а сброд чистый:
уже ни империй нет,
ни империалов,
а они все еще морду друг другу бьют.

Рыбак

Эх, вы,
империалисты!

Немец

Бросьте, что вы, право!

Рыбак

Ну и орава!

Прямо на голову вновь собравшемуся идти эскимосу низвергается наш купчина.

Купец

Почтенные,
это безобразие!
Да рази я Азия?
«Уничтожить Азию» — постановление совнеба.
Да я и в жисть азиатом не был!

(Успокоившись немного.)

Вчера в Туле
сижу я спокойно в стуле.
Как рванет двери!
Ну, думаю —
из Чека!
У меня, сами понимаете,
аж побледнела щека.
Но
бог многомилостив на свете:
оказывается, не Чека — ветер.
Крапнуло немного,
потом пошло,
дальше — больше,
больше — выше,
хлынуло в улицы,
рвануло крыши...

Все

Тише!
Тише!

Француз

Слышите?
Слышите топот?

Множество приближающихся голосов.

Потсп! потопом! потопу! о потопе! потопа!

Англичанин
(в ужасе)

О господи!
Несчастие — как из трубы водосточной,
а тут еще этот вопрос восточный.

Впереди негус, за ним — китаец, перс, турок, раджа, поп, соглашатель. Шествие замыкают вливающиеся со всех сторон все семь пар нечистых.

Н е г у с

Хоть чуть чернее снегу-с,
но тем не менее
я абиссинский негус.
Мое почтенье.
Я покинул сейчас мою Африку.
Извивался в ней Нил, удав-река.
Как взъярился Нил, царство сжав в реку,
и потопла в нем моя Африка.
Хоть нет именья,
но тем не менее...

Р ы б а к
(досадливо)

...но тем не менее
мое почтенье.
Слыхали, слыхали!

Н е г у с

Прошу не забываться —
с вами говорит негус,
и негус хочет кушать.
Что это?
Должно быть, вкусная собачка?

Р ы б а к

Я те дам — собачка!
Это морж, а не собачка.

Негус по ошибке пытается сесть на похожего как две капли воды на моржа Ллойд-Джорджа.

Р ы б а к

Иди садись, да никого не запачкай.

А н г л и ч а н и н
(перепуганно)

Это не я морж,
это он морж,

а я не морж,
я Ллойд-Джордж.

Рыбак

(обращаясь к остальным)

А вам чего?

Китаец

Ничего!
Ничего!
Утоп мой Китай!

Перс

Персия,
моя Персия пошла на дно!

Раджа

Даже Индия,
поднебесная Индия, и та!

Паша

И от Турции осталось воспоминание одно!

Из толпы чистых прорывается дама с бесконечным количеством картонок.

Дама

Осторожней!
Не рвите!
Шелк тонкий!

(Рыбаку.)

Мужик,
помоги поставить картонки.

Голос

(из толпы чистых)

Какая милая!
Какая пикантная!..

Рыбак

Дармоедка праздная!

Француз

Вы какой будете нации?

Дама

Нация у меня самая разнообразная.
Сначала была русской —
Россия мне стала узкой.
Эти большевики — такой ужас!
Я женщина изящная,
с душою тонкой —
я взяла и стала эстонкой.
Стали большевики наседать на окраины —
я и стала гражданкой Украины.
Брали Харьков раз десять —
я в какой-то республике устроилась в Одессе.
Одессу взяли, Врангель в Крыму —
я взяла и подчинилась ему.
Гнали белых по морю и по полю —
я уже турчанка.
Гуляю по Константинополю.
Стали большевики подходить ближе —
а я уже парижанка.
Гуляю в Париже.
Наций сорок переменила, признаться, я —
теперь у меня камчатская нация.
Какое паршивое на полюсах лето:
нельзя показать ни одного туалета!

Рыбак

(прикрикивает на чистых)

Тише!
Тише!
Что это за гул?

Соглашатель

(в истерике отделяется от толпы)

Послушайте!
Я не могу!
Послушайте!
Что же это такое?

Сухого места на свете нет!
Послушайте!
Оставьте меня в покое!
Отпустите меня домой,
в кабинет!
Послушайте!
Я не могу!
Я думал, потоп по Каутскому будет.
И волки сыты,
и овцы целы.
А теперь —
убивают друг друга люди.
Милые красные!
Милые белые!
Послушайте, я не могу!

Француз

Да не трите глаз...
не кусайте губ...
(Придвигающимся к костру нечистым, заносчиво.)
А вы которых наций?!

Нечистые
(вместе)

По свету всему гоняться
привык наш бродячий народина.
Мы никаких не наций,
труд наш — наша родина.

Француз

Старые арии!

Испуганные голоса чистых.

Это пролетарии!
Пролетарии...
Пролетарии...

Кузнец
(французу, похлопывая его по изрядному животу)

Шум потопа, небось, в ушах-то?

Прачка

(ему же, насмешливо и визгливо)

Лег бы сейчас и уснул на кровати?
Пустить бы тебя в окопы да в шахты!

Красноармеец

(грозно)

Пошел бы в окопы —
в окопах мокроватей.

Видя назревающий «конфликт» между чистыми и нечистыми, разнимать их бросается соглашатель.

Соглашатель

Милые! Ну, не надо! Не подымайте ругань!
Бросьте друг на друга коситься.
Протяните руки,
обнимите друг друга.
Господа, товарищи,
надо согласиться.

Француз

(злобно)

Чтоб я согласился?
Это уж слишком!

Рыбак

(злобно. И рыбак и француз костыляют шею соглашателю)

Ах ты, соглашатель!
Ах ты, соглашателишка!

Соглашатель

(отбегая, побитый, скулит)

Ну вот,
опять...
Я ему по-хорошему,
а он...

Так вот всегда:
зовешь согласиться,
а тебе наложат с двух сторон.

Нечистые проходят, разделяя брезгливо жмущуюся толпу чистых, рассаживаются у костра. Толпа чистых смыкается за ними в круг.

Паша

(вылазит в середину)

Правоверные!
Надо обсудить, что же произошло.
Давайте вникнем в суть явления.

Купец

Дело простое —
светопреставление.

Поп

А по-моему — потоп.

Француз

И вовсе не потоп,
а то б
дождик был.

Раджа

Да,
не было дождика.

Дипломат

Значит, и эта идея тоже дика...

Паша

Но все-таки —
что же, правоверные, произошло?
Давайте, правоверные, посмотрим в корень.

Купец

Народ, по-моему, стал непокорен.

Немец

Думаю, война, я.

Интеллигенция

Нет,
по-моему, причина иная.
По-моему, метафизическое...

Купец
(недовольно)

Война — метафизическое!
Начали с Адама!

Голоса

По очереди!
По очереди!
Не устраивайте содома.

Паша

Тс!
Давайте говорить постепенно.
Ваше слово, студент!
(Оправдывается перед толпой.)
А то у него даже на губах пена.

Интеллигент

Сначала
всё было просто:
день сменила ночь,
и только
заря чересчур разнебесилась áло.
Потом —
законы,
понятия,
веры,
гранитные кучи столиц
и самого солнца недвижная рыжина,—
все стало как будто немного текуче,
ползуче немного,
немного разжижено.
Потом как прольется!
Улицы льются,
растопленный дом низвергается нá дом.

Весь мир,
в доменных печах революций расплавленный,
льется сплошным водопадом.

Голос китайца

Господа! Внимание!
Сюда моросят!

Жена австралийца

Хорошенькое моросят!
Измочило, как поросят.

Перс

Может, конец мира близок,
а мы
митингуем, орем и ржем.

Дипломат

(жмется к полюсу)

Становитесь сюда!
Теснее!
Здесь не закапает.

Купец

(наддавая коленкой зажимающего дыру с присущим этому народу терпением эскимоса)

Эй, ты!
Пошел к моржам!

Охотник-эскимос отлетает, и из открытой дыры забила в присутствующих струя. Веером рассыпались чистые, нечленораздельно оря.

И-и-и-и-и!
У-у-у-у-у!
А-а-а-а-а!

Через минуту все бросаются к струе.

Забить!
Заткнуть!
Зажать!

Отхлынули. Только австралиец остался у земного шара с пальцем в дыре. В общем переполохе взгромоздился на пару поленьев поп.

Поп

Братие!
Лишаемся последнего вершка!
Последний дюйм заливает водой!

Голоса нечистых

(тихо)

Кто это?
Кто этот шкаф с бородой?

Поп

Сие на сорок ночей и на сорок ден!

Купец

Правильно!
Господь надоумил умно его.

Интеллигенция

В истории был подобный прецедент —
вспомните знаменитое приключение Ноево.

Купец

(водворяясь на место попа)

Это глупости —
и история, и прецедент, и воопче...

Голоса

Ближе к делу!

Купец

Давайте, братцы, построим копчег.

Жена австралийца

Правильно! Ковчег!

Интеллигенция

Вот охота!
Пароход построим.

Раджа

Два парохода!

Купец

Правильно!
Весь капитал вложу!
Те спаслись, а мы умнее тех, никак.

Общий гул

Да здравствует,
да здравствует техника!

Купец

Подымите руки —
кто за.

Общий гул

И рук не надо,
видно за глаза.

И чистые и нечистые подымают руки.

Француз
(заняв место купца, со злобой осматривает кузнеца, поднявшего руку)

И ты туда же?
Да и не тщись ты!
Господа,
давайте не возьмем нечистых!
Будут знать, как нас ругать!

Голос плотника

А ты умеешь пилить и строгать?

Француз
(поникая)

Я передумал.
Возьмем нечистых.

Купец

Только отберем непьющих и плечистых.

Немец

(влезая на место француза)

Т-с-с, господа,
может быть, еще и не придется мириться с нечистыми.
К счастью,
мы не знаем, что с пятой частью света.
Галдите, и даже не побеспокоились узнать,
есть меж нами американцы ли.

Купец

(радостно)

Ну и голова!
Не человек, а германский канцлер!

Радость прорезает крик австралийки.

Что это?

Прямо из зала к напряженно вглядывающимся врывается американец на мотоцикле.

Американец

Милостивые государи,
где здесь строят ковчег?

(Протягивает бумагу.)

Вот
от утопшей Америки
на двести миллиардов чек.

Молчаливое уныние. И вдруг вопль зажимающего воду австралийца.

Австралиец

Чего разглазелись? Будет пялиться!
Ей-богу, выну!
Коченеют пальцы.

Чистые засуетились, трутся к нечистым.

Француз

(кузнецу)

Ну что, товарищи,
построим, а?

Незлобивый кузнец

А мне что,
по мне хоть...

(Машет рукой нечистым.)

Айда, товарищи!
Ехать, так ехать.

Нечистые подымаются. Пилы. Рубанки. Молотки.

Соглашатель

Поскорее, товарищи,
поскорее, милые!..
За работу!
В руки топоры и пилы!

Интеллигент

(отходит в сторону)

Работать —
и не подумаю даже.
Сяду себе вот тут
и займусь саботажем.

(Кричит на работающих.)

Живей поворачивайся!
Руби, да не промахивайся мимо!

Плотник

А ты чего сидишь, руки сложивши?

Интеллигент

Я спец, я незаменимый...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Палуба ковчега. По всем направлениям панорама рушащихся в волны земель. В низкие облака упирается запутанная веревками лестница-мачта. В стороне рубка и вход в трюм. Чистые и нечистые выстроились по близкому борту.

Батрак

Н-да!
Не хотел бы я нынче за борт.

Швея

Глянь-ка туда:
не волна, а забор!

Купец

Зря я это с вами спутался.
Всегда вот так,
без толка.
Мореплаватели тоже!
Нашли морского волка.

Фонарщик

Ишь, поднесла!
Гудит и стенает.

Швея

Какой там забор!
Закрыло стеною!

Француз

Да-с.
Очень глупо-с!

Говорю вам с прискорбием и болью-с.
Сидели б.
Земля еще держится.
Какой ни на есть, а все-таки полюс.

Батрак

Что волки твои,
волнищами ляскают.

Оба эскимоса, шофер и австралийцы сразу.

Глядите,
что это?
Что с Аляскою?

Негус

Ну и метнулась!
Что камень пращой.

Немец

Ухнулась!

Эскимос

Нет ее!

Рыбак

Нет!

Все

Прощай! Прощай! Прощай!

Француз

(расплакался, придавленный воспоминаниями)

Боже мой!..
Боже мой!..
Бывало,
всей семьей
соберемся у чайного столика —
плюшки,
икорка...

Булочник

(отмеряя кончик ногтя)

Чудно, ей-богу!
Ну, не жаль вот
ни столько.

Сапожник

Я водчонки припас.
Найдется рюмка?

Слуга

Найдется.

Рудокоп

Ребята,
идемте в трюм-ка!

Эскимос-охотник

Ну, как моржонок?
Не очень поджарый ли?

Слуга

Ничего не поджарый,
славно поджарили.

Чистые одни. Нечистые спускаются в трюм, подпевая.

Что терять нам? Испугаться нам потопа ли?
Разустали ножки — по свету потопали!
Эх, и отдых в пароходах.
Эх!
И моржонка съесть и водочки хлебнуть не грех...
Эх, не грех!

Чистые окружили расхныкавшегося француза.

Перс

Стыдно, право!
Бросьте орать-то!

Купец

Перебьемся как-нибудь,
доползем до Арарата.

Негус

С голоду подохнешь, пока гора-то.

Американец

Деньжищ уйма,
а без пищи не до́хнешь едва.
Даю за фунт хлеба полмиллиона
николаевок
и бриллиантов фунта два.

Купец

Спекулировал.
В Чека сидел раза три.
А на черта мне теперь эти деньги?!

Китаец

Плюнь да разотри.

Паша

Что бриллианты!
Теперь, если у человека камни в печени,
то и то чувствуешь себя обеспеченней —
быдто брюхо набито.

Австралиец

Никакой жратвы,
одно корыто.

Соглашатель

А тут еще и Сухаревка закрыта.

Купец
(к попу)

Ничего, смиренный инок,
теперь на каждой площади Смоленский рынок.

Дама

И масло, и молоко, и сливки на рынке,—
подставляй пустой карман вместо крынки.

Купец

Это ты без молока насидишься, дура,
а у рабочего премия,
у рабочего натура,—
получит
и обменяется.

Дама

А я шляпки буду менять на яйца.

Интеллигент

Обменяешь последнюю шляпу,
а потом сиди,
соси лапу.

Поп

(прислушиваясь к шуму в трюме)

Ишь, ржут!

Интеллигент

Что им!
Наловили рыбу и жрут.

Поп

Возьмем сеть или острогу и тоже давайте ловить.

Немец

Ос-т-р-о-г-у?
А как обращаться ею?
Я только шпагой в человеке ковырять умею.

Купец

Я закинул сеть,
думал — рыбину выну,
умаялся,
и ничего —
одну травину.

Паша
(сокрушенно)

До чего доросли:
первой гильдии — и жрут водоросли.

Ллойд-Джордж
(к Клемансо)

Эврика!
Давайте бросим ссориться.
Какая может быть распря с англичанином у
француза?
Главное — это то, что у меня пузо, у вас пузо.

Соглашатель

И у меня... пузо.

Клемансо

Как это грустно:
с таким прекрасным господином —
и я не задрался чуть.

Ллойд-Джордж

Теперь нам не до драк:
у нас с вами общий враг.
Вот что я вам сказать хочу...

Берет Клемансо под руку и отводит. Пошептавшись, возвращаются.

Клемансо

Господа!
Мы все такие чистые.
Нам проливать за работой пот ли?
Давайте заставим нечистых, чтоб они на нас
работали.

Интеллигент

Я бы их заставил!
Да куда мне —
чахл!
А из них любой — косая в плечах.

Ллойд-Джордж

Боже сохрани драться!
Не драться,
а пока выжирают меню,
пока восседают,
пия и оря,
возьмем и подложим им свинью...

Клемансо

Выберем им царя!

Соглашатель

Зачем царя?
Лучше городового.

Клемансо

А затем, что царь издаст манифест —
все кушанья мне, мол, должны быть отданы.
Царь ест,
и мы едим —
его верноподданные.

Все

Здорово!

Паша

Ловко!

Немец

(радостно)

Я же говорил вам —
Бисмарочья головка!

Австралийцы

Выбираем скорей!

Несколько голосов

Но кого?
Кого же?

Англичанин и француз

Негуса.

Поп

Правильно!
Ему и в руки вожжи.

Купец

Какие вожжи?

Немец

Ну, как их там...
бразды правления, что ли...
Чего придираетесь?
Смысл один.
(Негусу.)
Взлазьте, господин!

Дама

Господа!
Скажите —
это будет настоящий царь
или только притворный?

Голоса

Настоящий, настоящий!

Дама

Ах!
Я буду дамой придворной!

Ллойд-Джордж

Скорей, скорей
строчите манифест:
с божьей, мол, милости...

Паша и австралиец

А мы сюда,
чтобы не успели вылезти.

Паша и прочие строчат манифест. Немец с дипломатом разматывают перед выходом из трюма канат. Пошатываясь, вылазят нечистые. Когда последний выполз на палубу, дипломат и немец меняются местами — и нечистые опутаны.

Немец

(сапожнику)

Эй,
ты!
Ступай под присягу!

Сапожник

(плохо разбираясь в событиях)

Можно, я лучше прилягу?

Дипломат

Я тебе прилягу —
не встанешь сто лет!
Господин поручик,
наводите пистолет!

Француз

Ага!
Протрезвели!
Вот так оно проще.

Некоторые нечистые

(грустно)

Попались, братцы,
как куры во щи.

Австралиец

Шапки долой!
У кого там шапка?

Китаец и раджа

(подталкивают попа, стоящего под рубкой, возглавляемой негусом)

Читай же,
читай, стоят не дыша пока.

Поп

(по бумаге)

Божьей милостью
мы,
царь изжаренных нечистыми кур

и великий князь на оных же яйца,
не сдирая ни с кого семь шкур,—
шесть сдираем, седьмая оставляется,—
объявляем нашим верноподданным:
волоките всё —
рыбу, сухари, морских свинят
и чего найдется съестного прочего.
Правительствующий сенат
не замедлит
разобраться в грудах добра,
отобрать и нас попотчевать.

Импровизированный сенат из паши и раджи.

Слушаемся, ваше величество!

Паша

(распоряжается)
(Австралийцу.)

Вы — в каюты!

(Австралийке.)

Вы — в кладовые!

(Общее.)

Чтоб нечистый ничего дорогой не выел.

(Купцу, отматывая для него булочника.)

Вы вот с ним спускайтесь в трюм.
Я с раджою на палубе все просмотрю.
Притáщите сюда
и возвращайтесь снова.

Радостный гул чистых.

Навалим целую гору съестного!

Поп

(потирая руки)

А после братски поделимся добычею
по христианскому обычаю.

Конвоируемые чистыми, нечистые спускаются в трюм. Через минуту возвращаются и вываливают перед негусом всяческую пищу.

Купец
(радостно)

Все обыскали,
больше нет ничего ровно.
Продукт-то какой!
Восхищенье!
Одно слово —
нормированный.
Ну, ребята, востри зуб!

Американец

А нечистые?

Немец

Надо их запереть внизу.

Поп

Ну-тко,
ваше величество, обождите.
Одна минутка!

Гонят нечистых в трюм, и пока возятся с ними, негус съедает все принесенное. Чистые возвращаются.

Клемансо

Идешь, Ллойд-Джордж?

Ллойд-Джордж

Иду, иду!

Чистые
(подгоняют друг друга)

Скорей, скорей,
время за еду!

Взбираются к негусу. Перед негусом пустое блюдо. В один грозный голос.

Что здесь?!
Гуляла мамаева рать?

Поп

(в исступлении)

Один ведь,
один —
и чтоб столько сожрать!

Паша

Взял бы да грохнул по сытой роже.

Негус

Молчать!
Я помазанник божий.

Немец

Помазанник,
помазанник!
Лег бы, как мы...

Дипломат

На голодный желудок...

Поп

Иуда!

Раджа

Тьфу!
Не об этаком думал дне я.

Купец

Ляжем.
Утро вечера мудренее.

Укладываются. Ночь. По небу быстро проходит луна. Луна склоняется. Рассвет. В синем утре приподнимается фигура дипломата. С другой стороны приподнимается немец.

Дипломат

Вы спите?

Немец отрицательно качает головой.

Дипломат

Проснулись в эту пóрищу?

Немец

Уснешь тут!
В животе такой разговорище.
Ну, поговори, поговори еще!

Соглашатель

Всё котлеты снятся.

Поп

(издали)

А что ж еще могло сниться?

(Негусу.)

Ишь, проклятый! Так и лоснится.

Австралиец

Холодно.

Интеллигент

(негусу)

Никаких духовных запросов!
Объелся — и рад.

Француз

(после короткой паузы)

Господа,
знаете что?..
Я чувствую, что я уже демократ.

Немец

Вот новость!
Я всегда народ любил без памяти.

Перс

(ехидно)

А кто предлагал его величеству к стопам идти?

Дипломат

Бросьте ваши ядовитые стрелы!
Самодержавие как форма правления несомненно устарело.

Купец

Устареет, если росинки не попало в рот.

Немец

Серьезно! Серьезно!
Назревает переворот.
Довольно распрь,
покончим с бранью!

Соглашатель

Ура!
Ура Учредительному собранию!

(Отваливают люк.)

Ура! Ур-а-а!

(Друг другу.)

Наяривайте!
Жмите!

Из люка лезут разбуженные нечистые.

Сапожник

Что это? Перепились?

Кузнец

Авария?

Купец

Граждане, пожалте на митинг!

(Булочнику.)

Гражданин, вы за республику?

Нечистые

(хором)

Митинг?
Республику?
Какую такую?

Француз

Стойте,
сейчас интеллигенция растолкует.

(Интеллигенту.)

Эй, ты, интеллигенция!

«Интеллигенция» и француз влазят на рубку.

Француз

Объявляю собрание открытым.

(Интеллигенту.)

Ваше слово!

Интеллигент

Граждане!
У этого царищи невозможный рот!

Голоса

Правильно!
Правильно, гражданин оратор!

Интеллигент

Все, проклятый, как есть, сожрет!

Голос

Правильно!

Интеллигент

И никто
никогда не доползет до Арарата.

Голоса

Правильно!
Правильно!

Интеллигент

Довольно!
Рвите цепи ржавые!

Общий гул

Долой!
Долой самодержавие!

Соглашатель

На кого вы руку подымаете?
Ах!

Монарх!
Всю жизнь вам в каторге жить на нарах.
Власть от бога.
Не трогайте оной,
господа.
Согласитесь на монархии конституционной,
на великом князе Николае
или
на Михаиле.

Нечистые и чистые

(хором)

Согласиться,
чтобы все сжиралось им?

Немец

Я тебе соглашусь!

Все

(хором)

Мы тебя согласим!

Соглашатель

(вздутый, плачется)

Как начали греть!
Как начали крыть!
Легче помереть,
чем их помирить.

Купец

(негусу)

Попили кровушки,
нагадили народу...

Француз

(негусу)

Эй, ты,
алон занфан в воду!

Общими усилиями раскачивают негуса и швыряют за борт. Затем чистые берут под руки нечистых и расходятся, нашептывая.

Дипломат

(рудокопу)

Товарищи,
вы даже не поверите,
я так безумно рад:
нет теперь этих вековых преград.

Француз

(кузнецу)

Поздравляю вас!
Рухнули вековые устои.

Кузнец

(неопределенно)

М-да...

Француз

Остальное устроится,
остальное — пустое!

Поп

(швее)

Теперь мы — за вас, вы — за нас.

Купец

(довольный)

Так, так! Води за нос.

Дама

Разве я к негусу была пылкой?
Я живу,
я дышу Учредилкой!
За правительство Временное —
что угодно!
Хоть два года буду ходить беременная!
Сейчас надену красные банты,—
надо же завести революционную моду.
Через минутку вернусь
к моему обожаемому народу.

(Бежит к картонкам.)

Клемансо

(на рубке)

Ну, граждане, довольно.
Погуляли всласть.
Давайте организуем демократическую власть.
Граждане,
чтобы все это было скоро и быстро,
мы вот,— упокой господи душу негуса!— мы
вот тринадцать
будем министры и помощники министров,
а вы — граждане демократической республики,—
вы будете ловить моржей, шить сапоги, печь
бублики.
Возражений нет?
Принимаются доводы?

Батрак

Ладно!
Было бы недалеко до воды.

Хором

Да здравствует, да здравствует демократическая
республика!

Француз

А теперь я

(нечистым)

вам предлагаю работать.

(Чистым.)

А вы — за перья.
Работайте,
несите сюда,
а мы это поделим поровну,—
последняя рубашка пополам будет порвана.

Чистые устанавливают стол, располагаются с бумагами и, когда нечистые приносят съестное, вписывают во входящие и по уходе с аппетитом съедают. Булочник, пришедший во второй раз, пытается заглянуть под бумаги.

Ллойд-Джордж

Чего глазеешь?
Отойди от бумаг!
Это, брат, дело не твоего ума.

Клемансо

Вы же в управлении государством
ничего не понимаете ровно.
Каждая входящая тарелка
и каждая исходящая
должна быть обязательно перенумерована.

Кузнец

Пока вы ставите номер,
как бы наш брат, нечистый, не помер.

Булочник

Давайте делиться обещанным.

Поп

(возмущенно)

Братие!
Рановато думать о пище нам.

Раджа

(отводя от стола)

Акулу посмотрите —
там акулу поймали, —
не несет яиц,
не дает молока ли.

Кузнец

Эй, раджа, паша ли вы,
Помните турецкую пословицу:
«Паша, не пошаливай!»

Кузнец

(возвращаясь с прочими нечистыми)

Учат!
Сколько ни дои акул,
не быть из акулы молоку.

Сапожник

(пишущим)

Пора обедать. Скорей кончай-ка!

Американец

Обратите внимание,
как это красиво:
волны и чайка.

Батрак

Поговорим-ка лучше о щах и о чае.
К делу!
К делу!
Нам не до чаек!

Клемансо

Смотрите, смотрите!
По морю —
кит!

Красноармеец

К черту кита!
Сам ты кит!

Хором, опрокидывая стол.

Вы нам здесь не устраивайте канцелярских волокит!

На палубу грохаются пустые тарелки.

Швея и прачка

(грустно)

Все совет министерский вылакал.

Плотник

(вскакивая на опрокинутый стол)

Товарищи!
Это нож в спину!

Голоса

И вилка!

Рудокоп

Товарищи!
Что ж это!
Раньше жрал один рот, а теперь обжирают ротой.
Республика
оказалась
тот же царь,
да только сторотый.

Француз
(ковыряя в зубах)

Что кипятитесь?
Обещали и делим поровну:
одному — бублик,
другому — дырку от бублика.
Это и есть демократическая республика.

Купец

Надо ж кому-нибудь и семечки — не всем же
арбуз.

Нечистые

Мы вам покажем классовую борьбу!

Соглашатель

И опять,
и опять разрушается кров,
и опять,
и опять смятенье и гул.
Довольно!
Довольно!
Не лейте кровь!
Послушайте, я не могу!
Это все хорошо:
и коммуна
и прочее.
Но для этого ж должны пройти века.
Товарищи рабочие!
Согласитесь с чистыми,
послушайте старого
опытного меньшевика!

Ллойд-Джордж

Согласиться?
Да я же капитала лишусь.
Мы тебе согласимся!

Красноармеец

Я тебе соглашусь!

Соглашатель

Ну и положение!
Опять двухстороннее обложение!

Нечистые наседают на чистых.

Чистые

Стойте, граждане! Наша политика...

Нечистые

А ну,
с четырех сторон подпалите-ка!
Покажем им, какая такая политика!
Ну, держись, проклятая,
будешь помнить Октября 25-е!

Вооружаются сложенным чистыми во время обеда оружием. Загоняют на корму. Мелькают пятки сбрасываемых чистых. Только купец, утащив на ходу половину моржонка, забился в угольный ящик; в другой забились интеллигент с дамой. Соглашатель ухватил за руку батрака; силясь его оттянуть, всхлипывает.

Батрак

Ишь, проклятый,
распустил слюнки!
Революция вам, мусье, не юнкер.

Соглашатель вгрызается в руку.

Кузнец

Ишь, злюка!
Вали его, ребята,
в дырку люка!

Валят.

Трубочист

Не задохся бы тама,
корпуленция хрупкая —
прямо дама.

Батрак

Что мямлить!
Вернутся,
нас же распнут на кресте.
Понежничаем —
дайте Арарат-гору.

Нечистые

Правильно!
Правильно!
Или мы — или те!

Батрак

Дорогу террору!

Кузнец

Товарищи!
Сапогами отшвыривайте кликуш.
Эй, народ, чего не ликуешь?
Ликуй!

Но суровы голоса нечистых,—последние запасы сожрала республика.

Булочник

Ликуй!
А ты подумал о хлебе?

Батрак

Ликуй!
А хлеб-то чем засеять?

Фонарщик

Ликуй! Когда вместо пашен — хляби.

Рыбак

И рыбачить нечем, порваны сети.

Шофер

Как пройдешь через хлябь эту?
Если б хоть было кругом сухо.

Охотник

Ковчег трещит.

Шофер

Компаса нету.

Все

Разруха!

Кузнец

Не останавливаться на половине ж.
Съеденное в утопших,
назад не вынешь.
Теперь об одном осталось ратовать,
чтоб сила не иссякла до места Араратова.
Пусть нас бури бьют,
пусть изжарит жара,
голод пусть —
посмотрим в глаза его,
будем пену одну морскую жрать.
Мы зато здесь всего хозяева!

Прачка

Сегодня поедим,
а завтра — крышка!
На всем ковчеге два сухаришка.

Батрак

Эй!
Товарищи!
Без карточек не давать сухарей.

Из угольного ящика высовываются дама и интеллигент.

Интеллигент

Слышите —
говорят:
«Давать сухарей».
А тут голод, холод и всякие страсти.

Дама

Пойдем на службу к советской власти.

Вылазят.

Нечистые

Что это?
Выходцы с того света?

Интеллигент

Никак нет.
Мы свои,
мы беспартийные,
мы из угольного ящика.
Мы — за власть советов.

Дама

Ненавижу буржуев!
Мошенники!
Я все ждала, скоро ли буржуазия свалится.
Разрешите,
я тоже у вас буду
работать
на машинке,
хотя бы только одним пальцем.

Интеллигент

И меня возьмите.
Худо без спеца.
Без спеца
некуда деться.
Один путь —
тонуть.

Кузнец

Не утонем,
не каркай.

(Даме.)

Садись, товарищ.

(Интеллигенту.)

Марш вниз!
Заведуй кочегаркой.

Шофер

Без еды — все равно что машина без дров.

Рудокоп

Даже я сдаю — уж на что здоров.

Красноармеец

Мало, оказывается, чистых добить.
Нужен хлеб.
Надо воду добыть.

Нечистые

Что делать?
Как быть?

Швея

Нам бог не может погибнуть дать.
Сложим руки — будем ждать.

Охотник

Слабеет от голода за мускулом мускул.

Швея

(вслушиваясь)

Что это?
Слышите?
Слышите музыку?

Плотник

Антихрист речь повел нам
об Арарате и рае.

(*Испуганно вскакивает, пальцем за борт.*)

Кто там
идет по вóлнам,
в кости свои играет?

Трубочист

Брось ты!
Море гóло.
Да и кому являться?

С а п о ж н и к

Вот он
идет...
Это голод
нами идет разговляться.

Б а т р а к

Что ж, иди!
Нет здесь таких, кто упал бы.
Товарищи, враг у борта́.
Живо!
Все на палубы!
Голод
сам идет на абордаж.

Вбегают, шатаясь, вооруженные чем попало. Рассвело. Пауза.

В с е

Что ж, иди!
Никого...
И вот
снова будем смотреть бесплодное лоно вод.

О х о т н и к

Так вот молишь о тени в печах пустыни,
умирая ж —
видишь, будто пустыня стынет.
Мираж.

Ш о ф е р

(приходит в страшное волнение, поправляет очки, всматривается. Кузнецу)

Там вот,
на западе —
не заметишь ли точечки?

К у з н е ц

Что глядеть?
Все равно что на хвост надеть или в ступе истолочь очки.

Шофер

(отбегает, шарит, лезет трубой на рею — и через минуту его ревущийся от радости голос)

Арарат! Арарат! Арарат!

Со всех концов.

О как я рада!
О как я рад!

Вырывают у шофера трубу. Сгрудились.

Плотник

Где он?
Где?

Кузнец

Да вот
виднеется
направо от...

Плотник

Что это?
Приподнялось.
Выпрямилось.
Идет.

Шофер

То есть как — идет?
Арарат — гора и ходить не может.
Глаза потри.

Плотник

Сам три.
Смотри!

Шофер

Да, идет!
Человек какой-то.
Да, человек.
Старый с посохом.
Молодой без посоха.
Эк, идет по воде, что по́-суху.

Швея

Колокола, гудите!
Вздыбливайте звон!
Это
он
шел, рассекая воды Генисарета.

Кузнец

У бога есть яблоки,
апельсины,
вишни,
может вёсны стлать семь раз на дню,
а к нам только задом оборачивался всевышний,
теперь Христом залавливает в западню.

Батрак

Не надо его!
Не пустим проходимца!
Не для молитв у голодных рты.
Ни с места!
А то рука подымется.
Эй!
Кто ты?

Самый обыкновенный человек входит на замершую палубу.

Человек

Кто я?
Я не из класса,
не из нации,
не из племени.
Я видел тридцатый,
сороковой век.
Я из будущего времени
просто человек.
Пришел раздуть
душ горны я,
ибо знаю,
как трудно жить пробовать.
Слушайте!

Новая
нагорная
проповедь!
Араратов ждете?
Араратов нету.
Никаких.
Приснились во сне.
А если
гора не идет к Магомету,
то и черт с ней!
Не о рае Христовом ору я вам,
где постнички лижут чай без сахару.
Я о настоящих
земных небесах ору.
Судите сами: Христово небо ль,
евангелистов голодное небо ли?
Мой рай— в нем залы ломит мебель,
услуг электрических покой фешенебелен.
Там сладкий труд не мозолит руки,
работа розой цветет по ладони.
Там солнце строит такие трюки,
что каждый шаг в цветомории тонет.
Здесь век корпит огородника опыт —
стеклянный настил, навозная насыпь,
а у меня
на корнях укропа
шесть раз в году росли ананасы б.

Все
(хором)

Мы все пойдем!
Чего нам терять!
Но пустят ли нашу грешную рать?

Человек

Мой рай для всех,
кроме нищих духом,
от постов великих вспухших с луну.
Легче верблюду пролезть сквозь иголье ухо,
чем ко мне
такому слону.

Ко мне —
кто всадил спокойно нож
и пошел от вражьего тела с песнею!
Иди, непростивший!
Ты первый вхож
в царствие мое
земное —
не небесное.
Идите все,
кто не вьючный мул.
Всякий,
кому нестерпимо и тесно,
знай:
ему —
царствие мое
земное — не небесное.

Хором

Не смеется ли этот над нищими?
Где они?
Дразнишь какими странищами?

Человек

Длинна дорога.
Надо сквозь тучи нам.

Хор

Каждую тучу сразим поштучно!

Человек

А если ад взгромоздится за адом?

Хор

Пойдем и туда.
Не попятимся задом.
Веди нас!
Где она?

Человек

Где?
Ждете, чтоб рассказал кто-нибудь другой.
А она
вот здесь,

у вас
под рукой.
Где руки твои?
Что делаешь ею?
Сложили кресты бесполезных рук!
Вы нищими жметесь.
А вы — богатеи.
Смотрите —
какое богатство вокруг!
Как смеет играть ковчегом ветер?
Долой природы наглое иго!
Вы будете жить в тепле,
в свете,
заставив волной электричество двигать.
А если
ко дну окажетесь пущены,
не страшно тоже,—
почище луга
морское дно.
Наш хлеб насущный
на нем растет —
каменный уголь.
Пускай потопами ветер воет,
трещат бока ковчегов-посуд.
Правая и левая —
эти двое
спасут.
Конец.
Слово за вами.
Я нем.

Исчезает. На палубе восхищенное недоумение.

Сапожник

Где он?

Кузнец

По-моему, он во мне.

Батрак

По-моему, влезть удалось и в меня ему.

Голоса

Кто он?
Кто этот дух невменяемый?
Кто он —
без имени?
Кто он —
без отчества?
Зачем он?
Какие кинул пророчества?
Кругом потопа смертельная ванная.
Пускай!
Найдется обетованная!

Батрак

Значит, рай все-таки есть.
Значит, не глупо к счастью лезть.

Голоса

Чтоб раньше дойти до этой поры,
вздымайте молоты,
ввысь топоры!
Ровней ряды!
Не кривите линии!
Ковчег трещит.
Спасенье в дисциплине.

Кузнец
(рукой на реи)

Зловещ пучин разверзшийся рот.
Дорога одна —
сквозь тучи!
Вперед!

Бросаются к мачте. Хором.

Сквозь небо — вперед!

На реях развертывается боевая песня.

Эй, на реи!
На реи, эй!
По реям вперед, комиссары морей!

Хор

Вперед, комиссары морей!

Сапожник

Там всем победителям отдых за боем.
Пусть ноги устали, их в небо обуем!

Хор

Обуем!
Кровавые в небо обуем!

Плотник

Распахнута твердь
небесам за ограду!
По солнечным трапам,
по лестницам радуг!

Хор

По солнечным сходням
качелями радуг!

Рыбак

Довольно пророков!
Мы все Назареи!
Скользите на мачты,
хватайтесь за реи!

Хор

На мачты!
На мачты!
За реи!
За реи!

Когда скрывается последний нечистый, за ним ковыляют по реям дама и интеллигент. Меньшевик минутку стоит, задумавшись.

Соглашатель

Куда вы?
В коммуну?
Охота в такую даль переть!

Оглядывается. Ковчег трещит.

Вперед, товарищи!
Уж лучше вперед, чем умереть...

Меньшевик скрывается, и наконец из угольного ящика вылезает купец, ухмыляясь.

К у п е ц

Надо же быть ослом!
Добра на четыреста миллионов
минимум.
Даже если на слом.
Ну,
и спекульну!..
Что это?
Ломается.
Трещит.
Спасайтесь!
Идем ко дну!
Товарищи!
Товарищи!
Подождите минуту одну!
Товарищи!
Один
погибаю здесь я!..

С о г л а ш а т е л ь

Иди, иди,
и тебе перепадет концессия...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ад. Сцена с огромной дверью. На двери: «Без доклада не входить». По бокам караульные черти. Два вестовых черта перекликаются через весь театр. Тихое пение на сцене за дверью.

Хор

Мы черти, мы черти, мы черти, мы черти!
На вертеле грешников вертим.

1-й вестовой

Да, брат, черт,
паршивая жизнь!

2-й вестовой

Да, в последние месяцы понатерпелся горя я.

1-й

Одно слово —
третья категория!

Хор

Попов разогнали, мешочников в ризе.
Теперь и у нас продовольственный кризис.

2-й

Нашего брата, исконного черта, совсем не видно.
Как попали эти самые господа:
То подай!
Это подай!

1-й

Хуже всех этот негус абиссинский.
Морда черная.
Аппетит свинский.

Х о р

О горе, о горе, о горе, о горе,
без пищи мы все передохнем здесь вскоре!

1-й

Бывало, у черта арбуз щека.

2-й

Да, это верно.

1-й

А как попов прогнали, ни одного поставщика!

2-й

Выдачи маленькие!

1-й

Паек скверный!

2-й

Еще бы черти были как следует,
а то омерзительные —
лысые,
куцые!

1-й

Дождутся,
будет и у нас революция.

2-й

Т-с!
Опять звонок.

О б а

Бежим со всех ног.

Перемахивают всю сцену.
Караульные расспрашивают вестовых и, сделав небольшой доклад, распахивают двери.

Ллойд-Джордж

Ах, вы, дьяволы!
Ах, вы, чертовы дети!
Отчего же грешники не попадают в сети?

Поп

(замахивается на вестовых)

Что ж, я для того на вас работал,
чтобы пайком питаться на том свете!

Вестовые

(недовольно)

Взяли бы по виле,
сами бы ловили.

Клемансо

Молчать!
Вы эти привычки бросьте.
Мы черти белой кости.
Не щадя пота,
черный черт на белых должен работать.

2-й вестовой

Завели порядок свой.
Пошел и меж чертями антагонизм классовой.

Паша

Ах, ты разговаривать?
Какой пылкий!
Да я тебя ножом!
Да я тебя вилкой!

Черт-церемониймейстер

Его величество Вельзевул
желает говорить с верноподданным адом.

Немец

Встать!
Смирно!
Не вихлять задом!

Вельзевул

(входит)

Черти мои верноподданные!
Больше не будете сидеть голодные.
Радостней клики!
Выше хвост!
Кончается великий,
кончается пост.
Грешников пятнадцать идет, не менее.

Поп

(крестится)

Слава богу!
Кончается это всухомятку пение.

Китаец

Очень уж народ серьезный,
хотя и беспортошный.

Негус

Эх, и нажрусь!
Аж будет чертям тошно!

Ллойд-Джордж

Уж и наточу я рога!
Будут знать, как меня свергать!

Вельзевул

(к вестовым)

Живей
на пост сторожевой!
Нá бинокль,
смотри лучше,
чтобы ни один из них не ушел живой!
А то
по шее получишь.

Черти, вооруженные биноклями, бегут в зал, прислушиваясь. Дверь распахивается.

1-й

Пусть только попадутся!
Я им покажу!
Хвост подыму!
Рога вниз!

2-й

Прямо жуть!

1-й

Я уж с ними разделаюсь!
Не пожелал бы врагу.
Люблю я из сочных грешников рагу.

2-й

Я их попросту жру.
Без штук.
Т-с!
Слышишь?—
Тук-тук-тук.
Тук-тук-тук.

Прислушивается. Доносится громыхание разносящих преддверие ада нечистых.

1-й

Старик-то наш
обрадуется донельзя.

2-й

Тише ты, черт! Нельзя, чтоб без гула!
Беги,
предупреди штаб Вельзевула.

Первый бежит. Над средним ярусом показывается Вельзевул. Ладонь ко лбу. Приподымаются черти.

Вельзевул

(убедившись, орет)

Эй, вы!
Черти!
Волоките котёлище!
Да дров побольше —

суше,
толще!
Прячься за тучи, батальон сторогий!
Чтоб никто из них не ушел с дороги!

Черти притаились. Снизу доносится: «На мачты, на мачты! За реи, за реи!» Вваливается толпа нечистых, и моментально же вываливаются черти с вилами наперевес.

Черти

У-у-у-у-у-у-у!
А-а-а-а-а-а-а!

Кузнец

(указывая на крайних швее, со смехом)

Старые знакомые!
Как тебе нравится?
Справились с безрогими.
И с рогатыми удастся справиться.

Гвалт начал надоедать. Цыкнули нечистые.

Т-с-с-с-с!

Смолкли растерявшиеся черти.

Нечистые

Это ад?

Черти

(нерешительно)

Д-да.

Батрак

(на чистилище)

Товарищи!
Не останавливаться!
Прямо туда.

Вельзевул

Да-да!
Черти вперед!
Не пускать в чистилище!

Батрак

Послушайте,
что это за стиль еще?

Кузнец

Бросьте вы это!

Вельзевул
(обиженно)

То есть как бросить?

Кузнец

Да так.
Стыдно!
Все-таки старый черт,
у самого проседь.
Нашли, ей-богу, чем стращать!
На заводе
чугуноплавильном
не бывали, чать?

Вельзевул
(сухо)

Не был я на вашей плавильне.

Кузнец

То-то!
А то б повылинял
шерсткой.
Живешь себе тут
щеголем,
гладкий такой да жесткий.

Вельзевул

Хорош гладкий,
хорош жесткий!
Довольно разговаривать! Пожалте на костры!

Булочник

Остри!
Нашел чем пугать!

Смешно, ей-богу!
Да у нас
в Москве
вам бы еще заплатили за дровá.
От мороза колики,
а у вас
температурка здоровà.
Блаженство!
Ходите голенькие.

Вельзевул

Довольно шутить!
Трепещите за души!
Всех вас серой сейчас же задушим!

Кузнец
(сердясь)

Хвастают тоже!
Что у вас? —
Слегка попахивает серою.
У нас как пустят удушливым газом —
вся степь от шинелей становится серою,
дивизия разом валится наземь.

Вельзевул

Побойтесь, говорю вам, раскаленных жаровен!
На вилах будете,
час неровен.

Батрак
(выходя из себя)

Да что ты кичишься какими-то вилами!
Твой глупый ад — все равно что мед нам.
Бывало,
в атаке
три четверти выломит
в одно дуновенье огнем пулеметным.

Черти развесили уши.

Вельзевул

(старается поддерживать дисциплину)

Чего стоите?
Разинули рот!
Может, он все это врет.

Батрак

(зверея)

Я вру?!
Сидите тут,
пещеры пещерите —
черти!
Слушайте,
я вам расскажу...

Черти

Тише!

Батрак

...про нашу земную жуть.
Что ваш Вельзевул!
С вилочкой гуляет посредь ада.
Я вас на землю на минуту сзову.
Знаете вы, черти, что такое блокада?
Нам ли убояться каких-то вил!
Рабочих танки английские потчуют.
Кольцом эскадр и армий сдавил
капитал Республику рабочую.
У вас хоть праведников нет и детей.
Рука небось не подымается мучить?
А у нас и те!
Нет, черти,
у вас здесь лучше.
Как какой-нибудь некультурный турок,
грешника с размаха саданете нá кол,
а у нас машины,
а у нас культура...

Голос

(из толпы чертей)

Однако!

Б а т р а к

Кровь пьете?
Невкусное сырье!
Вас на фабрику свел, каб не было поздно.
Буржуям на шоколад перегоняют ее.

Г о л о с

(из толпы чертей)

Но-о!
Серьезно?

Б а т р а к

А посмотрите на раба из колонии английской —
черти все б разбежались в писке.
С негров сдирают,
дубят кожи,
на переплеты чтоб мог идти.
В ухо гвоздь?
Пожалуйста, отчего же!
Шерсть свиную загоняют под ногти.
Посмотрели солдата в окопе вы бы;
сравнить если с ним — ваш мученик лодырь.

Г о л о с

(из толпы чертей)

Довольно!
Шерсть подымается дыбом!
Берет от этих рассказов одурь...

Б а т р а к

Думаете, страшно?
Развели костерики,
развесили чанки́.
Какие вы черти?
Да вы щенки!
Ремни вас на фабриках растягивали по суставам?

В е л ь з е в у л

(смущенно)

Ну, вот!
В чужой монастырь
со своим уставом.

Поп
(подталкивая Вельзевула)

Скажи,
скажи про адскую печь им.

Вельзевул

Говорил —
не слушают.
Крыть нечем!

Батрак
(налезая)

Что, только на робких пасти щерите?

Вельзевул

Ну что вы, ей-богу, пристали?
Черти, как черти!

Соглашатель
(старается разнять чертей и нечистых)

О господи!
Начинается!
Да что вам
двух революций мало?
Господа, товарищи,
не устраивайте скандала!
Ну что, у вас пищи лучше нет?
Нашли
торт!
И вы
тоже
хороши,
уступить не можете!
Видите — старый, почтенный черт.
Бросьте трения,
надо согласиться.

Вельзевул

Ах ты, подхалима!

Батрак

Ах ты, лисица!

С двух сторон бьют соглашателя.

Соглашатель

(апеллирует к зрителям)

Граждане!
Ну где ж справедливость тут?
Ты же их зовешь согласиться,
тебе же с двух сторон и накладут.

Вельзевул

(грустно нечистым)

Я б вас пригласил хлеб-соль откушать
в гости,
да какое теперь угощенье —
кожа да кости.
Сами знаете, какие теперь люди,—
изжаришь, так его и незаметно на блюде...
Притащили на днях рабочего
из выгребных ям,
так не поверите — нечем потчевать.

Батрак

(брезгливо)

Пошел к чертям!
(К давно нетерпеливо ждущим рабочим.)
Айда, товарищи!

Нечистые двинулись, к последнему прицепился Вельзевул.

Вельзевул

Счастливого пути!
Не забывайте!
Я черт сведущий —
опыт.
Устроитесь —
и меня пригласите,
я буду заведующим

Главтопа.
Сидишь тут не евши дней по пяти,
а у чертей, известно,
чертовский аппетит.

Нечистые двинулись ввысь. Ломаемые, падают тучи. Тьма. Из тьмы и обломков опустевшей сцены вырисовывается следующая картина. А пока по аду гремит песня нечистых.

Кузнец

Телами адовы двери пробейте!
Чистилище — в клочья!
Вперед! Не робейте!

Хор

Чистилище вдребезги!
Так!
Не робейте!

Рудокоп

Вперед!
От отдыха тело отучим.
По ярусам!
Выше!
Шагайте по тучам!

Хор

Шагайте по ярусам!
Выше!
По тучам!

Дама

(откуда ни возьмись, бросается на грудь к Вельзевулу)

Вельзевульчик!
Милый!
Родной!
Не дайте даме погибнуть одной!
Пустите меня,
пустите к своим!
Пустите, милый!
А то эти нечистые такие громилы!

Вельзевул

Ну, что ж!
Приют дам.
Пожалуйте, мадам.

(Показывает на дверь, из-за которой моментально выскакивают два черта с вилами и выволакивают даму. Он потирает руки.)

Одна есть.
Дезертира всегда приятно съесть.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рай. Облако на облаке. Белесо. По самой середине, по облачью рассевшись, райские жители. Мафусаил ораторствует.

Мафусаил

Святейшие!
Идите в светлейшее мощи оправить.
Почище начистьте дни-ка.
Глаголет Гавриил —
грядет
больше чем дюжина праведников.
Святейшие!
Примите их в свою среду.
Что мышью, голод играет ими,
им гадит ад,
но они бредут...

Райские
(степенно)

Сразу видно — достойнейшие люди.
Примем.
Обязательно примем.

Мафусаил

Надо стол накрыть,
выйти вместе.
Торжественнейшую встречу устроить надо нам.

Райские

Вы здесь старейший и будьте церемониймейстер.

Мафусаил

Да я не умею...

Все

Ладно, ладно!

Мафусаил

(кланяется, идет распоряжаться столом. Выстраивает святых)

Вот сюда Златоуст.
Готовь приветственный тост:
— Мы, мол, вас приветствуем, а також де Христос...
Сам знаешь, тебе и книги в руки.
Вот сюда Толстой,—
у тебя вид хороший, декоративный,
стал и стой.
Сюда — Жан Жак.
Так и развертывайтесь анфиладою,
а я пойду стол присмотреть.
Доишь облака, сын мой?

Ангел

Да, дою!

Мафусаил

Надоишь — и на стол.
Нарежьте даже
облачко одно,
каждому по ломтику.
Для отцов святейших главное не еда же,
а речи душеспасительные, которые за столом текут.

Святые

Ну что,
не видно пока?
Чтой-то край у облака подозрительно дут.
Идут! Идут! Идут! Идут!
Неужели это они?
В рай, а будто трубочисты грязные.

Вымоем.
М-да, святые-то, оказывается, бывают разные.

Снизу доносится:

Орите в ружья!
В пушки басите!
Мы сами себе и Христос и спаситель!

Вваливаются, пробивая облако пола.

Нечистые
(хором)

Ух, и бородастые!
Штук под триста!

Мафусаил

Пожалте, пожалте —
тихая пристань!

Ангельский голос

Понапустили народу шалого!

Ангелы

Драсите, драсите!
Добро пожаловать!

Мафусаил

А ну-ка, Златоуст, займись-ка тостом.

Нечистые

К чертям Златоуста!
Какие тут тосты,
когда в животе пусто!

Мафусаил

Терпение, братие!
Сейчас,
сейчас накормим досыта.

Ведет нечистых к месту, где на облачном столе облачное молоко и облачный хлеб.

Плотник

Нашагался.
Нельзя ли какой-нибудь стул?

Мафусаил

Нет-с,
в раю нет.

Плотник

Чудотворца б пожалели —
стоит вон сутул.

Рудокоп

Не ругайся.
Главное — подкрепление сил.

Набрасываются на ковши и краюхи, сначала удивляются, потом, негодуя, откидывают бутафорию.

Мафусаил

Вкусили?

Плотник

(грозно)

Вкусил, вкусил!
А нет чего посущественней?

Мафусаил

Не купать же бестелых существ в вине?

Нечистые

Ждем вас, проклятых,
смиренно умираем мы.
Кабы люди знали, что это впереди!
У нас у самих
такими раями
хоть пруд пруди.

Мафусаил

(указывая на святого, которому орал кузнец)

Не орите, неудобно.
Ангельский чин.

Эскизы костюмов, сделанные Маяковским к „Мистерии-буфф“: „Семь пар нечистых“

1919 г.

Рыбак

Поговорили бы лучше с чином:
не сварит ли чин ваш щи нам.

Голоса нечистых

Не так мы себе это представляли.

Охотник

Нора!
Сущая нора!

Шофер

И не похоже на рай.

Сапожник

Так, голубчики,
дорвались до рая!

Слуга

Ну, доложу вам, дыра, я.

Батрак

Что ж, вы так вот и сидите?

Один из ангелов

Зачем?
Случается и на землю
к праведному брату или сестре пойти —
и возвращаемся, елей свой излив там.

Слуга

Так вот перышки по тучам и трепите?
Чудаки!
Обзавелись бы лифтом.

Второй ангел

А мы метки на облаках вышиваем,—
Х. и В. —
Христовы инициалы.

Слуга

Вы б еще подсолнухи грызли.
Провинциалы!

Батрак

Побывали б у меня на земле они.
отучил бы лодырей от лени.
Поют вот:
«Долой тиранов, прочь оковы».
И до вас доберутся,
не смотрите, что высокó вы.

Швея

Совсем как в Питере:
население скучено,
еда скушана.

Нечистые

Скучно у вас.
Ох, и скушно!

Мафусаил

Что поделаешь, такой уж строй у нас.
Оно, конечно,
многое не благоустроено-с.

Интеллигент

(смотрит то на Льва Толстого, то на Жан Жака, обращается к последнему)

Я вот все смотрю
на вас
и на Льва Николаевича.
Какие знакомые лица!
Вы?
Вы Жан Жак Руссо?
Ах!
Разрешите поделиться!
Аж дух от радости сводит!
Это вы писали о братстве, о равенстве, о свободе?
Это вы написали «Общественный договор»?

Помилуйте!
Да я вас наизусть знаю
вот с этих пор!
Разрешите выразить мое почтеньице.
Больше всего на свете люблю либеральное
чтеньице.
Никуда не пойду.
Так и останусь тут.
Пусть эти некультурные нечистые идут,
я вас ненадолго задержу в разговоре.
В вашем
«Общественном договоре»...

Батрак

Как отсюда вылезти?

Мафусаил

Спросите у Гавриила.

Батрак

А Гавриил который?
Все — как один!

Мафусаил
(гордо разглаживая бороду)

Ну, не скажите,
есть и отличие,—
вот, например, бороды длина-с.

Нечистые

Чего разговаривать?
Крушите!
Это учреждение не для нас.

Соглашатель

Тс, тс!
Товарищи! Согласитесь!
Бросьте ваши разногласия!
Ну, разве не все равно, в котором классе я?

(Ангелам.)

Посмотрите,
какие ребята!
Я
на вашем месте
был бы только рад:
лучшая часть общества —
пролетариат!

(Нечистым.)

Вы тоже хороши!
Подумайте только, в каком он ранге!

(Указывая на Мафусаила.)

Это вам не Врангель —
ангел!

Мафусаил

Согласиться с этим?
Упаси боже!

Кузнец

Я тебе соглашусь!
Выискался тоже!

Бьют.

Соглашатель
(плача)

Стараешься по-хорошему,
а выходит гадко.
Опять двухсторонняя накладка!
Ух!
Еще посоглашаюсь —
и испущу дух.

Батрак

К обетованной!
Ищите за раем!
Шагайте!
Рай шажищами взроем!

Хор

Найдем!
Хоть всю вселенную взроем!

Мафусаил

(глядя на разрушаемый нечистыми рай, возопил истошным голосом)

Караул!
Хватайте!
Держите!
Разорви их молния и господь вседержитель!

При страшном громе в облаках появляется с пучком молний сам Саваоф.

Саваоф

Да я вас разражу громами!

Красноармеец

(укоризненно)

Как дети —
взяли и пожаловались маме.

С перекошенным лицом, видя назревающий невиданный скандал, заверещал соглашатель.

Соглашатель

Уф!
Оф!
Сам Саваоф!
Дрожу!
Лежу!
Подкосились ноженьки!

(Нечистым.)

Опомнитесь!
Согласитесь!
Куда вы?
Против боженьки!

Саваоф

(показывает кулак соглашателю)

Кабы не был всеблагой я,
показал бы тебе соглашательство такое!..

Кузнец

Нам,
рабочим,
согласиться с богом?
Вылезет у тебя соглашенье боком!

Тузят соглашателя.

Соглашатель

(плаксиво, но с уважением)

Не ручаюсь за убеждение.
Ну, и кулак!
Посоглашаюсь еще немного,
и сойдет с меня меньшевистский лак.

Машинист

(указывая на Саваофа, замахивающегося стрелами молний, не желая их пустить в ход из боязни задеть своих же Мафусаилов)

Надо у бога молнии вырвать.
Бери их!
На дело пригодятся —
электрифицировать.
Нечего попустому громами ухать!

Бросаются, вырывают молнии.

Саваоф

(печально)

Ободрали!
Ни пера, ни пуха!

Мафусаил

Чем же нам теперь грешников крыть?
Придется лавочку совсем закрыть.

Нечистые ломают рай, вздымаясь ввысь с молниями.

Кузнец

Заря разгорается —
дальше!
За рай!
Там все разговеемся...

Но когда сквозь обломки долезли до верха, перебивает кузнеца швея:

Да что кормить голодных зарей!

Прачка

(устало)

Ломаем, ломаем, ломаем мы
тучи.
Не время ли мимо им!
Скоро ли, скоро ли маями
тело усталое вымоем?

Еще голоса

Куда?
Не очутимся в новом аду ли?
Надули нас!
Нас надули!
А дальше что?
Чем дальше, тем жутче.

(Подумав.)

Вперед трубочиста! Иди, лазутчик!

Из тьмы обломков рая вырастает новая картина. От идущих вперед нечистых отделяется задумчивый соглашатель.

Соглашатель

Прошли через рай,
прошли через ад,
и все идут.
Не вернуться ли хоть мне назад?
Хороший народ — это ангельское отродье.
Оно

как будто немного соглашено.
Пускай идут, ежели не лень им,

(машет рукой вослед уходящим нечистым)

а я вернусь
к Толстому.
Туз!
Займусь
непротивлением
злу-с...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Кузнец

Эй!
Чего остановился?
Трогай!

Фонарщик

Не пролезешь,
горы взгромоздились доро́гой.
Можно по такой дороге идти ли?

Швея

За три года обломков сколько наколотили!

Разглядывают обломки.

Смотрите, ковчега кусок.

Красноармеец

Негуса абиссинского остатки.

Сапожник

Кусочек рая.

Батрак

Черепок ада.

Фонарщик

Что делать?
Не то что идти,—
сесть некуда.

К у з н е ц

Что делать? Что делать?
Расчистить надо.

Б а т р а к

Значит, нечего раздумывать тут:
организуйся, товарищ,
и берись за труд!

К р а с н о а р м е е ц
(важно)

Организация организации рознь.
Сначала нужно
наметить правильный путь.
По-моему, взять организацию
и перетряхнуть.

Р у д о к о п
(досадливо)

Тоже
выкинул коленце!
Вздор перетряхивание!
Нужны назначенцы.

П р а ч к а
(задорно)

Назначенство...
Вот тебе раз!
Необходимы буфера-с.

Нечистые сгрудились, галдя друг на друга.

Э с к и м о с

А по-моему,
это все —
не по марксистской догме и форме.
Я стою
на совершенно иной платформе:
желаю спасти трудовую Русь я,
разорвать нищеты и голода узы.

Батрак

(безнадежно)

Пошла дискуссия!

Кузнец

(разнимая наступающих)

Товарищи,
бросьте!
Здесь вам не профсоюзы.

Машинист

Буфера?!
Попала не в глаз, а в бровь:
прачка-то с буферами,
а паровоз без колес, а не то что без буферов.

Кузнец

Тонем в разговорах,
не виден брод.
Через газетный ворох —
за работу!
Вперед!
Чего растекаться словесной рекой?
Наляжем лопатой!
Взмахнем киркой!

Хор

(разгребает обломки)

А ну,
раз взмахнул,
и еще взмахну.
К чему счет?
Раз махнул,
взмахну еще!

Соглашатель

(показываясь из облачка с надписью: «Берлин»)

О-о-о!
Товарищи,
бросьте работать!

Сами понимаете,
не стану советовать зря я,—
мне все видно из моего заграничного рая.
Бросьте работать, милые люди,
из этого ровно ничего не будет!
Согласитесь со мной...

Кузнец

Рожу высунул —
смотри,
чтоб молотом нечаянно не свистнул
в лоб.

Соглашатель

Оп!

(Моментально запахнул облако.)

Шахтер

(остановился с поднятой киркой)

Товарищи,
прислушайтесь!
Какой-то вой!
Обломками
кто-то придавлен
живой!
Беги на вой!
Рой!

По окончании его слов роют с удесятеренной силой, и из облаков показываются паровоз и пароход.

Паровоз

Эй!
Внемлите паровозному стону!
Не вздохнуть!
Пар не развесть!
Черный хлеб с Дону
дайте!
Дайте есть!

Машинист

Нет,
не умереть тебе.

Нет,
друг, спокоен будь.
Мы вырвем уголь из земных недр,
выведем на новый путь.

Пароход

О-о-о!
Дайте испить мне рек истоки!
Дыры в каждом боку!
Введите меня в доки!
Дайте нефть из Баку!
У-у-у-у-у!

Шахтер

Эй, товарищи,
за мной!
Чего руки сложили?
За углем
под свод земной!
За нефтью!
Не уйти нефтеносной жиле!

Хор

Взвей кирку-пушок!
Ударником встань, брав!
Занеси сильней обушок!
В землю вонзай бурав!

Разруха

Назад!
Чего молотищами ухают?
Назад! Кто спорит со мной,
с разрухою?
Здесь царствую я —
царица разруха:
я жру паровоз,
сжираю машину.
Как дуну —
сдуну фабрику пухом.
Как дуну —
сдуну завод, как пушину.

Я лишь взгляну —
и чугунка не ходит.
Грызну —
и путь железный сглодан.
И корчится в голоде город
и в холоде,
деревня от холода мрет
и от голода.
Назад!
Я труд ненавижу бодрый.
Назад!
Я с вами расправлюсь по-свойски.
Ко мне, мое войско, шкурники, лодыри!
Ко мне, спекулянтов верное войско!

Разруху окружает «войско».

Хор

Назад!
Чего молотищами ухают?
Назад!
Кто спорит с нею,
с разрухою?

Разруха

Склонитесь! Я ваша царица — разруха,
стяну вам голодом глотки туго.

Кузнец

Довольно!
Царицу б молотом ухнуть!
Вооружайтесь!

Шахтер

(наступает на разруху)

Боритесь за уголь!

(На мешочников.)

И этих!
Наездились верхом на вагоне,
довольно!
Всех в работу вгоним.

Кузнец

Ловите шкурников!
Долой лодырей!
Все за работу!
Работать до одури!

Нечистые двинулись, и «войско» отступает.

Шахтер

(подрывается под разруху)

Нам под разрухой гнуть ли шеи?
Товарищи!
Подрывайте шахт траншеи!

Батрак

Окопы — борозды на гладь луга.

Батрак и шахтер

Наше оружие —
хлеб и уголь.

Кузнец

(разруху добивают. Конец речи ведется на разбитой разрухе)

Ура!
Побежали!
Разруха сдается!
Еще
удар последний остается...
Сдалась!
Довольно!
Слазь!
Свободен вход —
дверь в будущее.

(Указывает на спуск в шахту.)

Вот.
Иди,
забивай за забоем забой.
Пой:

«И это будет
последний
и решительный бой».

Идут в шахту. Голоса замирают в отдалении.

Шахтер
(приводит вагонетку с углем)

Первый Подмосковный.

Паровоз

Спасибо.
Рад.
Чиниться становимся —
влазь на домкрат.

Машинист
(катит бочку нефти)

Вот из Баку
бери дары.

Пароход

Готово:
нет в боку дыры.

Шахтер
(еще вагонетку)

Вот тебе от Донбасса дары.

Паровоз

Спасибо.
Сейчас разведу пары.

Машинист
(еще бочка)

Вот тебе еще цистерну выкатили.

Пароход

Спасибо.
Сейчас заходят двигатели.

Машинист

(еще бочка)

Вот тебе еще подарок от Ухты.

Шахтер

(еще вагонетка)

Вот тебе еще Урал.

Пароход и паровоз

Оживаем.
Ура!

Паровоз

Бегут колеса.

Пароход

Ожил.
Сейчас пойду по плесам.

Из дыр шахт выбегают нечистые, бросаются друг на друга.

Машинист

А я к тебе.

Шахтер

А я к тебе.

Кузнец

А я к вам.

Прачка

А я к вам.

Красноармеец

Необычайно!

Швея

Невероятно!

Эскимос

Фантастическая весть!

Шахтер

Там, за последней вышкой...

Шахтер и машинист

Там
что-то есть.

Шахтер

Забиваю это я последний забой...

Машинист

Я это
последнюю бочку качу перед собой...

Шахтер

И слышу —
далёко, далёко...

Машинист

И вижу —
далёко, далёко...
Откуда едва достигает око...

Шахтер

Пение слышу,
колес грохотание,
фабрик дыхание мерное...

Машинист

Солнце вижу,
заря ранняя,
город, наверное.

Красноармеец

Мы, кажется, победили.
Мы, кажется,
у края
двери
в лоно правдашнего рая.

П а р о в о з

Паровоз готов.

П а р о х о д

Пароход готов.

М а ш и н и с т

Забирайтесь.
Им
в будущее помчим.

К р а с н о а р м е е ц
(лезет на паровоз, за ним — другие)

Ровен путь,
гладок и чист.
Первым будь —
вперед, машинист!
На волны!
На рельсы!
Добытый трудом,
он близок,
грядущего радостный дом.
Пространство жрите,
в машину дыша.
Лишь на машине
в грядущее шаг.
Взмах за взмахом!
За шагом шаг!

Х о р
(повторяет)

Вперед!
Во все машины дыша.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Обетованная земля. Огромные ворота. Какие-то углы, из которых слабо намечаются улицы и площади земных местностей. Над воротами какие-то радуги, крыши, цветы непомерные. У ворот лазутчик, возбужденно выкликающий карабкающихся.

Шахтер

Сюда, товарищи!
Сюда!
Высаживайте десант!

Подымаются нечистые и со страшным удивлением окидывают ворота.

Шахтер

Чудеса!

Плотник

Да ведь это Иваново-Вознесенск!
Хорошенькие чудеса!

Слуга

Как это проходимцам верить, вас спрошу я?

Кузнец

Да не Вознесенск это —
верьте чести.
Это Марсель.

Сапожник

А по-моему, Шуя.

Шофер

Не Шуя вовсе.
Это Манчестер.

Машинист

Как не стыдно глупости городить вам!
Какой это Манчестер?
Это Москва.
Как это ослепли все?
Вот смотрите, Тверская,
вот Садовая,
вот театр РСФСР.

Батрак

Москва, Манчестер, Шуя —
не в этом дело:
главное —
опять очутились на земле,
опять у того же угла.

Все

Кругла земля, проклятая,
ох, и кругла!

Прачка

Земля, да не та!
По-моему,
для земли
не мало ли пахнет помоями?

Слуга

Что это в воздухе
сласть какая-то разабрикосена?

Сапожник

Абрикосы?
В Шуе?
Да и время как будто к осени.

Подымают головы. Радуга бьет в глаза.

Красноармеец

А ну, фонарщик,
ты с лестницей,—
лезь
да глазом окинь.

Фонарщик

(лезет и останавливается, обмерев, только и мямлит)

Дураки мы!
Ну, и дураки!

Красноармеец

Да рассказывай!
Смотрит, что гусь на молнию!
Рассказывай!
Сыч!

Фонарщик

Не могу!
Такая
косноязычь!
Дайте мне,
дайте стоверстый язычище.
Луча чтоб солнечного ярче и чище,
чтоб не тряпкой висел,
чтоб раструбливался лирой,
чтоб этот язык раскачивали ювелиры,
чтоб слова соловьи разносили изо рта...
Да что!
И тогда не расскажешь ни черта!
Домов стоэтажия земли кроют!
Через дома
перемахивают ловкие мосты!
Под домами
едища!
Вещи горою.
На мостах
поездов ускользающие хвосты!

Хор

Хвосты?

Фонарщик

Да, хвосты!
Лампы
глаза электрические выкатили!
В глаза в эти
сияние
миллионосильные двигатели
льют!
Земля блестит и светит!

Хор

Светит?

Фонарщик

Да, светит!

Красноармеец

Сами работали.
Чего он удивляется?

Машинист

Работать — работали,
а все-таки не верится,
что чудо такое
за трудом является.

Батрак

Довольно врать!
Нашли
лектора!
Ни в жизнь не рожала фиг акация.

Фонарщик

Да бросьте галдеть вы!
Это —
электрификация!

Хор

Электрификация?

Ф о н а р щ и к

Да,
электрификация.
В саженные штепсели вставлены вилки.

М а ш и н и с т

Чудеса!
Не поверят никакие ученые.

Ф о н а р щ и к

Едет электротрактор!
Электросеялка!
Электромолотилка!
И через секунду
хлеба
уже печеные.

Х о р

Печеные?

Ф о н а р щ и к

Да,
печеные.

Б у л о ч н и к

А хозяйка расфуфыренная,
а хозяин мопсовидный —
ходят по городу, тротуары уродуя?

Ф о н а р щ и к

Нет,
отсюда никого не видно.
Ничего не заметил этого рода я.
Сахарная головища!
Две еще!

Ш в е я

Сахар?
Слышишь?
Как быть?
Я карточки перед потопом не успела прикрепить.

Хор

Да говори хоть подробнее немножко!

Фонарщик

Да ходят всякие
яства,
вещи.
У каждой ручка,
у каждой ножка.
Фабрики во флагах.
За верстой верста.
Куда ни ткнется взор стоног —
в цветах
без работы стоят
верстак,
станок.

Нечистые
(беспокойно)

Стоят?
Без работы?
А мы здесь исхищряемся в словесном спорте!
Может, дождь пойдет,
машины испортит!
Ломитесь!
Кричите!
Эй!
Кто тут?

Фонарщик
(скатываясь)

Идут!

Все

Кто?

Фонарщик

Вещи идут.

Ворота распахиваются, и раскрывается город. Но какой город! Громоздятся в небо распахнутые махины прозрачных фабрик и квартир. Обвитые радугами, стоят поезда, трамваи, автомобили, а посредине — сад звезд и лун, увенчанный сияющей кроной солнца. Из витрин вылазят лучшие вещи и, предводительствуемые серпом и молотом, с хлебом и солью идут к воротам. По онемелым рядам прижавшихся нечистых:

Нечистые

А-а-а-х-х-х!

Вещи

Ха-ха-ха-ха-ха!

Батрак

Кто вы?
Чьи вы?

Вещи

Как чьи?

Батрак

Да как вашего хозяина имя?

Вещи

Никаких хозяев.
Ничьи мы.
Мы — делегаты.
Молот и серп
вас встречает —
республики герб.

Батрак

А для кого хлеб?
Соль?
Сахарная голова?
Губернатора встречаете, что ли?

Вещи

Нет —
вас,
всё вам.

Прачка

Будет врать!
Не дети малы́.
Должно быть,

вас
продают из-под полы.
Должно быть
сзади
спекулянт на спекулянте.

В е щ и

Никаких спекулянтов,—
гляньте.

С л у г а

Понимаю!
Сложат в МПК
и через год по столовой ложке выдавать будут.

В е щ и

Никуда нас не складывают.
Берите хоть по пуду.

Р ы б а к

Спим, должно быть.
Выдумки сна.

Ш в е я

Раз
вот так
сидела галеркою.
На сцене бал.
Травиата.
Ужин.
Вышла —
и такой это показалась горькою
жизнь:
грязь,
лужи.

В е щ и

Никуда это от вас теперь не денется,—
это земля.

К у з н е ц

Будет морочить!
Какая это земля!

Земля — грязь,
земля — ночи.
На земле наработаешь — разинешь рот,
а жирный придет и сработанное отберет.

П р а ч к а
(хлебу)

Зовет,
а сам,
небось,
кусаться будет.
100 000 рублей, что 100 000 зубов, должно быть,
на каждом пуде.

М а ш и н и с т

Тоже!..
Подходит!..
Походка мышиная.
Мало коверкало нас машиною!
Вам бы лишь зубы на рабочих растить.

М а ш и н ы

Прости, рабочий!
Рабочий, прости!
Вы нас собрали,
добыли,
лили.
А нас забрали,
закабалили,
Маши, машина, маши, махина.
Стальные без устали,
стальные без отдыха,—
нам жирных велели возить на шинах,
велели работать на них на заводах.
Вал на вале
вас веками
ремнями рвали,
маховиками.
Орите, моторы,
радость великая,—
жирных сбили,

свободна отныне я!
Гуди по заводам, колесами двигая,
кружи в железнодорожные линии.
Мир каруселить,
светить в черноночье
вам отселе
будем, рабочие.

В е щ и

А мы, а мы, помощные вещи!
Мы — молоты, иглы, пилы и клéщи.
Лишь день полосой обозначится желтой,
под нами сгибаясь, на фабрики шел ты.
Теперь с хозяйской расправились кликою,
мы всё тебе расстругаем и выкуем.
Тебе,
чья спина под нами ломилась,
тебе сегодня сдаемся на милость.
В просторной кузнице нового рая
молот вздымай, игрушкой играя.

Е д ы

А мы — товары, питья и еды:
от нас рабочим бесчисленны беды.
Без хлеба нет человеческой власти,
без сахару нет человеческой сласти.
Трудом человечьим добытые еле,
не вы нас, а мы вас рублищами ели.
Рот ценой миллионной разинув,
мы лаяли псами с витрин магазинов.
Да вы дармоедам прикрикнули: слазьте!
И хлеб отныне свободен и сласти.
Всё, что смотрели со скрежетом прежде,
берите сегодня, режьте и ешьте.

М а ш и н ы, в е щ и и е д ы
(хором)

Свое берите,
берите!
Идите!

Всё, чем работать,
всё, что едите!
Идите, берите!
Иди, победитель!

Кузнец

Должно быть, надо мандат предъявить.
У нас мандатов нет,
мы прямо из рая,
а до этого из ада.

Вещи

Не надо,
никаких мандатов не надо.

Батрак

Нога не бритва,—
авось, не ступим.
Давайте, братцы, попробуем!
Ступим!

Нечистые ступают.

Батрак
(трогает землю)

Землица!
Она!
Родимая землица!

Все

Запеть бы теперь!
Закричать!
Замолиться!

Булочник
(плотнику)

Сахар-то —
я его лизнул.

Плотник

Ну?

Булочник

Сладок, просто сладок.

Несколько голосов

Теперь с весельем не будет слада!

Батрак

(хмелея)

Товарищи вещи,
знаете что?
Довольно судьбу пытать!
Давайте, мы будем вас делать,
а вы нас питать.
А хозяин навяжется — не выпустим живьем!
Заживем?

Все

Заживем!
Заживем!

Купчина

(расталкивая толпу, возмущенный, выскакивает)

Как бы не так!
Знайте меру!
Надо же что-нибудь оставить и концессионеру.

Кузнец

Убирайся!
Твоя окончена работа,—
ребятишкам на молочишко подработал.
Знания у тебя хотели призанять —
подучились,
пора и честь знать.

Выброшенный, вылетает купчина. Нечистые жадно посматривают на вещи.

Батрак

Я бы взял пилу. Застоялся. Молод.

Пила

Бери!

Швея

А я — иглу б.

Кузнец

Рука не терпит — давайте молот!

Молот

Бери! Голу́бь!

Нечистые, вещи и машины кольцом окружают солнечный сад.

Машинист

(к машинам)

Я бы вас пустил.
Не броситесь, рыча?

Машины

Ничего!
Поворачивай рычаг!

Машинист поворачивает рычаг. Загорелись шары. Завертелись колеса. Нечистые смотрят с восхищенным изумлением.

Машинист

Никогда не видел такого света!
Это не земля,—
это
с хвостом поездов горящая комета.
Чего волами подъяремными мычали?
Ждали,
ждали,
ждали года —
и никогда не замечали
под боком такую благодать.
И чего это люди лазят в музеи?
Живое сокровище на сокровище вокруг!
Что это — небо или кусок бумазеи?
Если это дело наших рук,
то какая дверь перед нами не отворится?
Мы — зодчие земель,
планет декораторы,
мы — чудотворцы,

лучи перевяжем пучками мётел,
чтоб тучи небес электричеством вымести.
Мы реки миров расплещем в мёде,
земные улицы звездами вымостим.
Копай!
Долби!
Пили!
Буравь!
Все ура!
Всему ура!
Сегодня
это лишь бутафорские двери,
а завтра
былью сменится театральный сор.
Мы это знаем.
Мы в это верим.
Сюда, зритель!
Сюда, художник!
Поэт!
Режиссер!

Подымаются на сцену все зрители.

Все хором

Солнцепоклонники у мира в храме —
покажем, как петь умеем мы.
Становитесь хорами —
будущему псалмы!

Откуда ни возьмись, соглашатель удивленно смотрит на коммуну; сообразив, в чем дело, вежливо снимает шляпу.

Соглашатель

Нет,
энергичному человеку в раю не место,
не люблю я этих постных рыл.
Социализм неминуем —
я это всегда говорил.

(Нечистым.)

Товарищи, не надо зря голосить,
пение обязательно надо согласить.

(Отходит в сторону и тихо дирижирует ручкой. Кузнец отодвигает его вежливо.)

Нечистые

(поют)

Труда громадой миллионной
тюрьму старья разбили мы.
Проклятьем рабства заклейменный,
освобожден сегодня мир.
Насилья гнет развеян пылью,
разбит и взорван, а теперь
Коммуна-сказка стала былью.
Для всех коммуны настежь дверь.
Этот гимн наш победный,
вся вселенная, пой!
С Интернационалом
воспрянул род людской.
Не ждали мы спасенья свыше.
Ни бог, ни черт не встал за нас.
Оружье сжав, в сраженье вышел
и вырвал власть рабочий класс.
Одной коммуной слили мир мы.
Весь мир обвил рабочий круг.
Теперь иди, попробуй, вырви
его из наших сжатых рук.
Этот гимн наш победный,
вся вселенная, пой!
С Интернационалом
воспрянул род людской.
Навек о прошлом память сгинет.
Не встать буржуям — крут удар.
Землею мы владеем ныне,
солдаты армии труда.
Сюда от фабрик и от пашен,
из городов сюда и сёл!
Земля от края к краю наша,
кто был ничем — сегодня всё.
Этот гимн наш победный,
вся вселенная, пой!
С Интернационалом
воспрянул род людской.

Занавес

(1920—1921)

ПРОЛОГ И ВСТАВКА КО ВТОРОМУ ВАРИАНТУ „МИСТЕРИИ-БУФФ“,

НАПИСАННЫЕ ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ В ЧЕСТЬ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

ПРОЛОГ

Товарищи!
Вас, представляющих мир,
Всехсветной Коммуны Вестники,—
вас
сегодня
приветствуем мы:
рев-комедианты,
рев-живописцы,
рев-песенники.
Вашим странам
предстоит еще
взорванными лететь —
Европам,
Африкам,
Америкам,
Азиям,—
а нам
уже
удается разглядеть
черты Коммуны, встающей над фантазиями.
Все, что битвами завоевано на́ поле,
все, что промитинговано на все лады,
в этом цирке отразим,
как в капле

воды.
Пройдут и буржуи,
и меньшевистская истерика,
и мы —
препятствия пухом сдув!
Пролетарской МИСТЕРИИ река
и буржуазии БУФФ.
Равны Революциям — взрывы пьес.
Сатира, как стачка —
за брюхо берет.
Товарищи актеры!
Слова наперевес!
Вперед!

ВСТАВКА В ТЕКСТ II ДЕЙСТВИЯ

Соглашатель

Согласитесь на Второй интернационал.
Замечательная вещь!
В меру череп,
в меру бел,
в меру желт,
в меру ал.
Каутский,
Мартов
и то согласились,—
умнейшие люди, как-никак...

Нечистые

Долой!

Соглашатель

Ну,
берите Интернационал двухсполовинный.
Больше не уступлю ни одного золотника!
Чай, немецкие социал-демократы не дети,
сам Леви его признал,—
как-никак, политический деятель.

Нечистые

Долой их!
Не хотим знать никаких вторых!

Соглашатель

Ну,
берите два и $^3/_4$.
Последняя цена.
Себе дороже!..
Как!
И этого не хотите тоже?!

Нечистые

Довольно!
К чертям разговоры эти!
У рабочих
один Интернационал —
Третий!

[*1921*]

ЛИБРЕТТО „МИСТЕРИИ-БУФФ“

ДЛЯ ПРОГРАММЫ СПЕКТАКЛЯ В ЧЕСТЬ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

„МИСТЕРИЯ-БУФФ“

Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное *Владимиром Маяковским*, переведенное *Ритой Райт* и разыгранное *350 актерами*.

«Мистерия-буфф» — это наша великая революция, сгущенная стихом и театральным действием. Мистерия — великое в революции, буфф — смешное в ней. Стих «Мистерии-буфф» — это лозунги митингов, выкрики улиц, язык газеты. Действие «Мистерии-буфф»— это движение толпы, столкновение классов, борьба идей,— миниатюра мира в стенах цирка.

Революция расплавила все,— нет никаких законченных рисунков, не может быть и законченной пьесы. «Мистерия-буфф» — это каркас пьесы, это движение, ежедневно обрастающее событиями, ежедневно проходящее по новым фактам.

В последнем варианте «Мистерии-буфф», поставленной к III конгрессу Коминтерна, шесть действий и пролог-приветствие.

Действие первое. Весь мир. Мир захлестнут потоками революции. Единственное еще сухое место — полюс. Но уже и в полюсе дырка. Дырку еле затыкает пальцем эскимос. Стекаются к полюсу, гонимые потоком, остатки населения мира: семь пар чистых — буржуев, семь пар нечистых — пролетариев, соглашатель, путающийся меж всеми, и другие. Подхлестываемые дождем, все сгрудились к полюсу и, когда не хватило места, сбили эскимоса, зажимающего дырку. Огонь революции из открывшейся дырки. Бросились, кое-как

замазали. Чистые уговаривают нечистых взяться за спасение. Нечистые строят ковчег.

Второе действие. Путешествие в ковчеге. За строем строй меняется на палубе. Монархия негуса абиссинского. Затем — демократическая республика чистых. Наконец, и чистые брошены за борт. Власть взяли голодные нечистые. Хочется есть, отдохнуть хочется нечистым, но пуст и изломан ковчег. Последние запасы сожрала демократическая республика. Тогда в образе человека будущего озаряет ковчег необходимость борьбы за создание коммуны. Нечистые бросают ломающийся ковчег и с единственной верой в собственную силу с мачт и рей пробиваются сквозь тучи. «Эй, на реи! На реи, эй! По реям вперед, комиссары морей!»

Третье действие. Попами воздвигнутый ад преграждает нечистым дорогу, но никакой Вельзевул не пугает нечистых, видевших на сталелитейных заводах пекла почище ада. Под песню: «Телами адовы двери пробейте, чистилище в клочья, вперед, не робейте!» — нечистые разносят ад.

Четвертое действие. Рай. Бестелая божья жизнь, которой прельщают проповедники загробных радостей и все сторонники тихих реформочек. Не такой рай ждали идущие. Через разгромленный рай лезут вперед нечистые. «К обетованной, ищите за раем! Шагайте! Рай шажищами взроем!»

Пятое действие. Страна обломков, доставшаяся нечистым после войн и революций. Надо вознесть стройки на разгромленном месте. Разруха пытается задавить работу. Разруха побеждена. Из угольных шахт, с нефтеносных вышек уже удается нечистым заметить зарю будущего. На паровоз — и к нему: «Взмах за взмахом, за шагом шаг. Вперед, во все машины дыша!»

Шестое действие. Коммуна. Радуются и дивятся нечистые первым чудесам будущего, открывшегося за горами труда. Новым Интернационалом победы разгласили радость свою нечистые:

Этот гимн наш победный,
Вся вселенная, пой!
С Интернационалом
Воспрянул род людской.

[*1921*]

А ЧТО, ЕСЛИ?..

ПЕРВОМАЙСКИЕ ГРЕЗЫ В БУРЖУАЗНОМ КРЕСЛЕ

ДЕЙСТВУЮТ:

1. Театр Сатиры.
2. Иван Иванович — круглый буржуа.
3. Его жена — еще круглее.
4. 1-й хлюст.
5. 2-й хлюст.
6. Дама.
7. Городовой Феодорчук.
8. Первое Мая.

Три действия по пять минут.

Сцена: комната с одним углом. Огромный календарь. В кадке расцветшее дерево. Покойное кресло. Чемоданы. Картонки. Корзины и коробки.

Иван Иванович

(перед деревом)

Ишь, проклятое!
Распустило почки!
В цепи б эту самую весну!
В цепочки!
А все-таки,
весною
размаривает дома
дрёма.

(Усаживается в кресло.)

Театр Сатиры

Первое явление.

В дверь

Тук, тук, тук.

Иван Иванович

Черт!
Идут.
Наверное первомайские поздравления.

(В волнении.)

Взъерошить волосы,
в руки Интернационал.
Все как по форме.

Все как подобает
стоящему
на советской платформе.

Врываются хлюсты и дама.

Ах!

Хлюсты

Здрасте,
Иван Иваныч.
Услышал господь молитвы наши.
Живет единая неделимая,
сохранились наши прибыли!

Иван Иванович

Что такое?
В чем дело?

Хлюсты

Вчера
господин Керенский
в Москву
на аэроплане прибыли.
Открыли биржечку,
открыли дорогую.
Магазины настежь.
Прилавки полны.
Все торгуют.
Уже открыли ресторан «Волну».

Иван Иванович

Ну?!

Хлюсты

Частная собственность — во!
Все возвращено.

Иван Иванович

Но?!

Хлюсты

Генералы ходят.
Лампасы на штанах.

Иван Иванович

Ах!

Хлюсты

Керенский или Милюков —
одно из двух.

Иван Иванович

Ух!

Хлюсты

Больше не придется бежать
ни в Константинополь,
ни в Китай нам.

Иван Иванович

Господи!
Какая сладость в этих звуках!
В этом всеобщем,
равном,
тайном.
Всеобщее!
Равное!
Тайное!
Это ласкает ухо.
Теперь узнают,
какой я демократ.
Развешу цепочку на брюхо.
На палец бриллиантище —
восемьсот карат.

Дама

Чего разводить разговоры порожние!
Идем,
накупим,
нажрем пирожное!

Все волокут корзины.

Вперебивку

Коробки,
пуза
наполним повѐрх.

Выкупаемся,
выжремся
в миндальных,
в эклерах!

Хором

Только дорваться дай нам!
Эх, и насладимся мы им —
всеобщим, равным и тайным,
тайным, равным и прямым!
Всеобщим, равным и тайным,
тайным, равным и прямым.

Занавес задергивает Театр Сатиры. Занавес — улица города.

Театр Сатиры

Явление второе.
Смотрите в оба.
Не просто явление,—
явление из гроба.

Показывается толпа.

Толпа

Всеобщим,
равным,
тайным,
тайным,
равным,
прямым.

Навстречу грозный Феодорчук.

Феодорчук

А вот
я вам равный,
я вам общий.

Все

Феодорчук!
О, господи!
Да ведь вы,

кажется,
того,—
были усопший.

Феодорчук

Молчать!
Не разговаривать много!
Слушайте,—
воля его небесного величества
господина бога.
Он
вчера
к нам
на могилу
явился
в полтретьего ночи
и
воззвал:
«Воскресни,
Финляндский,
Эстляндский,
Курляндский
и прочая,
и прочая,
и прочая!»
Стрелки
не успели подвинуться на́ три,—
а уже
по всей России
урядники,
становые,
губернаторы.
По повелению всевышнего
я,
Феодорчук,
городовой опять,—
и величествен архи я.
Эй,
вы!
Боже царя храни!
Да здравствует монархия!

В с е

Феодорчук!
И вы
думаете,
что мы
всеобщее,
равное,
тайное?
Как вам, Феодорчук, не стыдно!
Грех!
Эх,
товарищ Феодорчук,
господин Феодорчук!
Мы
так по вас истосковались,
так разволновались.
Господин Феодорчук!
Разрешите вас обнять,
поцеловать,
пригласить на вальс.

Ф е о д о р ч у к
(снимая облапивших)

Мадам, слазьте!
Мусью, слазьте!
Не сметь
на шею
верховной власти!
Ату-ту-ту-ту!
Ать ее!
Кто там пел про демократию?

В с е

Что за предположение
отвратительное,
глупое!
Да вы
хоть насквозь просмотрите лупою.
От сердца двигателя
до последней гайки

одно уважение к досточтимой нагайке.
Да что рассказывать!
Снимайте маски!
Мы им покажем
праздник
первомайский!
Получат
от нас
первомайский привет-таки.
Вешайте проклятых
на фонари,
на ветки!
Идемте,—
нечего баснями тешить.
Вешать — так вешать!
(Становятся на четвереньки.)
Становитесь,—
ничего,
не помешает живот нам,—
на четвереньки,—
как полагается
настоящим животным.

Хор

Развесивши правых,
развесивши левых,
с камнями в оправах
заснем в наших хлéвах,
развесивши правых
развесивши левых.

Идут на четвереньках под предводительством Феодорчука. Театр Сатиры раздвигает занавес. Опять комната та же. Иван Иванович спит. Развешены на дереве штаны, носки, кальсоны, штиблеты. Коробки и корзины вверх дном.

Театр Сатиры

Смотрите картину
последнюю,
третью.
Совершенно невозможно
без смеха смотреть ее.

Жена
(входя)
Спит, проклятое,
и все ему мало!
Ишь, животное,
опять задремало!
Да он еще и пьяный.
Мало того, что сонный.
Развесил чего-то
штиблеты,
кальсоны.
Я тебе покажу, как пьянствовать!
Эй,
ты,
вставай!

Иван Иванович
(вскакивая)
Держи его!
Давай,
давай!
Покажем ему
кузькину мать.
(Приходит в себя.)
Какая такая идея?
Что я?
Где я?

В дверь
Тук, тук, тук,
тук, тук, тук.

Иван Иванович
Что это еще за стук?

Первое мая
(с плакатом «Первое мая. Всеобщий трудовой субботник»)
Эй,
которые там
средь грёз и нег!
Пожалте
чистить
грязь и снег!

[1920]

ПЬЕСКА ПРО ПОПОВ, КОИ НЕ ПОНИМАЮТ, ПРАЗДНИК ЧТО ТАКОЕ

ДЕЙСТВУЮТ

1. Отец Свинуил.
2. Мать Фекла.
3. Комиссар.
4. Дьякон.
5. Театр Сатиры.
6. И прочие — рабочие.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната в образах. Дверь. Окно. Кровать с миллионом перин. Сидит мать Фекла — вся в грустях.

Мать Фекла

И пришел ко мне отец Свинуил,
и сел это он около
и говорит он:
«Матушка, говорит,
Фекла,
сиди, говорит, здесь,
ежели ты дура.
А я, говорит,
не могу,
вот она у меня, говорит, где
эта самая, говорит,
пролетарская диктатура».
И осталась я одинешенька.
День-деньской плачу,
ничего не делая.
Похудела — похудела я.
Со щек с одних спустила по пуду,—
скоро совсем
как спичка буду.

С треском распахивается окно.

Караул!
Воры!

Свинуил
(закутан во что-то для неузнаваемости)

Дура!
Тише!

Фекла

Отец Свинуил!
О господи!
Через окно...
Да что это за занятие светское!

Свинуил
(с трудом влезший)

Цыц, товарищ Фекла!
Да здравствует власть советская!
Ничего не попишешь —
зря
Деникина
святой водой кропили-с.
Чтó Антанта,—
товарищ Мартов
и то
большевиков признал.
Укрепились.

Фекла

Отец Свинуил!
От вас ли слышу?
Да ведь вы же ж так ненавидели...

Свинуил

А что мне?
На Принцевы острова ехать,
что ли?
Там только меня не видели!
Не то что в пароход,
ни в одну эскадру
такому не уместиться пузу.
Попробовал в трюм лезть,—
куда!—

все равно что
слона запихивать в бильярдную лузу.

Фекла

Что же нам делать?
Что же нам делать?
Господи!
Хочешь,
в столб телеграфный,
ей-богу,
в столб телеграфный поставлю свечку,—
только спаси,
только помилуй
твою разнесчастную овечку.

Свинуил

Чего хнычешь,
ничего не понимая!
Какой завтра день?

Фекла

День?
Первое мая.

Свинуил

Первое мая!
Первое мая!
Что первое мая?
Посмотри на календарь,
число-то какое?
Красное?

Фекла

Красное.

Свинуил

Значит, праздник.
Дело ясное?

Фекла

Ясное.

Свинуил

Значит, народ без дела шляться будет?

Фекла

Ну, будет.

Свинуил

Так вот
я
и возопию к нему:
«Слушайте,
православные люди!
Праздник празднуете,
а праздновать без попа-то как?»
И разольюсь
и размажусь,
аки патока.
Это, мол,
не ладно,
что праздник, а без ладана.
Без попов, мол,
праздник
не обходится и в Европе ведь.
Праздник и не в праздник,
если не елейная проповедь.
Покажут, мол, вам, товарищи, праздник,
когда попадете на́ небо.
Несли бы вы, товарищи, лучше подаяние бы...
И жизнь, ой, пойдет,—
не жизнь, а манная.
От всех этих похорон
растопырю карманы я.

Вместе

Услышь же молитвы наши,
господь вседержитель!

Театр Сатиры

Услышит,—
шире карманы держите!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Угол церкви. Паперть. Пролет домов. В него вольется первомайское шествие. У церкви Свинуил и дьякон. Разглядывают.

Свинуил

Народу-то!
Народищу!
Никогда еще
народа стоко
и в пасху не ходило.

(К дьякону.)

Чего глазеешь,
черт кудластый?
Раздувай,
раздувай кадило!
А ну-ка,
рассмотрим,
взлезем на паперть.

(Рассмотрел и после паузы в досаде.)

Как же ж это можно
в праздник
и без попа переть?

Дьякон

Да што без попа-то,—
без хоругвей прут,
и у каждого лопата!

С в и н у и л

Вывози, пречистая!
Дай обобрать ее.

Д ь я к о н

Тише!
Идут.

С в и н у и л

Братие!

Не слушают, идут.

Братие!

Не слушают, идут.

Братие!
Да что вы,
черт вас дери,
отец я ваш духовный или нет?

П е р в ы й   р а б о ч и й

Товарищи,
обождите минутку.
Тут какой-то человек орет,—
братьев потерял.
Может, кто знает?
Товарищ,
как ваших братьев фамилия?

В т о р о й

Ваши братья что?
Работники?
Они, может, уже
на субботнике.

С в и н у и л

Да што вы,—
ах!—
я вовсе не про то.

Совершенно не в тех смыслах.
Я не про правдашних братьев,
а про братьев, которые по Христу...

Несколько рабочих

Ту, ту, ту, ту, ту!

Первый

Да ты, я вижу, свой,
товарищ, социалист.
Этак действительно
все мы тут братцы!

Третий

А ну,
братец,
попробуй.
За лопату
ты умеешь браться?

Свинуил

Да што вы,—
за лопату!
Как вам не стыдно,
ах!
Я не про такое равноправие.
Я про которое на небесах.

Четвертый

На небесах?
Да разве
с такой обузой
взлезешь на небо,
черт толстопузый?

Дьякон

Господа,
да што вы!
Священное лицо!
Можно этак чертом попа ли?

Первый

(разводя руками)

Откуда вы такие взялись?
Что вы
в РСФСР
с луны попали?

Комиссар

А ну-ка
скажи,
человек милейший,
есть ли у тебя документик
насчет исполнения в пролетарский день
работы
какой-нибудь,
хотя бы самой малейшей?

Свинуил

Что вы,
помилуйте!
Да разве я против работы?
Хотите,—
хоругви спереди понесу.
Прикажите вынести.

Несколько голосов

Да что разговаривать!
Какие там еще хоругви!
Вот тебе лопата.
Марш —
для несения трудовой повинности.

Свинуил

Товарищи,
пощадите звание.

Все

Ладно, ладно.
Марш на работу!
А на небо
как-нибудь
устроимся сами.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната первого действия. Та же Фекла — вся в ожидании.

Фекла

Что это он
запропастился?
Ушел как в гроб.
Должно быть, уж миллион николаевками
нагреб.
Идет.
Ну что, была треба?

Вваливается усталый в грязи Свинуил.

Отец Свинуил!
Что с тобой?
Из каких ты мест?

Свинуил

(доставая кусок хлеба — весело)

С требы.
А вот и полфунта хлеба.

(Отстраняет ухватившуюся было за кусок Феклу и сам впивается в него зубами.)

Отцепись, матушка.
Сама заработай.
Не трудящийся не ест.

Театр Сатиры спешит занавесить занавес. В это время опять врывается поп и бешено начинает трясти руку Театра Сатиры.

Свинуил

Простите великодушно.
С этого
с самого
с субботника.
Голоден, как собака, был.
Чуть достоуважаемый Театр Сатиры
поблагодарить не забыл.
Благодарю вас,
благодарю душевно-с,
что и я
в театр, наконец, попал.
А то совсем
в театрах
забыли про несчастного попа.
И светские
и военные выводились лица.
А нам
всего и удовольствия,
что молиться.
Передайте наше нижайшее
рабоче-крестьянскому правительству,
товарищу Луначарскому,
товарищу Маяковскому,
товарищу Зонову,
товарищу Малютину
и всей остальной массе.
Скажите:
благодарят, мол, вас
духовные отцы,
отцы монаси.

Театр Сатиры

Передам, передам.
Уходите, ладно.
Все-таки поп
не может без ладана.

[1920]

КАК КТО ПРОВОДИТ ВРЕМЯ, ПРАЗДНИКИ ПРАЗДНУЯ

(НА ЭТОТ СЧЕТ ЗАМЕЧАНИЯ РАЗНЫЕ)

ДЕЙСТВУЮТ:

1. Театр Сатиры.
2. Обжора.
3. Еще обжора.
4. Отец.
5. Мать.
6. Дитё.
7. Еще дитё.
8. Пьяница.
9. Еще пьяница.
10. Рабочий.
11. Еще рабочий.
12. Новый год.

Сцена: 1) пасхальный стол, 2) елка, 3) новогодний стол, 4) все вместе.

Театр Сатиры

Интереснейшая пьеса.
Поучительного тут!..
Не бывало представления более
разнообразного.
Вас
сейчас
от буржуазных праздников
проведут
к тому,
как надо пролетарские праздновать.
Такое настроение у меня
весеннее,
что вот
возьму
и облаю воскресение.

Раздвигает занавес. Первый обжора принимает к столу второго обжору.

Первый

Пожалте, пожалте!
Христос воскрес!

Второй

Воистину воскрес!

Первый

Присядем
по христианскому обычаю.

Второй

Иван Иванович,
где вы такой окорочище достали?
Прямо не свиную ногу,
а бычью!

Первый

Итак, господа,
воскрес Христос-та!

Второй

Икорочки б тоже
не дурно для такого тоста!

Первый

Да, господа,
воскрес он,
сущий во гробех!

Второй

Ну и поросятина у вас!
Эх!

Первый

Дай бог, чтоб чаще у нас так воскресало!

Второй

Съедим
по этому поводу
ветчинки
с фунтиком сала!

Первый

Да, господа,
распяли было
ироды
господа нашего
Иисуса Христа.

Второй

Кулич —
одно восхищение!

Что это он, ей-богу,
поесть не дает!
Со своим Христом пристал!

Первый

Воскресло-то оно воскресло,—
а брюхо
уже
не умещается в кресло.

Второй

Что это с брюхом делается?
Ой, ой,
ой, ой, ой, ой!
Больше не пускать воскресать!
Городовой,
городовой!

Театр Сатиры

(давая занавес и после реплики раздвигая опять)

Чтоб никто не увидел дальнейшее,
занавески занавесим
самые длиннейшие.
Теперь
по поводу рождества Христова.
По поводу елки
замечания —
тоже не менее колки.
Итак,
начнем показывать,
как
празднуют рождество.
Возьмем чистенькую комнату
и притащим в нее
большущий
грязнейший
еловый ствол.
Мимоходом
поломаем что-нибудь
из статуэток
и из мебели,

чтоб,
проклятые,
зря на дороге нé были.
А теперь —
— атууу!
Плюньте
и на воздух,
и на покой,
и на чистоту!

Вокруг елки становятся два детеныша, входят муж и жена с подарками.

Муж

Здрасте, детки!

Жена

Здрасте, душки!
Я принесла вам
рождественские игрушки.

Муж

Ну, поросята,
делать нечего,—
принес
и бенгальские огни
и свечи вам.

Вместе

Ну, детишки,—
ну, детки,—
сегодня
Христос рождается.
И поэтому
заранее
вам
на дерево,
на все ветки
навешу всевозможнейшей дряни я.

Навешивая украшения, раскидывают елочный сор, в котором тонут постепенно дети.

Дети

Папочка!
Мамочка!
довольно,—
дух сперло.
Тонем,
папочка!
Уже по горло!

Муж

Молчать,
пока не зароетесь по макушки!
Вот вам еще,
еще
и еще сор
из хлопушки.

Дети

Боженька, спаси!
Ангел хранитель, вывози!
Тонем, бедные,
утопаем в грязи!

Муж

(зажигая какую-то ракету и бенгальский огонь)

Ага,
орете?
Я вас
подарками задарю!
Вот еще
бенгальской серы
понапущу в ноздрю!

Муж и жена, окончив дело, уходят.

Муж

Здоровую елку устройли,—
не развеселю детишек я ли?
Еще лучше, чем в прошлом году,
нагрязнили и навоняли.

Театр Сатиры

(давая занавес и после реплики подымая опять)

Детишек ради,
Христа ради ли,—
только
здорово
господа эти
тут нагадили.
Не будем распространяться в словесном звоне.
Ясно —
праздник сора и вони.
Хотите,
просмотрим еще один?
Может быть,
вам угоднее
празднование новогоднее?

Первый пьяница и второй за столом, постепенно напиваясь.

Первый

Господа,
в эту
новогоднюю встречу
разрешите
обратиться к вам
с торжественнейшей речью.
Итак, господа,
прошел еще годочек.
На пороге новой жизни
займемтесь подведением культурных итогов,
сверкой,
сводкой.

Второй

Правильно,
с водкой,—
займемся с водкой!

П е р в ы й

Только одну!
(Наливает рюмку за рюмкой.)

В т о р о й

Еще одну!

П е р в ы й

Последнюю!

В т о р о й

Единственную!

В м е с т е

Еще по одной!

В т о р о й

(рассматривая графин опустевший)

Здорово!
Как будто
специально просушивали дно ей.

П е р в ы й

Довольно!
Пора думать о мере-с!

В т о р о й

Правильно,—
перейдем на херес.

П е р в ы й

Ну, что ж,—
херес так херес.

Пьют.

В т о р о й

Ну,
напились и этой влагой!

П е р в ы й

А не заняться ли нам малагой?

Второй

Смотрю я
на эту вот рыбку,
и жа-а-алко мне ее,
прямо — вот!
Пустим ее в шампанское!

(Старается зажать сельдя в бутыль с шампанским.)

Пусть живет.

Первый

Не пускайте —
сдохнет.
У меня определенный взгляд:
шампанское —
это яд.

Второй

Вы, может, скажете,
что я-де
ничего не понимаю
ни в химии,
ни в яде?

(Берет первого за бороду.)

Первый

Ах,
так вы меня оскорблять,
так вы
меня за бороду!
Раз
в морду!

Вместе

(входящему Новому году с огромными часами)

Ты что же врываешься в чужое помещение?

Новый год

Я —
Новый год.

Вместе

Какой такой Новый год?
Я тебе покажу,
как лезть без разрешения!
Вот!

(Бутылью по Новому году.)

Театр Сатиры дает занавес и сейчас же раскрывает его. Комната та же, но здесь и охающие обжоры, и елочный сор, и вповалку пьяницы. Пока занавес не раскрыт, проходят оба пьяницы, завязанные.

Театр Сатиры

Новый год
праздник водки.
Не будем моральные разводить разводки.
Но
для правильной оценки
задержим вас
только на минуточку
вот на этой сценке.

Первый

Иван Иванович!
О господи!
Кто это вас так аннулировал?
Глаз в фонарях,
бороду вырвал...

Второй

Не было печали,
да Новый год встречали.

Театр Сатиры

Теперь
старые праздники на смарку,
за небо забросили театры арку.
Ломая и строя,
строя и ломая,
отпразднуем Первое мая.

Двое рабочих входят с двух сторон с метелками и ведрами.

Первый

Тут не с метелкой,
не с ведром приходить,—
надо
Нил разлить на Ниле.
Ишь, как загрязнили.

Второй

Н-да,
от этой работы
уйдешь потненький.

(Зацепил метлой физиономию пьяницы. Тот замычал.)

Что?
Не нравятся наши. субботники?

Второй пьяница приподнялся и смотрит осоловелыми глазами, стоя на четвереньках.

Первый

Вставай,
чего раскарячился телкой!

Второй

А ну,
шибани-ка его, товарищ, метелкой!
Бейся с грязью!

Первый

Мети и пой!

Оба
(метут)

И это будет последний
и решительный бой...

[1920]

ЧЕМПИОНАТ ВСЕМИРНОЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

ДЕЙСТВУЮТ:

1. Арбитр Дядя — Виталий Лазаренко
2. Чемпион мира — Революция.
3. Чемпион Антанты — Ллойд-Джордж.
4. Чемпион Америки — Вильсон.
5. Чемпион Франции — Мильеран.
6. Чемпион Крыма — Врангель.
7. Чемпион Польши — Пилсудский.
8. Наш чемпион-мешочник — Сидоров.
9. Почти что чемпион — Меньшевик (фамилия неизвестна, живет по подложному мандату).

А р б и т р

А вот,
а вот,
народ, подходи,
слушай, народ.
Смотрите все, кто падки,—
Лазаренко в роли дяди Вани
любого борца положит на лопатки,
конечно, ежели он на диване.
Сколько мною народа перебито!
Прямо невероятно:
Сидоренко, Карпенко, Енко,
4, 5,
16,
28,
сороконадцать.
Кто, кто не бит?
Впрочем,
я
сегодня
не чемпион,
а арбитр.
Сейчас проведу чемпионат свой
не простой борьбы —
борьбы классовой.
Сейчас перед вами —
за барами бары —
борцы пройдут,—
как на подбор пары:
один другого удалéй.
Парад алле!

Антанта —
Ллойд-Джордж.
Смотрите, молодые и старые,
племянники и племянницы,
тети и дяди.
Все глаза растопырьте, глядя.
Смотри, первый ярус,
смотри, второй и третий,
смотри, четвертый и пятый,
шестой, смотри,
смотри, седьмой
и восьмой тоже —
более омерзительнейшей не увидите рожи.
Разжирел на крови рабочего люда,
так что щеки одни по два пуда.
Теперь на РСФСР животину эту
хочет навалить.
Раньше сама боролась,
а теперь зажирели мускулы,
так она других натравливает.
Сначала пана науськивала,
а теперь Врангеля науськала.

Вильсон —
он —
Америки чемпион.
Вы не смотрите, что Вильсон тощ.
Страшная у Вильсона мощь.
Главная его сила в том,
что очень уж далек.
Повезло окаянному:
пойди и возьми его за морями и океанами.
Попадется когда-нибудь, впрочем,
собственным рабочим.
Ничего борец,
да очень уж несимпатичен.
Главным образом
борется
из-за
приза.

До чего с Антантой дружен,—
и то из-за немецкой подводной лодки
чуть и Антанте не перегрыз глотку.

Мильеран —
Франция.
Борец ничего б вышел из француза,
да очень уж его перекачивает пузо.
Ну и обжора же,
почище самого Ллойд-Джорджа.
Если вы вместо того, чтобы в красноармейцы идти,
будете на меня глазами хлопать,
вас тоже придется слопать.

Пилсудский—
Польша.
Один раз удачно поборолся,—
и пока что
бороться не хочет больше,
но линию свою не перестает гнуть.
Грозится —
передохнувши,
на РСФСР грохнуть.
Как бы
вместо того, чтобы передохну́ть,
пану не пришлось передо̀хнуть.

Сидоров —
спекулянт,
наш
родной.
Пять пудов крупчатки выжимает рукой одной.
Крупчатку выжимает,
нас крупчаткой дожимает.
Эти самые мешечники —
все равно, что камни в кишечнике.
Как будто от них сытно:
набивают брюхо,—
а с другой стороны
подохнешь от них:
язвой разъедает разруха.

Ничего борец,
хорошо с РСФСР борется.
Поборется еще немного,
порций пять провезет —
и на МЧК напорется.

Врангель —
Крым.
Борец шестой.
Встань, народ,
без шапок стой.
Самодержец Гурзуфский.
Ох и страшно!
Уф!
В два счета покорил Гурзуф.
Головка в папахе,
ножки в сафьяне.
Весь гурзуфский народ царем признал —
все гурзуфьяне.
Силенки в нем немного,
да сзади, как пузырь:
его надувают
французские тузы.
Чтобы эта гадина разрастись не могла,
надо бить его,
пока он слабый.
Если
фронт и тыл
сольются друг с другом,
кулак один подымут
и этот кулак хлопнет,—
их императорское величество
обязательно лопнет.
На фронт, братцы!—
Пора драться!

Апрелев.
Черт его знает откуда.
Ни черту кочерга,
и ни богу свечка.
Ни в совдеп не посадить,

ни отправить в ВЧК.
Пролетарий — не пролетарий,
капиталист — не капиталист.
Понемногу
перед всеми пресмыкается, как глист.
Я его и брать не хотел:
думаю, — меж большими затрется.
Да уж очень просил.
Я, говорит,
хотя и меньшевик,
да очень уж хочу бороться.
Впрочем, и такой
может быть страшен немножко.
Очень уж приемы недозволенные любит:
так и норовит действовать подножкой.

Рекомендации кончены,
этот чемпионат мною собран,
и все эти господа прибыли.
Для чего господа прибыли?

Хор голосов

Глотки друг другу
перегрызть из-за прибыли.

Арбитр.

А ну,
бросьте
господам борцам кости.

Брошены: корона, огромный золотой и мешок с надписью—«прибыль от империалистической бойни». Схватывается Ллойд-Джордж с Мильераном из-за прибыли, Вильсон с мешочником из-за золота, Врангель с паном из-за короны, Меньшевик-рыжий путается у всех под ногами.

Арбитр

Пошло́!

Мильеран

Господин арбитр,
это вас касается:

остановите Ллойд-Джорджа,
проклятый кусается.

Врангель

Отгоните Меньшевика,
под ногами вихляется.

Ллойд-Джордж

Ой-ой, ой,
что он делает с моей головой!

Арбитр

Тише, захват головы не дозволяется.

Пан

Остановите Врангеля, грызет за ляжки.

Арбитр

Пустились во все тяжкие.
Ну и грызня!
Загрызут друг друга,—
надо разнять.

Свисток. Входит последний борец — Революция.

Арбитр

Революция —
чемпион мира.
Последний выход.
Смотрите, как сразу стало тихо.

Революция

Товарищ арбитр,
объясните вы:
вызываю всех борцов оных.
Сколько вас на фунт сушеных?

Борцы вперебой.

Пан

Я не хочу драться.

Меньшевик

Неинтеллигентное занятие.

Вильсон

Я тоже вам не нанятый.

Мильеран

Лезьте вы вперед.

Ллойд-Джордж

Нет, вы.

Мильеран

Нет, вы.

Хором

Пускай она идет,
она сильней.
Идите, мадам Антанта.

Революция схватывается с Антантой и через минуту перекидывает ее, схватив за голову.

Арбитр

Это
называется махнуть тур-де-тетом.
А ну-ка,
еще немножко ее
по-красноармейски дожать —
и будет Антанта на лопатках лежать.

Оба борца устали. Дожать Антанту трудно.

Арбитр

Не может побороть
ни эта сторона, ни та.
Перемирие.
Тьфу!
Перерыв на десять минут.
Через десять минут борьба на окончательный
результат.

А н т а н т а

Перерыв на десять минут?
Едва ли.
Я думаю, меня не на десять минут,
а уж на всю жизнь прервали.

Революция уходит, за ней на тачке увозят Антанту.

А р б и т р

Перерыв на десять минут.
Все, кто хочет,
чтоб
красные победили через десять минут,
пусть идут по домам,
а завтра на фронт добровольцами —
и Врангелю шею намнут.
А я
уже
сегодня туда же,
а для скорости
в экипаже даже.

[*1920*]

ВЧЕРАШНИЙ ПОДВИГ

(ЧТО СДЕЛАНО НАМИ С ОТОБРАННЫМИ У КРЕСТЬЯН СЕМЕНАМИ)

Театральный отчет

ДЕЙСТВУЮТ:

Р.С.Ф.С.Р.
1-й крестьянин.
2-й крестьянин.
Баба.
Наркомпрод.
Нач. заготов. отдела.
Телефонист.
4 голодающих крестьянина.
Делегат голодающих.
Мародер.
Секретарь.
Молодой крестьянин.
Саратовец.
Уралец.
Самарец.

I

Кусок деревни. На скамье, перед углом хаты, урожайные крестьяне. За углом хаты амбары с горой мешков. Выходя торопливо к крестьянам,

Р. С. Ф. С. Р.

Эй!
товарищи крестьяне —
срочное предписание от Наркомпрода.

1-й крестьянин

Чего еще там?

2-й крестьянин

Что еще такое?

Р. С. Ф. С. Р.

Наше дело вот какого рода:
пятнадцать губерний обречены голодать.
Надо кормить голодающих,
надо дать голодающим обсемениться,—
а государству не из чего семена дать.
Волга — житница наша:
четыре года
нас кормила и кормила Волга.
Отдайте ей хоть часть неоплатного долга.
Сегодня
Наркомпрод
обращается ко всему крестьянскому люду:
«Возвратите,
Возвратите назад семенную ссуду».

Б а б а

Новое дело,—
чтоб мы работали,
а Поволжье ело.

К р е с т ь я н е
(вперебивку)

Не надо.
Не давать.
Не давать им.
Не дадим.
Не дадим.
Не дадим.

Р. С. Ф. С. Р.
(передразнивая)

Не дам, не дам.
А Поволжье давало вам?
В прошлом году получили
миллионы пудов семян яровых?

К р е с т ь я н е

Ну, получили...

Р. С. Ф. С. Р.

Откуда они взялись?
С Волги.
У сегодняшнего голодающего получили их.
Значит,
нечего и канители идти —
получил
и возврати.

1-й к р е с т ь я н и н

Тоже
приказывает.
Выискался господин.
Нам от этих семян убыток один —
кабы знали,

совсем бы не воспользовались ими:
возвращай озимые,
а получили яровыми.

Р. С. Ф. С. Р.

Сейчас причитаем:
«Не брал бы».
А голод грянет,
как посыпятся жалобы
да вой:
«Подайте семян на клин яровой».
Государство требует свое ж —
ты ведь только долг обратно сдаешь.
А если
на 50%
озимыми берут,
то черта ль год торговаться тут?
Поймите:
25.000.000 крестьян
таких же, как вы,
от голода мрут.
Если б
над вами
такая же стряслась беда,
из чего государству помогать тогда;
чтоб могли
в нужде
и вам дать,
надо
Поволжье
во что бы то ни стало поднять.

Баба

Стану чужим помогать я.
У меня
у самой
шесть душ семья,
чтоб свои-то ели
и то хватает еле.
У меня у самой дети.

Р. С. Ф. С. Р.

А если бы
дети эти
голодали
и пошли б к соседу,
прямо к соседу к обеду,
а он бы их вышвырнул в дверь,
что бы ты сказал?

1-й крестьянин

Ну, какой же это человек?
Это не человек, а зверь.

Р. С. Ф. С. Р.

А ты бы
что сделала, баба?

Баба

Хоть самой не сытно,
а кусок дала бы.

Р. С. Ф. С. Р.

Ну, вот
разглядела то, что поближе.
Теперь на Волгу
вдаль смотри же.
Видишь?
Тянутся соломинками-ручонками.
Слышишь?
Молят голосенками тонкими.
Такие же дети
есть просят.
Кто их
так
умирать бросит?
Благодарите, что больше требуем тут.
Что задумались?
Не дадите — возьмут.

Крестьяне
(нехотя)

Да я бы
дала бы.
Ну, что ж,
и я пуд дала бы.
И я пуд,
и я пуд.

Р. С. Ф. С. Р.

Торопитесь же.
Эй!
Что делаешь — делай скорей.
Спешите дать ссуду и налог,
пока не расквасила осень дорог.
Пусть скорее несут.
Помните —
посев на носу.
К сроку поспеть важно,
а теперь ненастье.
Дорога разлажена,
хлеб
в Поволжье
не слали никогда,
хлеб
оттуда шел года.
С железными дорогами намучаешься тут,
если поезда
в обратную сторону пойдут.
10.406.000 пудов собрать и сдать надо.
Попробуй,
свези средь такого разлада.
Торопись же:
опоздать —
это все равно, что ничего не дать.

Крестьянин

Чего же стоять толпой, разини?

Грузи,
грузи, ребята,
грузи.

(Таскают мешки.)

2-й крестьянин
(скептически смотрит на уложенное)

С тыщу пудов навалили вот,
а много ль из них голодным пойдет?

1-й крестьянин

И половины не вывезут,
сгинет тут.

2-й крестьянин

А вторую половину
в дороге раскрадут.

1-й крестьянин

Да и наблюдение какое у них,
а необходимо, важно:
зерно на спешку собрали,
сорное,
влажное.

2-й крестьянин

Да разве доставишь в такой срок,
тут бы не помог и скороход-сапог.

1-й крестьянин

Голодающим от этого не будет толк,
только растормошили,
ешь их волк.

2-й крестьянин

Сами работой заняты ни свет, ни заря,
а тут
от дела
отрывают зря.

Баба

Не голодающим пойдет,
а комиссарам.

1-й крестьянин

Что и говорить —
отдали даром.

Р. С. Ф. С. Р.

Врешь,
дойдет зерно.
Не верите,—
кто больше всех языком вертит,
идем со мною.
Сам вот посмотри,
как работает наш Наркомпрод.

II

Наркомпрод

Позвать начальника заготовительного отдела.
(К вошедшему.)
Товарищ!
Срочное дело:
наши грозные предположения оправдались.
Уже с июля
за вестью шла тревожная весть.
Теперь выяснилось —
голодает Самарская губерния,
Саратовская,
Симбирская,
Вятская.
Голод в Немкоммуне,
в Чувашской области;
в Татреспублике тоже
нечем обсемениться,
нечего есть.
Срочный приказ Совнаркомом дан: —
надо выполнить вот этот план,
надо
5.128.000 пудов собрать и перебросить нам.

Н а ч. з а г о т о в. о т д е л а

Откуда ж взять его —
такая масса.
У нас никакого фонда,
ни одного зерна,
ни малейшего запаса.

Н а р к о м п р о д

Потребуйте возврата семенной ссуды,
если запаса нет.

С е к р е т а р ь

Из президиума ВЦИК
срочный пакет.

Н а р к о м п р о д

Читайте —
вот
задание растет.
Собрать из урожая совхозов 1.278.000 пудов,
отпустить Наркомзему из продналога
2.500.000 пудов семржи.
Значит,
придется
собрать и свезть
8.906.

Н а ч. з а г о т о в. о т д е л а

Невозможно.

Н а р к о м п р о д

Знаю,
когда
первое задание было Совнаркомом возложено,
Совнарком же и признал,
что сделать
это
почти невозможно.

Н а ч. з а г о т о в. о т д е л а

А теперь
задание увеличилось за эти несколько дней,
стало вдвое невозможней,
вдвое трудней.
Это и в полгода выполнишь еле.

Н а р к о м п р о д

Идите,
выполните в три недели.
(К вошедшему зав. трансп. отд.)
Возможность срочных перевозок
выяснили в Наркомпути?

З а в. т р а н с п. о т д.

С дорогами плохо —
ни проехать,
ни пройти.
Огромный труд —
найти хоть один свободный маршрут.
Теперь
ввиду спешки
везть особенно трудно.
Влажность 15%,
сорность 3;
чтобы не сгорелось в дороге,
то и дело смотри.
Вагоны должны с инструкцией
(на случай отцепки)
идти.
Надо,
чтобы поезд
сопровождали в пути.
Ввиду спешки грузят ссыпкой.
Надо за вором смотреть шибко.
Особенно сроку мало.
Сборка урожая
в урожайных губерниях
с началом сева в голодных совпала.
Нет на железной дороге

ни составов,
ни людей.
Боюсь, с перевозкой не справиться ей.

Н а р к о м п р о д

Отговорок быть не может.
Принимайтесь за работу.
Она
в три недели закончена быть должна.

З а в. т р а н с п. о т д.

В три недели.
Шутите шутки.
Я от гонки разрываюсь сам.

Н а р к о м п р о д

Предпишите местам
работать круглые сутки,
работать 24 часа.

З а в. т р а н с п. о т д.

Нет людей.

Н а р к о м п р о д

Вызовите в каждую урожайную губерцию
представителей голодающих губерний.
Эти будут рады
проверить все поступления,
контролировать все наряды.

(Пауза, телеграмма.)

Н а р к о м п р о д

Уже с 22 июля дано задание.
Что вами сделано?

Н а ч. з а г о т о в. о т д.

Приказ попал
в самый разгар работ полевых.
Поговорите с крестьянами.
Убедите их.

Кроме того,
надо
весь
аппарат в боевую готовность привесть.

Наркомпрод

Уже 2 августа
положено начало?

Нач. заготов. отд.

Тульская
уже
себя раскачала,
но крестьянин везет неохотно —
у самого уборка.
За чужую работу не берется.
Лень.
Надо,
чтоб зерно не провалялось на пункте
ни один день.
Чтоб выправилась организация,
необходимо ей
десятки тысяч энергичных людей,
чтобы весь профсоюзный,
весь партийный аппарат
был на продработу мобилизованный.

Наркомпрод

Немедленно по телеграфу
о мобилизации приказ.
Раз.
Во-вторых,
телефонограммы
в ЦК
и в ВЦСПС —
немедленно отправьте их.

Секретарь

Товарищ,
вас к телефону.

Нач. заготов. отд.

В Орловской тоже сбор начат.

Наркомпрод

Новая,
совсем непосильная задача.
Такого голода
не было никогда еще.
Новые губернии:
Уфимская,
Царицынская,
Астраханская,
Уральская,
Оренбургская,
Башкирская,
Вотская область —
включены в голодающие.

Нач. заготов. отд.

Слава Наркомпроду была б,
если б хоть старые задания
к сроку выполнить мог.

Наркомпрод

Теперь
вдвое больше
надо выполнить в тот же срок.

Нач. заготов. отд.

Но ведь сколько до засева времени осталось,—
самая малость...
5. 000.000 пудов семян
дополнительно собрать
и перебросить нам.

Наркомпрод

Выполняйте.
Поволжью не прожить без этого наряда.
Мобилизованные тут?

Секретарь

Да,
ждут.

Наркомпрод
(к вошедшим мобилизованным)

Товарищи,
вам о важности работы говорить нечего,
большего бедствия
не было
со времени существования человечества.
Голод
в лапы
захватывает за районом район.
Смотрите,
              на карте
                            вон
черными пятнами окружена Волга многоводная.
Это —
        губернии голодные.
Вот
    полный план
                        того,
что продработников рать
должна для голодающих собрать:
возврат семссуды 5.128.000 пудов,
с совхозов 1.278.000 пудов,
продналога 4.000.000 пудов.
Итого
        10.406.000.
Собрать —
              на вас возложено.
Не говорите, что это трудно,
что это невозможно.
Знаем сами,
но это сделать нужно,
и разговаривать не приходится.
В работу
            дружно.
Мандаты заготовлены;

где
    и что делать
каждый из бумаг узнает сам.

(К одному.)

Торопитесь,
ваш поезд, товарищ, идет через два часа.

(К вошедшему рабочему-мастеровому.)

Есть сведения?

Рабочий-мастеровой

Работа двинулась
                    и идет.
Первые данные вот:
с 1—10 августа 235 вагонов
собрано
        и погружено.
Но вот что нужно —
в Рязани весь путь поездами занят,
продвигаем маршруты,
сбились с ног,
не слушают.
Ничего поделать не мог.
Слова местной власти мало.
Надо, чтоб сверху власть приказала.

Наркомпрод

Вот телеграмма.
Идите за подписью к Ильичу.
Автомобиль?
                Автомобиля нет.

Мастеровой

Пешком долечу.

Наркомпрод

Его в Совнаркоме нет?
Обойдите все кремлевские здания.
Он в ЦК?
            На заседании?

Все равно —
найдите.
Неудобно ночью?
Во всякое время
его
по таким делам находи́те.
Ленин
мне
дал полномочия.
Что?
Проникните
хоть к черту в ад.
Но без личной подписи
не возвращайтесь назад.

(Телеграмма, читает.)

На призыв мобилизации
горячо откликнулись места.
Телеграмма Смоленска:
4.000 товарищей на продработу
мобилизовано там.

(К нач. трансп. отд.)

Сделали все, что нужно,
да?
С 11—20 погружено 3.395 вагонов.
С 21—31
уже
4.398 погружено.

(К рабочему-мастеровому.)

Сумели провесть.

Рабочий-мастеровой

Есть.

Наркомпрод

Сейчас
дам телеграмму в Рязань я:
срочно выполнить это приказание.
Если не послушают и тут —
под суд.

(К мобилизованному.)

Вы из Ряжска?

Мобилизованный

Да,
я был там.

Наркомпрод

Как работают места?

Мобилизованный

Работа до крайности напряжена.
Если так пойдет дальше,
будет к сроку окончена она.
Я видел сам,
как работники
совершают чудеса:
шел через Ряжск маршрут —
два вагона
надо отцепить
для просушки.
Тут толкучка,
суматоха тут.
Взялись за работу —
страшный труд —
и вот
на удивленье всем в мире
вагоны отцепили,
пропустили через элеватор,
погрузили
и прицепили обратно.
Один в 3 часа,
а другой в 4.

(К нач. трансп. отд.)

Как с погрузкой,
последние сведения?

Нач. транспорта

Гоним.
Первый наряд
полностью выполнен.

Скоро
последнее зерно
будет в вагоне.
Смотри́те —
погубернская сводка.

Наркомпрод

Последнее усилие сделать надо.
Что с последним
дополнительным нарядом?

Нач. заготов. отд.

Работают круглые сутки.
Все силы в битву бросили.
Сейчас
составлю телеграфную сводку
и зайду после.

Наркомпрод

Выполним или нет?
Срок близится.
Дорог каждый час.
Мы победим голод,
или голод победит нас.
Или дадим семена Поволжью
или...

Нач. заготов. отд.

Мы победим.
Голод врасплох застал нас.
28 дней тому назад
мы
отдали
первый приказ.
Наркомпрод
выстроил свои ряды.
Недели
с голодом,
с разрухой
шли непрерывные бои.

И голод отступает,
голод сдал.
Зерном груженные
один за другим
к Волге мчат поезда.
Только уж очень раскачались,
война, так война.
На 6% больше сделали,
чем было задано нам.
72 часа
длится бой последний.
Не было побед быстрей и победней.
По последнему наряду
Смоленской губернии
была
боевая задача дана.
И она
в 72 часа
без смены,
без сна
собрала зерно,
свезла.
В 72 часа был готов
наряд в 150.000 пудов.

Р. С. Ф. С. Р.

Ну, что,
Фомы неверные,
теперь
убедились наверное,
что все собранное с вас
крестьянам же
голодающим Республика сдаст,
что власть советская
день и ночь
работает
над тем, чтоб голодающим помочь.

Крестьянин

Работаете здорово.
Оно, конечно, видно.

Только вот что обидно.
И вы зря работали,
и мы зря давали.
Помощь-то
до голодных дошла едва ли.
К сроку-то вы поспели еле.
А где же засеяться,—
должно, и не успели.

Р. С. Ф. С. Р.

Не веришь?
Пойдем по голодным местам.
Сам результаты увидишь там.

III

Кусок голодного вокзала. Перед ним группы крестьян.

1-й голодающий

Говорят,
теперь
наша власть,
власть рабоче-крестьянских советов,
а что дает нам власть вот эта?
Никто не слышит голодного стона;
не услышит детского рева.
Дòхнем,
как дохли и во время царёво.

2-й голодающий

Давеча
на станции
сказывал люд,
будто что-то собирают,
что-то пришлют.
Слыхали сказки.
Годы
сиди у моря и жди погоды.

Молодой крестьянин выборный

Папаш,
а, папаша,
поезд пришел,
а с ним
делегаты наши.

1-й голодающий

Но?

Молодой крестьянин

В вагонах
до верху
навалено зерно.

Делегат из двери вокзала

Эй,
иди,
иди,
собирайся скорей.
Братцы,
не толпитесь, вам говорят.
За выдачей
в очередь
становитесь в ряд.
Сначала
артелям дается.
Артель великое дело.
Ей
легче больше засеять полей.
Затем
совхозам семена дадут.
На общую пользу ихний труд.
Затем
в отличие на войну снаряженным
выдадим семена красноармейским женам.
И, наконец, выдадим
(конец ясен)
выдадим всей маломощной массе.

Лентяй-крестьянин

Я заброшу поле,
черт с ним.
Семена
получим
и съедим.

Делегат

Дармоеды,
на семена не разевайте зев,
только вспахавшие получат на засев.

(Идут с мешками.)

1-й крестьянин

Оно самое,
оно —
родное
ржаное зерно.

Второй

Ну, как?
Дают?
Стоит идти?

Третий

Дают
на хозяйство от пуда до тридцати.

1-й крестьянин

Я получил столько вот,
что вдвое засею, чем в летошний год.

2-й крестьянин

Чем зря разговаривать,
беги, получай.

4-й крестьянин

Бежим,
получим.

2-й крестьянин

Лучше не найдешь зерна.
Такое и в мирное время
не приходило нам.

4-й крестьянин

Губземотдел зерно смотрел.
Говорят, важное.
Просеяно хорошо,
не влажное.

Все

Ура!..
Здорово,
Иван Кузьмич,
делегат наш.
Ну, что скажешь,
какой отчет дашь?

Делегат

Да.
Насмотрелся я на чудеса.
Иной раз не верил сам.
Как выехал,—
навстречу вагоны стали идти.
Вся дорога семенами забита,
а поезда
продолжают и продолжают идти.
Да,
Поволжье, видно, не забыто.
Всего не перескажешь.
Смотрите —
для вас
нарочно вот
привез о дошедшем зерне отчет.
Вот цифр ряд.
Это
голодающим губерниям наряд.
Итого 10.406.000 пудов.
А доставлено вот
12.595.000 пудов.

Не только восполнено все, что надо,
а на 2.150.000 собрали
и свезли
сверх наряда.

1-й крестьянин

Неужто все и дошло так?

Делегат

Так и дошло.

2-й крестьянин

И ничего не раскрали?

Делегат

Пропал пустяк.
Затем ведь вы и посылали нас.
Всюду
за грузами
был глаз.
Скажем,
в Уфимскую
пошло 307.000 пудов,
а получили 297.
Утечка пустяковая—
ясно всем.

3-й крестьянин

Ну,
а много зерна плохого?

Делегат

Нет.
Несмотря на спешку,
плохого
самая малость.
Всего четыре вагона
(Вятской почему-то достались)
влажные два,
а два
провеянные едва,
а ведь 11.070 вагонов-то всех.

Все

Так бы всем работать.
Эх!

1-й крестьянин

Ну, а как раздали губерниям другим?

Делегат

Не опоздали.
Во-время дали им.

Другой делегат

Вот
здесь
от других губерний
делегаты
уже обратно
с благодарностями едут.

Все

Ну, расскажите,
расскажите.

Саратовец

Я
саратовский житель.
У нас в Саратовской
вот
засеяли больше, чем в прошлый год.

Уралец

Они-то еще засеяли мало.
Вдвое засеялись крестьяне Урала.

Самарец

У нас тоже
работали яро —
90% засеяла Самара.

Делегат

Словом,
как ни кинь,

всюду засеяли огромный клин.
Где 100% засеяли,
где 200.
Ниже 40 процентов
не опускалось ни в одном месте.

Все

Ну, братцы,
пойдем и мы
сеять стараться.

Мародер

Нет,
нет,
милай,
на что тебе семена?
Сам худющий,
стоишь над могилой.
Продай лучше.
Ей-богу,
хорошую цену получишь.
Чего там сеять?
На еду
лучше эти семена идут.

1-й крестьянин

Сгинь с глаз.
Лучше
подохнем
до последнего из нас,
чем для засева присланное крестьянами-братьями
на жратву потратим мы.

Мародер

Сей для власти советской —
сей, старайся,
угождай ей.
Как хлебушко-то уродится,
в награду за труд
большевички придут
и налогами отберут.

1-й крестьянин

Ах ты, паук,
ах ты, вошь!
Сам знаешь, что врешь.
Если власть советская
строга насчет налога,
то оттого,
что у нее
трат много.
Если б налог
не собрали с крестьянского люда,
эти вот семена
взялись бы откуда?
Пусть только хлеб уродится,
им
с благодарностью
налог сдадим.
Это ваш
мародерский класс
на коммунистов натравливает нас:
мол, бандитов поддержи,
Антонова поддержи —
и будут
амбары
ломиться от ржи.
А как беда стряслась,
кто из беды выручил нас?
Антонов помог?
Эсеры накормили всласть?
Помогла одна
Рабоче-крестьянская власть.
Словом,
другого разговора
нету.
Да здравствует власть Советов!

Р. С. Ф. С. Р.

Ну, теперь посмотришь, едва ли
им всё еще
не укротили недоверчивый нрав.

Крестьянин

Нет,
убедился:
не зря давали.
Пойдем назад,
поведем сказ
о том, что не зря тормошили нас.

Делегат

И я с тобой.
Письмо им.
Пусть читают,
как вас благодарим.

IV

Декорация первой картины

1-й крестьянин

А вот делегат.

2-й крестьянин

И сборщик вот.

1-й крестьянин

Эй, народ,
пожалте на сход.
Эй, бабы,
мужики, эй,
скорей на сход,
на сход скорей.

2-й крестьянин

Ну, рассказывай, брат,
должно быть,
насмотрелся такого,
что и сам не рад.

1-й крестьянин

Должно быть,
ни черта не дошло до голодающих мест.

Баба

Должно быть,
спекулянт его в Москве ест.

2-й крестьянин

Или
семена
где-нибудь
в дороге сгнили.

Баба

Ловко нас провели.
Рассказывай,
вали.

Мужик, побывавший у голодных

И у меня,
когда уезжал,
мало было веры.
Такое дело
сделать
мудрено́.
Да сам его видел,
как делается оно.
Все осмотрел
и для ради справедливости должен
следующее вывести:
не дело сделал Наркомпрод,
а чудо.
Такую в работе показал удаль,
что только
Волга заголодала,
а наши
ей
семена дошли
в 28 дней.
Ни краж не было,
ни большой пропажи,
на еду зерно не брали даже.
Всего нужно было 10.405.000 пудов.

Поволжье
и это получить
было бы радо.
А выслали
12.595.000 пудов,
то есть
121 процент наряда.
Из них
12.265.300 пудов
уже на месте.
Имеются обратные
благодарственные вести.
Мужик
везде поля засеял.
Справилась с голодом Советская Россия.
Да будет отныне
каждому ясно:
сдавали зерно
и работали не напрасно.
Вас, крестьяне,
как избавителей, благодарят.
Да что говорить?
Я вам
делегата
от голодающих привез.
Он тоже сказать будет рад.
А с ним письма —
целый воз.

Делегат

В благодарность —
поддержали голодный люд —
письма
вам
сельчане
шлют.
Это
самые настоящие письма,
мы не переставили
ни единой буквы.

Получайте прямо
из первых рук вы.

(Читает письма.)

Ну,
теперь
верь:
если мы
заживем
в урожае,
в счастьи,
а голод
в другой разразится части,—
только
кликни клич,—
Красная Москва,
и мы
с семенами придем к вам.

(1921)

ВАРИАНТЫ
и
РАЗНОЧТЕНИЯ

Наш марш (стр. 7)

Беловой автограф. Начало марта 1918 г.

16 лёт быстролетным коням [1]

21 I Бодрость пей и пой

II Радость пей, пой

«Газета футуристов», М. 1918, 15 марта, сб. «Ржаное слово», Революционная хрестоматия футуристов, П. 1918:

16 лёт быстролетный коням

21 Радости пей и пой

Хорошее отношение к лошадям (стр. 10)

Газ. «Новая жизнь» (московское издание), 1918, № 8, 9 июня.

Заглавие — Отношение к лошадям

14 штаны сошедшиеся Кузнецким клёшить

19—20 Выл Кузнецкий
И лишь один я

22—23 Гляжу и вижу

27—30 Гляжу и вижу
Катится по морде
выблестелась в шерсти...

34 расплылась в шелесте.

37 чего вы думаете, что вы сих плоше

44 и мысль ей моя казалась пошла

---

[1] Текст стихотворения записан по старой орфографии, с буквой ѣ. В слове «лет» буква «е» переправлена из «ѣ»,т. е. «лёт» вместо «лѣт» (при одновременном написании «лѣт» в строке 6: «медленна лѣт арба»). Как свидетельствует в то же время О. В. Гзовская, выступавшая в 1918 г. с чтением стихотворения «Наш марш», Маяковский дал ей следующее пояснение к тексту строки 16: «Много лет лететь быстролетным коням, даже попасть ввысь, в небо». (Письмо в редакцию настоящего издания от 24 февраля 1955 г.)

Ода революции (стр. 12)

Журн. «Пламя», П. 1918, № 27, 7 ноября:

29 взрывают тысячелетие Кремля.
30 «Слава!»
32 Визг сирен задушенно тонок.
41 Прикладом гонишь седых адмиралов

Радоваться рано (стр. 16)

Газ. «Искусство коммуны», П. 1918, № 2, 15 декабря, «Все сочиненное», «13 лет работы», т. I:

12 по стенкам музеев тенькать

Той стороне (стр. 20)

Газ. «Искусство коммуны», П. 1918, № 4, 29 декабря, «Все сочиненное», «13 лет работы», т. I:

74 прорвемся сквозь все заставы

Левый марш (стр. 23)

«Маяковский для голоса», «Избранное из избранного», «Школьный Маяковский»:

9 Клячу истории загоним

Потрясающие факты (стр. 25)

Газ. «Искусство коммуны», П. 1919, № 7, 19 января, «Все сочиненное», «13 лет работы», т. I, «Стихи о революции», 1-е изд., «Избранный Маяковский»:

23 «Власть Совета»
61 Изловчались в спорах

«Стихи о революции», 2-е изд.:

61 Изловчались в спорах.

Мы идем (стр. 30)

Черновой автограф в записной книжке 1919 г., № 2:
Заглавие отсутствует.

1—5 Мы идем!
Кто вы?
Мы глашатаи новой веры
красоте задаем железный тон.
9—10 сквозь скулеж стариков злючий,
а всем
20 вывернулась

27—28 I Это революция на Страстном монастыре
II Революция и на Страстном монастыре
29—30 написала Не [работающий] трудящийся не ест
35 оплакивал на тысячу родов
39 I возносители завтрашних городов
II иллюминаторы завтрашних городов
41—42 нерушимо и бодро
53 не на смерть, а на живот

Газ. «Искусство», М. 1919, № 5, 1 апреля:
Заглавие: Мы идем!
4 красоте задающие железный тон.

Владимир Ильич! (стр. 32)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4.

Строки: 10—15, 23—30 (первоначальные варианты) и полный текст стихотворения.

10—15 I Ноги месили просторы
II Ноги без мозга вздорны
Без мозга рукам не дело
Металось во все стороны
России безголовое тело
23—30 И земли сели на оси
Каждый вопрос прост
И встали два в хаосе
Мира во весь рост
3 революций разливают лаву
5 девическая чушь
9 не воспеть Ильичу
11—12 Без мозга рукам не дело
26 и выявились
36 и встал
41 И ноги знают
45 нет места смятеньям и воям

«Красная газета» (утренний выпуск), П. 1922, № 252, 5 ноября, «13 лет работы», т. I, «Стихи о революции», 1-е изд.:
11—12 Без мозга
рукам не дело.
61 обмахивать высокий уют

«Красная газета»:
26 и выявились

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (стр. 35)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5:

Заглавие отсутствует.

2 I катилось ⟨*строка не окончена*⟩
II весна катилась в лето
8—9 I А под той горой ⟨поселок⟩ был
II А низ горы деревней был
11—15 I А за селом была дыра
Дыра была наверно
И в эту дырку каждый раз
Спускалось солнце мерно
II А за деревнею дыра
И в ту дыру наверно
Спускалось солнце каждый раз
Медленно и верно
16—18 А утром снова все залить
26 что в шуме все поблекло
33—34 а я не знай ни зим ни лет
ходи рисуй плакаты
42—47 I Слова с ума сошел погиб
Сверльнули мысль до боли
Ко мне раскинув луч шаги
II Что я наделал Я погиб
ко мне по доброй воле
само расставив луч шаги
52 Уже пролезло садом
53 В окошко
62 I Ты звал? ну что ж чаи гони
II Ты звал меня
72 Кричать ему
76—77 I Но страшная из солнца ясь
струилась
II Но странную светило ясь
струило
93 Но все ж идешь
96 I Гремели так до темноты
II Болтали так до темноты
101—102 И вскоре дружбу не тая
104 [А] И солнце басом
106 I Теперь [таких|| нас двое

II теперь всего нас двое
110 I [что] у мира в мут⟨ном⟩ хламе
II у мира в сером хламе
114—118 I Сметя долгов и чувств тюрьму
Среди Вселенной бала
Взметаем солнца кутерьму
Смеясь во что попало
II Громите тень и ночь тюрьму
Земля довольна *⟨строка не окончена⟩*
III [Стена теней]
Стена теней ночей тюрьма
Под солнц двустволкой пала
Лучей и света кутерьма
Палим во что попало!
119—125 I Иду горю что силы есть
Чтоб не отстать от друга
Какое счастье в душу влезть
Просолнить сердце лугом
II *окончательная редакция строк 119—125. Строки 123—124*:
I Как я во всю светаю мочь
II Вдруг я во всю светаю мочь
126—132 *отсутствуют. К ним заготовка*:
светить и никаких гвоздей
везде

Беловой автограф. Осень 1920 г.:

Заглавие — Необычайное приключение, случившееся с Владимиром Маяковским на даче Пушкино. (Акулова гора. Дача Румянцева.)

16 А утром
29 довольно шляться пеклом
34 ходи рисуй плакаты
47 расставив луч-шаги
52 Уже пролезло
55 в щель валясь
62 Ты ждал меня?
65 Слеза в глазах у самого
67 а я ему
71 Черт дернул дерзости моей
75 боясь — не вышло б хуже
93 А все ж идешь

106 ведь нас, товарищ, двое!
117 Лучей и света кутерьма

Фонографическая запись авторского чтения. 1920 г. (декабрь):

Заглавие — Необычайное приключение, бывшее с Маяковским на даче Пушкино по Ярославской железной дороге, Акулова гора, дача Румянцева.

16 А утром
18 все залить
26 что в гневе все поблекло
29 я крикнул солнцу в пекло
34 ходи, рисуй плакаты
47 расставив луч-шаги
52 уже пролезло садом
93 А все ж идешь
102 дружбу не тая
104 И солнце тоже
106 ведь нас, товарищ, двое
117 Лучей и света кутерьма

Машинопись — копия с неизвестного оригинала:

Заглавие — Необычайное, невероятное происшествие, бывшее с Владимиром Владимировичем Маяковским летом 1920 г. в Пушкине, 28 верст от Москвы по Ярославской железной дороге, дача Румянцева, Акулова гора.

106 Теперь нас, братец,
двое.

Разночтения других строк совпадают с разночтениями текста журн. «Красная Нива» (см. ниже).

Журн. «Красная нива». М. 1923, № 1, 7 января:

Заглавие — Солнце

Подзаголовок — (Из «Лирня»)

16 А утром
18 все залить
26 Что в гневе все поблекло
47 расставив луч-шаги
52 Уже пролезло садом
53 В окошко
93 А все ж идешь
102 дружбу не тая
104 И солнце тоже
106 Ведь нас, товарищ, двое
117 Лучей и света кутерьма

«Маяковский для голоса»:

Заглавие в оглавлении «Солнце».

Заглавие и подзаголовок в тексте:

Необычайнейшее приключение, бывшее со мной, с Владимиром Маяковским, на даче Румянцева, Пушкино, Акулова гора, Ярославской ж. д.

В строках 16, 26, 47, 52, 102, 104, 106, 117 повторяются разночтения текста журн. «Красная нива».

35 Я рявкнул солнцу

«Солнце». Поэма. М. 1923:

Заглавие в тексте:

Необычайнейшее... приключение, бывшее со мной, с Владимиром Владимировичем Маяковским, на даче — станция Пушкино, Акулова гора, дом Румянцевой, 27 верст от Москвы, по Ярославской ж. д.

В строках: *16, 26, 47,52, 102, 106, 117 повторяются разночтения текста журн. «Красная нива».*

35 Реву я солнцу

«Солнце в гостях у Маяковского», Нью-Йорк, 1925:

Заглавие в тексте:

Необычайное приключение, бывшее со мной, с Владимиром Маяковским, на даче в Пушкино 27 верст от Москвы по Ярославской железной дороге Акулова гора дача Румянцева.

В строках 16, 26, 47, 52, 102, 106, 117 повторяются разночтения текста журн. «Красная нива».

«Избранное из избранного»:

Заглавие — Необычайнейшее приключение, бывшее со мной, с Владимиром Маяковским, на даче Румянцева, Акулова гора, Пушкино, Ярославской жел. дор.

В строках: *16, 26, 47, 52, 102, 104, 106, 117 повторяются разночтения текста журн. «Красная нива».*

35 Я рявкнул солнцу

«Школьный Маяковский»:

Заглавие повторяет текст сб. «Избранное из избранного» с перестановкой слов: Пушкино, Акулова гора.

В строках 16, 26, 47, 52, 102, 104, 106, 117 повторяются разночтения текста журн. «Красная нива».

Отношение к барышне (стр. 39)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5:

Заглавие отсутствует.

1—8 I Тоннелем любви мутнели
глаза темнотою шли
Удерж⟨неразб.⟩ еле еле
Не удержишься и еле еле
Наклонился я и лишь
II Этот вечер решал
не любовниками выйти ль нам
Никто не видит нас
И я наклонился действительно
И действительно я наклонясь
9—10 I Я сказал ей как добрый родитель
II Говорю ей как добрый родитель
11 I Души моей крут обрыв
II Любви моей крут обрыв
III Страсти моей крут обрыв

Гейнеобразное (стр. 40)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5: Заглавие отсутствует.

1—13 Молнию метнула глазами
Я видала с вами другая
Вы подлый и низкий самый
пошла и пошла, ругая
Остановитесь милая
Гремения прекратите ваши
Если молнией меня не убило
То гром ⟨м⟩не наверно не страшен

Записана отдельно строка 9:

я малый ученый милая

Не использованные строки-заготовки:

немая
Не надо ни слова, я все понимаю

Горе (стр. 41)

Черновой автограф (неполный) в записной книжке 1920 г., № 5: Заглавие отсутствует.

1—2 *отсутствуют.*
4 Стынут пригорками кровель
5—6 *отсутствуют. К ним заготовка*:
ночи
одиночить

«Портсигар в траву ушел на треть...» (стр. 42)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5:

Заглавие отсутствует.

Перед текстом стихотсорения:

[Поляне
Сел
закурил]

6 I дивились обалделые
II обалдело дивились
8 I дивились блестевшему
II дивились сиявшему
11 I И было все что с морями и с горами
II не стоившие со своими морями и горами

III Интернационал (стр. 43)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5. Строки: 4, 1—17, 12—19, 39—49, 50—52, 53—60.

Заглавие отсутствует.

1—2 Мы идем
рабочих революций лавой
3 Над штыками
4 I стяг сияет ал
II флаг пожаров ал.

Отдельно записан вариант строки 4:

флаг нашей кровью обрызганный ал
8—11 *отсутствуют*
12—14 I Волге наших армий не видать истоков
II Волге наших армий нет истоков
I От истока армий не увидишь устья
II От истока не увидишь устья
16—17 Животом востока
19 Через полюс пустим
20—23 *отсутствуют*
После 19 Подымайся капиталом покоренный.
Раб Европы долго ль будешь нем
Щелкайте орехами короны
I Революциями плавьте цепь в огне
II Революциями цепи плавь в огне
24—32 Мы идем. Смиряется океан послушен
Земли двух Америк
в пламени восстаний

Из Москвы в Нью-Йорк
пройдемте как по суше
красный флаг
на крыши стоэтажных зданий
33—38 *отсутствуют.*
39—40 [Встаньте черные рабы колоний!]
44—46 кому владеть у мира в лоне
цвесть коммуне или звереть Антанте
47—49 Силы мерьте
мы и они
53—60 Мы придем к дверям земного рая
созданного по указу пролетар⟨иата⟩
Будет флаг ⟨неразб.⟩ мире
Серп огнем играет
I перекрещен с молотом радугой дуги
II с молотом скрещен радугой дуги
61—64 *отсутствуют.*

Вечерняя стенная газета «Роста», М, 1920, № 288, 26 июля:
Подзаголовок — Марш-гимн
1— 2 Мы идем рабочих революций лавой
14 Волгам наших армий нету устья
22 Ширится третий
36—37 встанет третий
47—49 Силы мерьте!
Мы и она!
53—60 Мы идем миры разделать раем
В этот рай земной свободы и труда
Дверь Россия приоткрыла краем.
Пролетарии всех стран — туда!
63—64 Да здравствует Третий
Интернационал!

«13 лет работы», т. I:
32 на крышах ньюйоркских зданий

«Маяковский для голоса»:
14 Волнам красных армий нету устья
30 океанами пройдем, что сушей
32 на крышах нью-йоркских зданий
33—38 В новом свете
и старом ал
встанет третий
Интернационал.

53—64 Мы идем
миры разделать раем.
Свалят нас —
за нами
миллион других.
Будет герб вселенной —
серп,
огнем играя,
перекрещен с молотом радугой дуги.
Выше лейте
песни вал,
Да здравствует,
третий
Интернационал.

Стихи о революции, 1-е изд.:

32 на крышах ньюйоркских зданий

Всем Титам и Власам РСФСР (стр. 46)

Черновой автограф:

2 I поется песня басом
II Пусть льется песня басом
34 Мы Тит здесь мрем не жравши
35 I Вернем гвоздем мы ⟨*неоконченная строка*⟩
II А долг вернем гвоздями мы
40 I Я без гвоздей доеду
II И без гвоздей доеду!
45 Пустяк ее б приколотить
47 И встал в лесу в ночевку Тит
59 Коль хлеб не получу у вас
69 I Сей песни ясен ⟨*неоконченная строка*⟩
II Ясней сей песни нет, ей-ей,

Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника (стр. 49)

Беловой автограф первой редакции (изд. 1921 г.):

Заглавие: Рассказ о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника.

63 Да как в стаде
70 в одном полку
84—85 против барско-буржуйного ига.
86—87 У рябого же слово одно
97—99 Подымет за пулей пуля вой,

102—103 Дома печь и щи
111 чуть не тысячу верст
115—127 *отсутствуют.*
131—139 пообедал
залег за печкой
задремал,
заснул,
захрапел, как Ной —
никакой не достанешь Ве-Че-Кой.
148—149 золотозадый рой
152—164 *отсутствуют.*
166 с радости
168—169 Где и сколько не занято мест ими
175—187 *отсутствуют.*
197—198 уважать заставляет угодника
202 смотрят
212—216 снится дурню сон,
что в раю живет,
что галушки лопает тыщами.
227—228 мать твою растак и разэтак.
239 по глупой роже.
240—241 Отдавай и себя
263—269 Вы видали, показаны дурни как?
Чтобы это же не стряслось и у вас,
да не будет меж вами шкурника!

На обороте последней страницы автографа дополнительные строки ко второй редакции (изд. 1923 г.): 1—10, 47—57, 282—292.

56—57 и запомни этот случай
282—284 чтоб помещики вновь не скрутили вас

Первое издание 1921 г. повторяет за исключением строки 111 все разночтения белового автографа.

«Красный журнал для всех», П. 1923, № 7—8 (июнь-июль). Строки 1—47 и 270—292, напечатанные в виде отдельного стихотворения под названием «Наказ»:

11— 15 Чтоб не смел
никогда
никакой Керзон
брать на пушку,
горланя ноты —
282—286 чтоб буржуи
вновь

не взнуздали нас,
крестьянин,
рабочий,
всякий

Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума (стр. 63)

Черновой автограф 1920 г.:

Строки: 118—124, 111—117, 130—135, 74—78, 83—96, 125—129, 39—50, 57—73, 35—38, 101—110.

36	I	говорит он бабе
	II	на,— сказал он бабе
38		К Врангелю пошла бы
39—41		В Тверь махнула шага в три кумушка на это
43—44		[власть] во Твери советы
45		мчалась баба суток пять
46	I	треплет юбки в ветре
	II	рвала юбки в ветре
47—48		чтоб баронов увидать
57—58		В ресторане семгу жрет
60		Раззевает баба рот
63		в желанье то
64—65		[мчит] зрит и на подносе
66—67		ей приятный метрдотель
69		блюд десятки в грош цене
70	I	помрачился разум
	II	съехал сдуру разум
71—72		Просит баба дайте мне
74		Аж клубят лакеи пыль
83		Вся столпилась публика
84	I	загремели счеты
	II	стали щелкать счеты
85	I	Счет в две тыщи рубликов
	II	сто четыре рублика
86		писано на счете
92—94		Завопил хозяин —нет. это баба что же?
101		заорал хозяин ярый
105		есть захочет тоже
107		заорали в злости
108		стал [и] хозяин бабу бить

114 баба взвыла
120 так полезла
125 много всяких благ в Крыму
129 [вспять] в часть препровожу я
133 I перед самой дверью
II да пред самой дверью
135 в Эрэсэфэсерию

Во всех изданиях за исключением «Стихи о революции», 2-е изд., Сочинения, т. IV,— строка 135: в Эрэсэфэсерию.

Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь (стр. 68)

Газ. «Горняк», М. 1921, № 3, 10 апреля:

7 Крался тихим вором
14 Ваша жизнь — не жизнь, а гроб...
17—18 Шептуна
в охапку сгреб,
45 Чем и хлеб и соль привезть
67 взвил крепильщик клетки

О дряни (стр. 73)

Журн. «Бов», М. 1921, № 1 (апрель):

Заглавие отсутствует.

1 Слава героям
9 Подернулась тиной домашняя мешанина.
15 Я не против мещанского сословия
20 С самого дня Коммуны рождения
22—25 Наскоро физиономии переменив,
Засели во все советские учреждения,
И натерев от трехлетних заседаний зады
Крепкие, как мраморные умывальники,
28 Свив уютные кабинетики и спаленки
После 28 Что, мол, Коммуна?!
Когда еще, мол...
А пока
Один за другим завел
Академический,
Пролеткультский,
2 красноармейских
и 4 тыловых пайка.
39—41 Эх, и заведу себе я тихоокеанские галифища,
46 И мне б с эмблемами платье
51 на вечере в Реввоенсовете?

55—56 А из-под потолка верещала
58 Маркс со стенки смотрел и смотрел,
61—62 И как
Заорет:
Опутали революцию мещанства нити

«Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «13 лет работы», т. I, «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд., «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», «Школьный Маяковский»:

46 И мне б с эмблемами платья
55 А из-под потолка

«Избранный Маяковский»:

55 А из-под потолка

Неразбериха (стр. 76)

Газ. «Агитроста», М. 1921, № 19, 16 августа:

Заглавие — Наш быт (№ 1)

12 что воду набрала в рот
14 Против Никольской — Наркомвнудел
19 чекист из подъезда на площадь вышел.
34 Мальчишки
43—44 Дивится Пантелеймон: вспомнил о боге
52 И снова торговля

«Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «13 лет работы», т. I, «Маяковский улыбается, Маяковский смеется. Маяковский издевается»:

12 что воду набрала в рот

«Избранный Маяковский»:

12 что воду набрала в рот
28—29 совсем не тот
и не из того отдела

Два не совсем обычных случая (стр. 78)

Газ. «На помощь» (изд. «Известия ВЦИК» в пользу голодающих Поволжья), М. 1921, 29 августа:

20—23 хвостом виляя
на перекрестках,
собаки дрессированные
просили милостыню, служа и лая
133 когда б не нашлось в селедке ни косточки

«13 лет работы», т. I:

133 Когда б не нашлось в селедке ни косточки
161 из ней вертеться и нам и свободе

Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе (стр. 83)

«13 лет работы», т. 1, «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»:

21 Так привыкли к этим числам

Приказ № 2 армии искусств (стр. 86)

Журн. «Вещь». Берлин, 1922, № 1—2 (март—апрель):

Заглавие отсутствует.

6 ариями Ромео и Джульетт

29 пляшущие
и в дуду дующие

74—77 Сегодня
дайте новое искусство —
искусство выволочь республику из грязи

«Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «13 лет работы», т 1; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», «Избранный Маяковский»:

Заглавие — «Приказ № 2 армиям искусств»

«Маяковский для голоса»:

Приказ № 2 по армиям искусств

Герои и жертвы революции (стр. 89)

Издание 1918 г.:

Автомобилист:
и кучи его рассыпятся, воя,

Банкир:
встал селедками торгуя,

Советская азбука (стр. 92)

Издание 1919 г.:

Д.

Деникин с шайкой лезет к Туле,
Дойдешь до Тулы, черта в стуле!

Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена (стр. 104)

Автограф первоначального варианта текста для плаката в записной книжке 1921 г., № 8. Стихи-разъяснения к параграфам «Декрета» записаны в последовательности: 1, 2, 3, 4, 8, 7, 5, 9.

Чтобы декрету о продналоге
больше было веры
заранее устанавливаются этого
декрета размеры

1. В 1920 сдавалось 423 м. пудов зер. хлеба
а в этом году 240 м. сдается
Значит 187 м. пудов хлеба лишков у крестьянина
остается
Даже при беглом взгляде ясно для глаза
что крестьянское положение улучшится в 2 раза
А если на улучшение хозяйства наляжем
в 3, в 4 раза улучшится даже.
2. Тут в положение [каждого] войдут в ваше
вычислят количество пашен
каков грунт да урожай каков
да какое количество в хозяйстве едоков
Если скажем у тебя пустырь и кусты
с такой земли ничего не вносишь ты
Будешь платить в зависимости от урожая
Больше уродится уплатишь больше
Меньше если меньше земля рожает
Прим. 1. Расчет идет не с посевной площади
А то посевную площадь высчитают, а к пашне
она не годна
При расчете принимается в соображение только
пашня одна.
Прим. 2. 1. Коллективы государств⟨енные⟩ советские хозяйства
и пр⟨очие⟩ коммунальные имения
платят столько же сколько другие хозяйства не менее
II. Советские хозяйства и имения сдают весь свой лишек
Чтоб они не ленились и работали лише
норма обязательная для данной местности
обязательна и для [данного] советского имения.
[Столько не смеют] Столько же сдают, никак не менее.
3. Способ употребления таблицы таков
скажем, у тебя 15 десятин на 5 едоков.
Значит на каждого десятины 3
значит ты на 5 пункт смотри
Затем по верхним надписям
прикинь размер урожая
Скажем 30 пудов десятина рожает
Налог твой
ты и найдешь в колонке второй
Проведи пальцем вниз
[До] В пятом пункте стоит четыре пуда.

И никто в мире
не может взять с тебя больше, чем четыре.
А сколько всего с хозяйства должны взять?
Помножь 4 на пять
Если 4 будет с десятины даваться
значит с пяти десятины платишь двадцать
4. Если у тебя не рожь, а другое продовольствие
оно к пуду ржи вот так приравнено [1]:
А если скажем такое положение —
все только рожью несут обложение
Делай, что хошь,
не сажает картошку, сеет рожь
Чтоб [его] поощрить картошку рыть
[иначе] выгоднее приравнивать буду —
скажем 3 пуда картошк<и>
к 1 пуду
5. Когда виды на урожай выяснятся
и можно будет говорить не зря
Совет Народных Комиссаров
устанавливает каждому уезду разряд
Почему? Потому что сверху виднее ему
Скажем 240 000 000 п. хлеба
налога на крестьян наложено
А урожай такой что и половину собирая
такое количество собрать можно
Тогда чтоб легче было жить
можно и часть налога сложить
7. Какой налог лежит на ком
размер налога устанавливает Сельский совет,
а за правильностью смотрит Волисполком
Если они орудуют не по декрету
то их [же за это] к ответственности привлекают
за неправильность эту
8. С хозяйства, в котором под пашней не больше
десятины имеется
с такого хозяйства ничего не берется разумеется
Освобождение других плательщиков
нигде не может быть решено
кроме

[1] Следовала, очевидно, таблица, приведенная в декрете.

как в Совнарком⟨е⟩
Если у кого хлеба много
а налог платить не хочет
разумеется в Совнарком таким не надо лезть
В Совнарком обращайтесь только тогда
когда нужда настоящая есть
Скажем такая-то деревня внести б налог и рада
да хлеб весь перебило градом
Вот такая с бумагой итти может
с такой Совнарком налог сложит
9. Чтоб зря не уходило время необходимое
на [сельский] крестьянский труд
налог сдают после того как хозяйство уберут

150 000 000. Поэма (стр. 113)

Черновые автографы (отрывки, отдельные строки, заготовки) в записных книжках, 1919 и 1920 г.

Записная книжка 1919 г., № 2:

3 Рифмы—
I в зд⟨ания?⟩
II огнепенные здания

Записная книжка 1920 г., № 3: строки 1—19, 490—496, 500—503, 538—544, 422—428, 504—507, 1113—1118, 512—517, 61—67.

2— 4 Пуля размер
Рифмы горящие здания
Сто пятьдесят миллионов говорит губами моими
18—19 Идея одна у нее
смотреть в настающее завтра
422—424 I И вот мы все единый Иван
II И вот я весь единый Иван
490—492 I С части света мир ⟨*неоконч. строка*⟩
II Мир из света частей собирая квинтет
493 влил в Америку мощью магической
500—501 Из каждой пятьсот переулков
504—507 В Чикаго от света без лампы
газету читают в ночи
512 Из Чикаго
540 не берет пароход
542—543 I Про нее расскажу, я там жил поживал
II Я один в нем был в барах ел и пил
544 в барах брюхом накачивал джин

Заготовки:

рек
ры ⟨бы? *неразб.*⟩
селен ⟨ия? *неразб.*⟩

Запись к общей теме поэмы:

В [России] мире может быть только два лагеря — буржуазии и коммунистов

К строкам 61—67 в тифу
пти фур

К строкам 1112—1117 на земь и
вновь натирают мазями

Записная книжка 1920 г., № 5: строки 1341—1344, 1328—1334, 1321—1337, 1335—1340, 1315—1320:

1315 тараны затарахтели в запертое грядущее
тараны затарахтели в запертое будущее
1317 и замели
1318 И руки разрослись
1321—1327 Захлеснутые революций горящим веником
лавочники не доведя обычный торг
из банков магазинов и конторок
разбегались захлеснутым муравейником
1332—1334 I Столбы телеграфные то здесь то там
протаскивал⟨а⟩ колокольни
вздернув на провода
II Видите колокольню мешает там
столбы телеграфные вздергивайте на провода
1335—1336 Вперед бросайте насиженный фундамент
за небоскребом иди небоскреб
1337 как лев в зверинце
1342 Вильсон покажи-ка лбище твой

Машинопись 1920 г. (апрель):
Заглавие написано карандашом на полях.

1 I 150 000 000 мастера этой былины имя
II 150 000 000 мастера этой поэмы имя
4 150 000 000 говорит губами моими
16 I былины
II поэмы
18 I идея одна у нее
II и идея одна у нее
56 I Пропала Рассеюшка

II Пропала Рассеичка
96—97 Вот так перевели бы этот рык,
если б нашли переводчика зверячьего
117 I Сюда дороги
II Дорогу дорогам
132 I К каменоугольным идите бассейнам
II К каменоугольным идемте бассейнам
135 I Для нас запасенным
II Для нас засеенным
192 I Гудело в дыре
II И гудело над местом
194 I Довольно
не важно
II Это же ж не важно
200 I сквозь радужные закатов скважины
II за радужные закатов скважины
203 I го, го
II го, го
го гов
210—236 I [оттого
сегодня
неба
няней стихнутые дети
для того
горизонтовых
разодран глаз овал
чтобы видеть это
чтобы слушать эти—
слова
Эти слова
Российская воля
брошенная за последний предел
эти слова
молитва людей
зверей рык
рев сирен раздирающий уши.
Эта картина
руки
лапы
клешни
рычаги

туда
где воздух поредел
вонзенные в клятвенном единодушии.
Будьте любезны встать
снимите головные уборы
каждый
пусть головой поникнет
эти слова
земли молитву
для которой покамест книг нет
слушайте
напряженнейшее внимание
Тс... с... с...]

II — *окончательная редакция строк 210—236, вписанная на полях. Строка 215*: [каждое] шум малейший ловя

262—264 I вовсе ничего не чувствующих
язычников
православных
атеистов
II безбожников
язычников
и атеистов

287—294 I [Новое имя
Вырвись
лети
в пространство мирового жилья
Тысячелетнее
низкое небо
сгинь синезадо
Это Я
я, я
я
я
я
земли вдохновенный ассенизатор]

II — *окончательная редакция строк 287—294, вписанная на полях.*

295 I Ваше во имя
II Твое во имя

364 поэтом поганенные розы и грезы

372 I в лепестках фонарных розы площадей

II розы столиц в лепестках площадей
409 I В тысячу глоток оремте гимн
II Залпом глоток гремим гимн
410 I миллион прибавим
II миллион плюс
416 I слов многоногие гимнасты
II слов звонконогие гимнасты
422—424 I Россия
единый Иван
II Россия
вся
единый Иван
456 царя лишить царева звания
474 I Гром разодрал побережья уши
II Гром разодрал побережий уши
486 I расширим былины кольцо
II повернем вдохновенья колесо
488—489 I Этой части главное действующее лицо
Америка
II Этой части главное действующее лицо —
Вильсон
Место действия — Америка
506—507 I Без ламп
газеты читают в ночи
II Солнце
не ярче грошевой свечи
519—526 I [Никто не глазеет
Идут
Соблюдают чин
На лицах граждан
довольство расплылось
благо
чикагские граждане знают
для них земля начудена]

II — *окончательная редакция строк 519—526, вписанная на полях. Строка 521*:

I их служба
II а служба
533 I с тысячесильной машиной
II с тысячесильной машиною
541 I не для нас домов этажи

II не для нас дворцов этажи

551—565 I [На крыши
сквозь жуть стоэтажий
винтами блеснем в корабле воздушном
до недр земли
и ниже даже
вонзимся в вагоне
туннелем задушенным]

II—*окончательная редакция строк 551—565, вписанная на полях.*

601 I А может на тысячи
II А может на тыщи

619 I трактиров по лестнице той
II трактиры по лестнице той!

624 I Комнат триста сначала гости идут
II Триста комнат сначала гости идут

642 I Дух займет у самого Хлестакова
II Дух займет у щенка Хлестакова

673—674 То ли заряжен чем
то ли с присвистом зуб

684 идите

692—693 I А работает так
не покладает рук
II А работает как!
Не покладает рук.

695—696 I Вертит пальцем одним
другого вокруг
II Вертит пальцем большим
большого вокруг

733 и самой отборнейшей знати

739—744 — *вписаны на полях, в машинописном тексте отсутствовали. Строка 741:*
I имея высший американский чин
II имея наивысший американский чин

756 I великолепное
II великолепнейшее

763—774 I [Вывьючиться корзинами
дело осла.
Музыканты
художники
поэты
идут на рынок

и несут ему.
мяса
масла
какой-нибудь
Лонгфелло
сто волочит со сливками крынок]

II — *окончательная редакция строк 763—774, вписанная на полях. Отсутствует строка 773*: Лонгфелло.

775—776 I Принесут поест
и наращивает жир
II Жрет Вильсон
наращивает жир

779—789 — *вписаны на полях, в машинописном тексте отсутствовали. Строки 787—788*:

I это
все
II все
это

806—810 I В каких то
самых немыслимых градусах
Чикаго мучился
Делал
в бреду
бестолковые вещи
Взял хлопнул дверьми
выгнал всех на пляжи

II—*окончательная редакция строк 806—810, вписанная на полях. Строка 810 исправлена в машинописном тексте*:

Все на пляже.

818—826 *вписаны на полях, в машинописном тексте отсутствовали.*

827 Дамы вели оживленные беседы

840 I назад час тому
II час тому назад

847—850 I [Море тоже
как-то
вдруг
волна
стала не так набегать
Какие-то
новые

послышались всплески
Люди беспокойно переглядываются
думают
чего это ради ее.
Разошлись рано.
Спали плохо.]

II — *окончательная редакция строк 847—850, вписанная на полях.*
Строка 848:

I ширились всплески
II ширятся всплески
852 в молниевом блеске
871 I Даже еще страшнее
II Даже еще страшней
914—927 I В отеле
и на секунду
не тушили свет
всю ночь заседала пятерка
совет
наконец
сломив
четырех упорство
Вильсон решил
иду в единоборство

II — *окончательная редакция строк 914—927, вписанная на полях.*

955 I Молнию рвущих все депеш
II Молнию рвущихся депеш
1012 I контрреволюционнейший
II коронованный поэтами
1062 I над миром справляя огней юбилей
II над миром справляя огней юбилеи
1081 всемирною злобою взрывчат
1099 чтобы силу наверчивать к бою
1118 I Сверльнуло глаза маяков одноглазье
II Сверльнуло глаза маяка одноглазье
1126 I На виадук взлезал виадук
II На виадук взлетал виадук
1128 что в чорта уверив
1152 в тесных улицах мощить
1163 I сузили узел
II сузили в узел
1174 I а к блузам

II к блузам
1176 I вздымают ржание
II вздымают ржанье
1195 никто не избегнет возмездия
1200 генералы созвездия
После 1208 [Замерло ухо
Слышите
На том конце
города
муха
летит муха]
1259 о русском Иване
1265 I кровь должна
II кровь должна б
1269 человек пролез!
1284 I Газетчики историки
II Товарищи газетчики
1287 I и была ли когда
II и была ль когда
1288—1289 Это в пятиминутиях средоточены
После 1290 [Поэты велеречивы
буфонадят буфонады
Про знамена пишут
про сталь
а этого
вовсе ничего не надо
Революция
революция проста
это не героям стих умиленный
в бою
бьются миллионы
идут миллионы
миллионы поют
Поем
[такой] простотою возвеличась
и фельдмаршалейший из фельдмаршалов Фош
и самое величественное из величеств
из поля зрения уползет как вошь
это ерунда
когда в пушки тараторя
лезет на царя остервенелый царь,

этой войны бескрайняя территория
все земли
все умы
все сердца
Люди надевали разноформенные брюки
драться шли
назывались враги
а у каждого
одинаковые руки и ноги
и тоска одинакова пудовостью гирь
Но разве слезой опоганит глаз
злобу бросающую класс на класс?
Быть буржуем
это не то что капитал
иметь
золотые транжиря
это
у молодых
на горле
мертвецов пята
это рот зажатый комьями жира
быть пролетарием
это не значит быть
чумазым
тем кто заводы вертит
быть пролетарием
грядущее любить
грязь подвалов взорвавшее
верьте!]
1291—1295 *отсутствуют.*
1296—1297 I Идите же историки и витии
битв не бывших воспевать перипетии
II Внимайте же историки и витии
битв не бывших видевшему перипетии
1301 I миллионы
II миллионный
1307 I аминь
II они
1309—1310 I Запела земли половина красною песнью
Земли половина белою песнью запела
II Запела земли половина красную песню

Земли половина белую песню запела
1315—1353 пошел на человека человек
камень пошел на камень
тучи схватились над головой
сшиблась земля под ногами
1354—1366 I Во дворце Вильсона упражнялись в танце
и вдруг
кек-уоком
дрыгающая нога
замерла
в окна
в щели
повстанцы
взбунтовавшихся людей и вещей авангард

II — *окончательная редакция строк 1354—1366, вписанная на полях. Строка 1364*:

вваливаются в минуту в эту.

1367—1376 Кобрами обернулись колье
груди красавиц жаля
Гоняясь за дочерьми миллиардеров
грузовозы залами разъезжали
1377 I Не убежали
II Не убежать
После 1381 [Костьми хрустела
Забившаяся в щели
сжимаемая щелями Вильсонова челядь]
1400—1401 I красный гигант
мировой Совнархоз
II встав на задние лапы
Совнархоз
1407—1408 Не каких-то там банкиров роты
1411—1431 Костлявыми ручищами ищет
верный Вильсонов слуга голодище
Страх и ужас прошел по красным
[кончаемся]
«крышка!
смерть как раз нам!».

Строки 1432—1439 следуют после строк 1440—1443

1432—1439 Назад костлявый!
Сколько ни потей

Горло твое
затянут
петли железнодорожных путей!

1440—1443 Захватило дух стран
голода рукой сперт
И тогда

1465 I заползают за шею
II заползают за шей

1466—1473 *отсутствуют.*

1474—1476 Но
предводимые некою
радугоглазою аптекою

1477—1480 I красные
во след за заразой гонялись
санитария била
добивал анализ

II — *первая строка второго варианта исправлена в машинописном тексте, другие три вписаны на полях с поправками:*

красные армейцы
за вшами погнались
I в руках санитария
в глазах анализ
II руки санитария
глаза анализ

1481—1485 Увиливали!
Собирались скопом!
Их вновь обезоруживали микроскопом.

1489 I и поверху
II А поверху

1495 I в ядовитых газах идей
II ядовитое войско идей

1508—1539 *отсутствуют.*

1540—1541 Поэты взлетали и взлетали на небо

1542 I Чтоб сверху стрелять как с аэроплана б
II Чтоб сверху стрелять как с аэроплана бы

1543—1564 Собрав попов непомерное количество
божьих матерей повытаскав из карет
старалось сразить
[христианство
католичество]
христианство и католичество

о переделке храмов на цирки декрет.
Но недвижимый
[будто в землю врос]
в Остоженку врос
стоймя стал
и стоит Наркомпрос.
Справедливость за справедливостью
за ятью ять
к стенке!
вывести!
расстрелять!
[За красноармейцами гонятся]
За футуристами гонятся
памятников бронзовая конница!

Слово: «памятников» приписано на полях.

Туда!
Бросилась
девятисотая
армия художественного труда.
И увидели в затишье
в секунду антракта
по обломкам памятников
громыхающий трактор.

1569—1572 I пока
на штыке шпиля
повисла Лувра картинная труха

II пока
на штыке-шпиле
не повисла Лувра картинная труха

После 1572 [Напрасно
шлет
Вильсон в грозе
мирных иллюзий последний резерв
неиссякаема сила Иванова
сто сразят
тысячи наново
Растут в рядах Вильсона прорехи
под огненными ударами вулканьих рогов
целые мадагаскары щелкают как орехи
в зубах взбунтовавшихся берегов]

После 1577 [Сдаются сатрапии одна за другой
Последних додушиваем голой рукой]
После 1579 [и вот]
1592 I Только что
II И только что
1616—1617 I и извилинами пеших колонн
за кадром выстраивают люди кадр
II извилинами пеших колонн
за кадром выстраивают человеческий кадр

Журн. «Художественное слово», кн. 1, М. 1920 (октябрь). Строки: 1—7 и 485—798.

553 с тысячесильной машиною
555 Сожмутся мосты до воробьиных ребер
601 а может и тыщи
602 чтобы не изголодались задаром
621 А доедем
733 и самой отборнейшей знати
773 *отсутствует.*
794 ярко рисуете

Авторизованные корректурные гранки отдельного издания поэмы, 1920 г. (ноябрь):

4 150 000 000 говорит губами моими
36 выйдете
96—97 Вот так перевели бы этот рык
если б нашли переводчика зверячьего
118 Дорога за дорогою выстроились в ряд
194 Это же не важно
215 шум малейший ловя
543 в барах ел я и пил
621 А доедем
760 сошлися
773 *отсутствует.*
827 Дамы вели оживленные беседы
852 в молниевом блеске
1152 в тесных улицах мощить
1259 о русском Иване
1269 человек пролез
1291—1295 *отсутствуют.*
1315—1353 пошел на человека человек
камень пошел на камень

тучи схватились над головой
сшиблась земля под ногами
1364 вваливаются в минуту в эту
1366 пожалуйте к ответу
1367—1376 Кобрами обернулись колье
груди красавиц жаля
Гоняясь за дочерьми миллиардеров
грузовозы залами разъезжали
1407—1408 Не каких-то банкиров роты
1411—1431 Костлявыми ручищами ищет —
верный Вильсонов слуга голодище.
Страх и ужас прошел по красным:
крышка
смерть как раз нам...

Строки 1432—1439 следуют после строк 1440—1445

1432—1439 Назад костлявый,
сколько ни потей —
горло твое
затянут
петли железнодорожных путей
1440—1445 Захватило дух стран
голода рукою сперт
и тогда
1465 заползают за шеи
1466—1473 *отсутствуют.*
1474 Но
1477—1480 красноармейцы
за вшами гнались
руки санитария
глаза анализ
1481—1485 Увиливали
собирались скопом,
их вновь обезоруживали микроскопом
1508—1539 *отсутствуют.*
1540—1541 Поэты взлетали и взлетали на небо
1543—1564 Собрав попов непомерное количество
божьих матерей повытаскав из карет
старалось сразить
христианство и католичество
о переделке храмов на цирки декрет.
Но недвижимый

в Остоженку врос
стоймя стал
и стоит Наркомпрос.
Справедливость за справедливостью
за ятью ять
к стенке
вывести
расстрелять
За футуристами гонится
памятников бронзовая конница.
Туда
бросилась
девятисотая
армия художественного труда.
И увидели в затишье
в секунду антракта
по обломкам памятников
громыхающий трактор
1572 не повисла Лувра картинная труха

Издание 1921 г., «13 лет работы», т. II, «Избранный Маяковский», «225 страниц, «Школьный Маяковский»:

663 возвышается башнею Сухаревой
852 в молниевом блеске
1152 в тесных улицах мощить
1200 генералы созвездия
1514 молодых встретила орава

«13 лет работы», т. II и «Избранный Маяковский»:

1118 свернуло глаза маяка одноглазье
1252 посреди ветров обмываний

Список 1924 г., сделанный с печатного текста для предполагавшегося издания поэмы.

В строках: 563, 852, 1152, 1200, 1514 список повторяет разночтения всех предыдущих изданий.

597 из сгущенного солнца кована
1252 посреди ветров обмываний
1291 *отсутствует.*
1619 в красном сиянии

Мистерия-буфф (стр. 167)

Издание 1918 г.:

4 Исторгнутые земного чрева

77 Не помню, другое чтой-то ев ли,

В ремарке между 121 *и* 122 ...взмокших австралийцев

» » 137 *и* 138 ...бросаются друг другу

» » 150 *и* 151 ... собравшемуся эскимосу

172 Извивалась в ней Нил удав-река.

185 Я тебе дам собачка!

В ремарке между 220 *и* 221 . . . продвигающимся костру

Ремарка после 525 *и «явление четвертое»:* Возвращаются, за ними

593 Эй, ты, интеллигенция!

В ремарке между 644 *и* 645 ...вписывают во входящие

652 Присмотритесь акуле—

653 не несет яиц, не приспособлена
молоку ли.

681 Надо же ж кому-нибудь и семечки —
не всем же арбуз.

740 Закалять!

В ремарке между 774 *и* 775 В с е (пауза).

792 Да вон виднеется

В ремарке между 956 *и* 957 ... качает на мачту

» » 1164 *и* 1165 ... идет распоряжается столом

1352 Булкой?

1547 приникнем земле

2-е издание 1919 г., «Все сочиненное» повторяют разночтения издания 1918 г. за исключением строк 185, 653, 740.

«13 лет работы», т. II:

4 Исторгнутые земного чрева

77 Не помню другое чтой-то ев ли

В ремарке между 121 *и* 122 ... взмокших австралийцев

» » 137 *и* 138 ... бросаются друг другу

» » 150 *и* 151 ... собравшемуся эскимосу

172 Извивалась в ней Нил удав-река

В ремарке между 220 и 221 ... продвигающимся костру нечистым

Ремарка после 525 и «явление четвертое»:

Возвращаются, за ними

652 Присмотритесь акуле

681 Надо же ж кому-нибудь и семячки —
не всем арбуз.

Ремарка между 774 *и* 775 В с е (пауза)

В ремарке между 956 *и* 957 . . . .качает на мачту

1547 Приникнем земле

«255 страниц» повторяет все разночтения текста «13 лет работы», т. 11 за исключением ремарки между строками 220—221.

Мистерия-буфф. Второй вариант (стр. 243)

Черновые отрывки в записной книжке 1921 г., № 8:

Строки 586—589, 590—595.

586—589 [Полакаю молока
Давно не лакал
Много его теперь на рынке
Подставляй пустой карман вместо крынки
ничего]

590—595 Это ты без молока насидишься дура
а у них премия, у них натура
Они то обменяют
а мне хоть шляпки менять на яйца.

Машинопись. Начало 1921 г.:

В списке действующих лиц: 8) Герр немец.

1—96 (*Пролог*) *отсутствуют.*

В ремарке между 176—177 ... взмокших австралийцев

» » 212—213 ... лезет кулаком на француза

» » 213—214 ... лезет кулаком на англичанина

229 Сижу я спокойненько на стуле

257 Извивалась в ней Нил, удав-река

297 Россия стала мне узкой.

В ремарке между 342—343 Придвигающимся костру нечистым

399 Ваше слово, интеллигент!

В ремарке между 483 *и* 484 ... врывается американец.

» » 491—492 Чистые засуетились, заискивающе трутся к нечистым

493 Построим?

571 и с голоду чуть не дохнешь едва

587—598 остался Смоленский рынок.

Соглашатель

Какой рынок,
одна слава,—
ежедневно облава.

639—640 Все (удивленно)
Зачем царя?

С о г л а ш а т е л ь
Лучше городового

650 Выберем скорей!

В ремарке между 673 *и* 674 ... меняются постами

699 рыбу, хлеб, овощь, свинят

Ремарка между 710 и 711 Общее

В ремарке между 727 *и* 728 Гонит нечистых в трюм и пока возится с ними

728 Идем, Ллойд-Джордж.

913 Республика-то

942 Я тебе соглашусь!

1011 *отсутствует.*

1044 *отсутствует.*

В ремарке между 1077—1078 ... лезет с трубкой

1080—1081 вырывает трубку

1130 как трудно жить впроголодь

1486 Я вас на землю на минуту сзову.

1505 Буржуи на шоколад перегоняют ее.

В ремарке между 1595—1596 ... на грудь к опешившему Вельзевулу.

1808—1809 Кабы не был всеблагий я,
показал бы тебе соглашательства
такие!

1814—1815 Ну и кулак!
Не ручаюсь за убеждение.

1854 Тут

Между 1863 *и* 1864 *стсутствует*: Ш в е я

1900—1903 Что толку в профдискуссии, милый
Пров?
Бухарин-то с буферами,
а паровоз-то и без колес, а не то
что без буферов.

1905 не видим броду.

1920 бросьте зря работать!

1923 мне все равно из заграничного рая.

1995 Ко мне, мешочников верное войско!

1999 Кто спорит со мною,

2046 Нет в боках дыры.

2188--2193 *стсутствуют.*

2207 Идет электротрактор!

2208 Сеялка!

2209 Молотилка!

2283 Сложат в МПО

2314 Тише!

В ремарке между 2469 *и* 2470 (К нечистым.)

2484—2507 *отсутствуют.*

Приложение к журн. «Вестник театра», № 91—92, 1921 г.:

Подзаголовок по первому изданию.

В ремарке между 176—177 ...взмокших австралийцев

» » 212 *и* 213 ... лезет с кулаком на француза

» » 213 *и* 214 ... лезет с кулаком на англичанина

229 Сижу я спокойненько в стуле

493 Построим?

650 Выберем скорей!

В ремарке между 673 *и* 674 ... меняются постами

» » 727 *и* 728 Гонит нечистых в трюм и пока возится с ними

728 Идем, Ллойд-Джордж.

942 Я тебе соглашусь!

В ремарке между 1080 *и* 1081 ... вырывает трубку

1595 *и* 1596 ... на грудь опешившему Вельзевулу

2314 Тише!

В ремарке между 2469 *и* 2470 (К нечистым.)

Черновые наброски дополнений к тексту второго варианта в записной книжке 1921 г., № 9. (Сделаны, вероятно, уже после премьеры пьесы. Были ли введены в сценический текст—неизвестно.)

Предполагаемое место их по пьесе — «Действие третье» (Ад.)

Разве это для грешника мучение
на вертеле верчение?
I Ты грешника
чтоб достать по ордеру сапоги-б
II Заставь его чтоб по ордеру сапоги-б
I Вот от этого бы он
II Вот от этого б грешник наверняка погиб
Думаете наверное напугали
Накрутили хвостище
У нас на земле хвосты почище
Все не с хвостами стоят, а в хвостах
Ах!
Тут ты умника по морде — раз,
Разрезал и на вилку кусок ляшки
А у нас ордера-с

А у нас бумажки
А пока организовали советскую власть
Тоже намучились всласть
Теперь их партия поприжала
и советский бюрократ
утихомирился во сто крат
А если такая практика у нас имеется
То мы и с вами управимся разумеется
Его Велич⟨ество⟩ Вельзевул
просит, чтоб его в Главтоп позвали
Брось надежды сами обревизовали

Черновые автографы вставок в текст второго варианта для спектакля в честь делегатов III Конгресса Коммунистического Интернационала. Записная книжка 1921 г., № 9.

Строки из «Пролога» 10—25, 1—9.

3 Земли восстающей вестники
10—20 Вашим странам
еще на воздух лететь
взорваться с Америками и Азиями
а нам можно
и отойти и разглядеть
быль растущую на ⟨д⟩ фантазиями
21—25 Все, что битвами завоевали на поле
все, что площади промитинговали на все лады
сейчас пройдет перед вами
как в капле воды

Вставка в текст II действия — диалог Соглашателя с Нечистыми.

Действующие лица отсутствуют.

1 Согласитесь
2 *отсутствует.*
3—4 в меру бел
в меру черен
6 и в меру ал
8 и Мартов
11—12 *отсутствуют.*
13 Берите второй
15—17 ни дети
как тоже никак
политический деятель

Беловой автограф вставок в текст второго варианта для спектакля в честь делегатов III конгресса Коммунистического Интернационала.

В «Прологе» 32—37 *отсутствуют.*

Вставка в текст II действия. Диалог Соглашателя с Нечистыми.

11 I Долой их
не хотим знать никаких вторых
II Долой

15 [Сам Лев <и>] Чай немецкие социал-демократы не дети

«13 лет работы», т. II:

Подзаголовок отсутствует.

В ремарке между 176 *и* 177 ...взмокших австралийцев

650 Выберем скорей!

В ремарке между 673 *и* 674 ... меняются постами

» 727 *и* 728 Гонит нечистых в трюм
и пока возится с ними

В ремарке между 1080 *и* 1081 ... вырывает трубку

2314 Тише!

В ремарке между 2469 *и* 2470 (К нечистым.)

1826 *отсутствует.*

Ремарка после 1826 Н е ч и с т ы е (ломают рай, вздымаясь ввысь молниями)

А что если?.. Первомайские грезы в буржуазном кресле (стр. 361)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4.

Строки: 82—86, 146—155, 207—211 (первоначальные варианты) и полный текст стихотворения.

Действующие лица, ремарки — отсутствуют.

Заглавие: Что было б если?
Буржуазные грезы в вольтеровском кресле

82—86 Третье явление
Смотрите в оба
Не просто какое-нибудь
а явление из гроба

146—155 Простите нам наш бессмысленный вой
товарищ городовой
господин городовой
О как мы по вас истосковались
Разрешите обнять вас
пригласить на вальс

207—211		Что за притча —
		сидит сонный
		Развесил носки
		пиджаки и кальсоны
3		В цепи б тебя заковать
6—7		хорошо весною дома
		сладость
13		Первомайские поздравления
После строки 23:		[сохранились наши п<рибыли>]
34— 35		Двери магазинов настежь
		Прилавки полны
37	I	Уже открыли
		Рестораны ломятся
		полным полно
	II	Уже открыли ресторан Волгу
39		Частная собственность восстановлена
		Все возвращ<ено>
42		С лампасами на штанах
64 — 65		Бриллиант на палец
		в восемьсот карат
69 — 70		Коробки и пуза
75		и в эклерах
77	I	Эх и покажем им
	II	Эх и насладимся им
79		и тайным и равным и прямым
80— 81		*отсутствуют.*
85		А явление из гроба
86— 91		Всеобщим равным и тайным
		И тайным и равным и прямым
97—100		Ведь вы
		кажется
		были того —
		усопший
104—105		Воля Его небесного высочества бога
111—113		в полчаса третьего ночи
		и говорит
117—119		*отсутствуют.*
121—122		И стрелки
		не успели передвинуться на три
125—126		городские головы
		охранки

128 *отсутствует.*
129 [А] И я.
133—134 *отсутствуют.*
143 и тайное?
150 так истосковались по вас
158 Не садиться
II Не сметь
166 и глупое
167 [А] Да вы
171 Одно уважение к достоуважаемой нагайке
192—197 С камнями в оправах
заснем в наших хлевах
развесивши правых
развесивши левых
с камнями в оправах
уснем в наших хлевах
200 и третью
207 Да он еще и сумасшедший
209—210 Повесил чего-то
рубашки
носки

Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое (стр. 371)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4:

Действующие лица, ремарки — отсутствуют.

Заглавие — Пьеса про попов кои
не поняли первое мая что такое

Не вошедший в окончательный текст вариант начальных строк стихотворения (после него следуют строки: 1—251)

Отец Панкрат на кого
ты меня оставил
не взял с собою меня дуры
бежал в леса
один бежал от ихней
этой самой диктатуры
7 если ты дура
10 — 12 вот она у меня где —
эта самая ихняя диктатура
13 *отсутствует.*
14 Живу и плачу
18 — 19 Придет Свинуил —

как спичечка буду
31 *отсутствует.*
40 *отсутствует.*
41 Да ведь вы так большевиков ненавидели
46 — 52 Ни в один пароход
не уместиться такому пузу
Все равно что слона
запихивать в биллиардную лузу
После 52 Господи боже мой
57— 58 *отсутствуют.*
54— 62 хочешь в столб телеграфный свечку
[спа⟨сителю⟩] поставлю
обязательно поставлю
спаси разнесчастную овечку
63 Чего ревешь
73 *отсутствует.*
После 75 праздник
76 Ну значит дело ясное
77 Праздник
79 Значит народ без дела шататься будет
82 и [скажу] возопию ему
86 праздновать без попа-то как?
88 и разольюсь
90—91 Это не ладно
92 что за праздник без ладана
93—95 Без попов на праздник
не обходится и Европа ведь
96 Праздник не в праздник
98 Покажут вам товарищи
100 несли товарищи лучше
попикам подаяние бы
101—104 Эх и жизнь начнется
сдобная и манная
Растопырю подаяньем
карманы я
105 Исполни молитвы наши
107 Исполнит
112—113 народу столько
и в праздник не ходило
114—115 *отсутствуют.*
116 Скорей

раздувай
121 Как же это можно
123 без попа переть
126 в руках лопата
136 отец ваш духовный или я
138 подождите минутку
139 тут какой-то человек
142 Товарищ может быть мы знаем
146 Они уже должно быть
Да что вы
152—153 Я не про таких братьев
я про братьев которые по Христу
155 Да ты я вижу
157—158 Этак мы тут все братцы
162—163 умеешь ты
за лопату браться
164—165 За лопату священнослужителю
169 Я про то которое
на небесах
173 можно на небо
176 Что вы
181 *отсутствует.*
187—188 насчет исполнения первого мая работы какой
189 хотя бы и самой малейшей
194 Хоругви вперед понесу
196 Да что разговаривать
Какие там еще хо́ругви
201—202 Да что вы
Пощадите священническое звание
Геенна вас огненная
сожрет небесами
211 денег должно быть много нагреб
219 Отодвинься матушка
221 Не трудящийся да не ест
222—226 Простите достоуважаемые великодушно
С этого самого субботника
как собака голоден был
234 забыли про попа
245—246 *отсутствуют.*
246 и всей рабочей массе
252—255 *отсутствуют.*

Как кто проводит время, **праздники празднуя**
(На этот счет **замечания разные)** (стр. 383)

Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4.

Строки: 33—37, 15—23, 48—51, 24—32, 38—57, 52—60, 146—148, 223—224, 219—222.

Действующие лица и ремарки отсутствуют.

Заглавие отсутствует.

Не вошедшее в окончательный текст двустишие:

Нас этот праздник ясно учит
Что пасха только брюхо пучит

17 Христос воскрес!
21 Где это вы такой окорочище нашли?
26—27 Что икорки б недурно для такого тоста
31 Ну и поросенок у вас
33—37 Дай бог чтоб чаще у нас воскресало
По этому поводу ветчинки
с кусочком сала
39—40 распяли
43—47 Ну и кулич у вас
Что это он с Христом пристал
48 Не знаю что там и кто воскресло
55 не пускать его воскресать
59 занавесь занавесы
146—148 Товарищи может быть
вам угоднее
удовольствия новогодние
219 Господи!
221 глаз навыкат
224 Да новый год повстречали

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ ВО ВТОРОЙ ТОМ

Мистерия-буфф. Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским, 3 действия, 5 картин, «ИМО», П. 1918, 79 стр.

Герои и жертвы революции. Октябрь 1917—1918. Рисунки: Богуславской, Козлинского, Маклецова, Пуни. Текст Владимира Маяковского, издание Отдела изобразительных искусств Комиссариата Народного Просвещения, П. 1918, 19 л.

Мистерия-буфф. Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским, 2-е издание, изд. «ИМО», П. 1919, 71 стр. (вышло в апреле).

Все сочиненное Владимиром Маяковским 1909—1919, изд. «ИМО», П. 1919, 280 стр. (вышло в мае).

Советская азбука, издание и литографская печать автора, М. 1919, 30 стр. (вышла в сентябре).

150 000 000, Гиз, М. 1921, 70 стр. (вышла в мае).

Мистерия-буфф. (Вторая редакция.) Приложение к журналу «Вестник театра», № 91—92, изд. Главполитпросвета, М. 1921, 32 стр. (июнь).

Рассказ о дезертире. Рисунки Маяковского, Гиз, М. 1921, 16 стр.

Маяковский издевается. Первая книжица сатиры, изд. «Вхутемас», М. 1922, МАФ, Серия поэтов № 3, 48 стр. (вышла в мае).

Маяковский издевается. Первая книжица сатиры, 2- е издание, изд. «Вхутемас», М. 1922, МАФ. Серия поэтов № 3, 48 стр. (вышла в июле).

13 лет работы. Первый том, изд. «Вхутемас», М. 1922, МАФ, 304 стр. (вышел в феврале 1923 г.).

13 лет работы. Второй том. Часть первая, изд. «Вхутемас», М. 1922, МАФ, 464 стр. (вышел в октябре).

Маяковский для голоса, Госиздат РСФСР, Берлин, 1923, 61 стр. (вышел в январе).

Избранный Маяковский, изд. акц. общ. «Накануне», Берлин — Москва, 1923, 256 стр. (вышел в феврале).

Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается, изд. «Круг», М.—П. 1923, 190 стр. (вышел в апреле).

Стихи о революции, изд. «Красная новь», М. 1923, 98 стр. (вышел в апреле).

Стихи о революции. 2-е, доп. издание, изд.«Красная новь», М. 1923, 124 стр (вышел в августе).

Солнце. Поэма. [Стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»], изд. «Круг», М.—П. 1923, 23 стр. Обложка и рисунки Ларионова.

255 страниц. Книга I, Гиз, М.—П. 1923 (вышла в июле).

Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника, изд. «Красная новь», М. 1923, 13 стр. Рисунки Маяковского.

Два стихотворения (учебная работа графического факультета Вхутемаса), М. 1924, 20 стр.

Песни крестьянам, изд. «Долой неграмотность», М. 1925, 167 стр.

Песни рабочим, изд. «Долой неграмотность», М. 1925, 98 стр.

Американцам для памяти, изд. «Нью-Уордл пресс», Нью-Йорк, 1925, 32 стр.

Солнце в гостях у Маяковского, изд. «Нью-Уордл пресс», Нью-Йорк, 1925, 32 стр. [Стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».]

Избранное из избранного, изд. «Огонек», М. 1926, 54 стр.

Сочинения, т. 11, Гиз, М.—Л. 1928, 364 стр.

Сочинения, т. III, Гиз, М.—Л. 1929, 448 стр. (вышел в январе).

Сочинения, т. IV, Гиз, М.—Л. 1929, 382 стр.

Школьный Маяковский, Гиз, М.—Л., 104 стр. 1929 (вышел в сентябре).

Грозный смех, Гихл, М. 1932, 180 стр. (подготовлен автором).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ — Библиотека-Музей В. В. Маяковского.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Наш марш (стр. 7). Беловой автограф от начала 1918 г. Передан артистке О. В. Гзовской в качестве текста для выступления. Подписан: «В. Маяк.» (БММ).

«Газета футуристов», М. 1918, № 1, 15 марта; сб. «Ржаное слово»; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. 1; «Маяковский для голоса»; «Избранный Маяковский»; «Американцам для памяти»; Сочинения, т. II.

Стихотворение написано в ноябре 1917 г. в Петрограде.

Тучкины штучки (стр. 8). «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; Сочинения, т. II.

Написано, вероятно, в 1917—1918 гг. Должно было войти в книжку стихов «Для детков», предложенную Маяковским вместе с другим сборником стихов — «Издевательства» — к изданию Отделу изобразительных искусств Наркомпроса в декабре 1918 г. Издание не было осуществлено.

Весна (стр. 9). Автограф в письме к Л. Ю. Брик из Москвы от первой половины марта 1918 г. (Архив Л. Ю. Брик.)

Написано тогда же. В письме к Л.Ю. Брик Маяковский сообщал: «Сейчас издаем «Газету футуристов». Спасибо за книжечку... Сразу в книжечку твою написал два стихотвор[ения]. Большое пришлю в газете (которое тебе нравилось) — «Наш марш», а вот маленькое «Весна» (*следует текст*) — это, конечно, только разбег».

Впервые опубликовано в статье Л. Брик «Из воспоминаний о стихах Маяковского», журн. «Знамя», 1940 г., № 4. Вошло в Полн. собр. соч., т. 12, Гихл, М. 1949.

Печатается по автографу.

Хорошее отношение к лошадям (стр. 10). Газ. «Новая жизнь», 1918, № 8, 9 июня (под названием «Отношение к лошадям»); «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. 1; «Маяковский для голоса»; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II.

. О замысле этого стихотворения Маяковский упоминает в письме к Л. Ю. Брик из Москвы от апреля — мая 1918 г.: «Стихов не пишу, хотя и хочется очень написать что-нибудь прочувственное про лошадь».

Строка 14. *Кузнецкий* — Кузнецкий мост — одна из центральных улиц Москвы.

Ода революции (стр. 12). Журн. «Пламя», П. 1918., № 27, 7 ноября; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Избранный Маяковский»; «Американцам для памяти»; Сочинения, т. II.

Строки 25—27. *Блаженный стропила соборовы тщетно возносит, пощаду моля.*— Собор Василия Блаженного в Москве на Красной площади. В Октябре 1917 г. в дни разгрома контрреволюции был поврежден снарядами.

Строки 30—34: *«Слава». Хрипит в предсмертном рейсе.*— «Слава» — военный корабль Балтийского флота. Погиб 5(18) октября 1917 г. в Моонзундском проливе во время боев с немцами, предпринявшими наступление на Петроград. Экипаж «Славы», подожженной немецкими снарядами, геройски сражался, пока не затонул корабль.

Строки 41—43. *Прикладами гонишь седых адмиралов вниз головой с моста в Гельсингфорсе* — вероятно, имеется в виду восстание, поднятое матросами накануне Октября 1917 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) против контрреволюционного командования.

Приказ по армии искусства (стр. 14). Еженедельная газета «Искусство коммуны», П. 1918, № 1, 7 декабря; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; «Избранный Маяковский»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. II.

Стихотворение помещено на первой странице газеты в виде передовой. В последующих номерах той же газеты напечатаны были также в виде передовой стихотворения Маяковского: «Радоваться рано», «Поэт рабочий», «Левый марш», «С товарищеским приветом, Маяковский». Газета издавалась Отделом изобразительных искусств Народного Комиссариата Просвещения (ИЗО) в течение декабря 1918— апреля 1919 гг. Страницы ее были использованы футуристами для пропаганды своих взглядов на искусство.

Радоваться рано (стр. 16). Газ. «Искусство коммуны», П. 1918, № 2, 15 декабря; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II.

Вокруг этого стихотворения развернулась полемика на страницах № 4 газеты «Искусство коммуны». Нарком просвещения А. В. Луначарский выступил со статьей «Ложка противоядия», в

которой указывал на проявленные в стихотворении «Радоваться рано» «разрушительные наклонности по отношению к искусству прошлого». Маяковский ответил на статью Луначарского стихотворением «Той стороне», напечатанным в том же номере газеты.

Статье предпослана заметка «От редакции», очевидно согласованная с Маяковским. Считая, что критика стихотворения «Радоваться рано» основана на ложном, буквальном толковании его поэтических образов, редакция писала: «Ни один современный критик не решился бы утверждать, что Пушкин в своем стихе «Глаголом жги сердца людей» призывает поэта какими-либо горючими материалами жечь сердца своих близких».

Строки 16-18. *А царь Александр на площади Восстаний стоит?*— памятник Александру III, стоявший в Петрограде на Знаменской площади (ныне площадь Восстания).

Строка 30. *Зимний* — дворец в Ленинграде, построенный в XVIII в. архитектором Растрелли.

Поэт рабочий (стр. 18). Газ. «Искусство коммуны», П. 1918, № 3, 22 декабря; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II.

Той стороне (стр. 20). Газ. «Искусство коммуны», П. 1918, № 4, 29 декабря; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; Сочинения, т. II. См. примечание к стих. «Радоваться рано».

Левый марш (Матросам) (стр.23). Газ. «Искусство коммуны», П. 1919, № 6, 12 января; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский для голоса»; «Избранный Маяковский»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. II; «Школьный Маяковский».

Написано в декабре 1918 г. 17 декабря 1918 г. в Петрограде Маяковский впервые прочитал «Левый марш» в Матросском театре бывшего Гвардейского экипажа. Стихотворение было написано специально для этого выступления, чем и объясняется его подзаголовок-посвящение «Матросам». Об истории создания стихотворения Маяковский вспоминал: «Мне позвонили из бывшего Гвардейского экипажа и потребовали, чтобы я приехал читать стихи, и вот я на извозчике написал «Левый марш». Конечно, я раньше заготовил отдельные строфы, а тут только объединил адресованные к матросам» («Выступление в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию деятельности, 25 марта 1930 г.».)

Потрясающие факты (стр. 25). Газ. «Искусство коммуны», П. 1919, № 7, 19 января; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I;

«Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II.

Написано в связи с восстанием берлинских рабочих в начале января 1919 г.

Строка 1. *Анналы* — летопись; хроника.

Строки 13—17. *...триэтажный призрак со стороны российской. Поднялся. Шагает по Европе* — образ, положенный в основу стихотворения — поэтический перифраз первой строки «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

Триэтажный призрак — трехэтажное здание Смольного.

Строка 21. *Аллея Побед* — аллея в Берлине, украшенная памятниками германских императоров, полководцев, виднейших деятелей германского империализма.

Строки 34—35. *Росла легенда про Летучего голландца.* — Легендарный образ морского капитана, обреченного вечно носиться на своем корабле по бурному морю; встреча с кораблем Летучего голландца предвещала бурю, гибель.

Строки 40—41. *...туда, где гудит союзное ржанье* — имеется в виду происходившее в Париже совещание союзных держав — Франции, Англии, США — в связи с военным поражением Германии и подписанием кабального для нее Версальского договора.

С товарищеским приветом, Маяковский (стр. 28). Газ. «Искусство коммуны», П. 1919, № 10, 9 февраля; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; Сочинения, т. II.

Написано в связи с отмечавшейся газетой годовщиной Отдела изобразительных искусств Наркомпроса.

Мы идем (стр. 30). Черновой автограф в записной книжке 1919 г., № 2 (БММ). Двухнедельная газета «Искусство» (Вестник Отдела изобразительных искусств Наркомпроса), М. 1919, № 5, 1 апреля; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. I; Сочинения, т. II.

Строка 27—30. *Это революция и на Страстном монастыре начертила: «Не трудящийся не ест».*—Страстной монастырь в Москве находился на Страстной, ныне Пушкинской площади. В 1918—1919 гг. стены монастыря были расписаны революционными лозунгами.

Владимир Ильич! (стр. 32). Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4 (БММ); «Красная газета» (утренний выпуск), П. 1922, № 252, 5 ноября; «13 лет работы», т. I; «Стихи о революции», 1-е изд.; Сочинения, т. II.

Написано в апреле 1920 г. к пятидесятилетию со дня рождения В. И. Ленина.

С чтением этого стихотворения Маяковский выступил 28 апреля 1920 г. на «Ленинском вечере» в московском Доме печати. Публикуя стихотворение в 1922 г. к годовщине Октябрьской революции, Маяковский внес изменения в строку 61, непосредственно связанную с датой, в ознаменование которой было написано стихотворение «И это — не стихов вееру обмахивать юбиляра уют», заменив слово «юбиляра» словом «высокий».

Строки 61 и 71 в настоящем издании печатаются в редакции 1920 г. Строка 61: «обмахивать юбиляра уют» вместо «обмахивать высокий уют»;

Строка 71: «безмерного свода РКП» вместо «безмерного свода ВКП».

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (стр. 35). Черновой автограф в записной книжке 1920 г, № 5 (БММ); беловой автограф (осень 1920 г.), подарен Г. К. Флаксерман с подписью «Маяковский Владимир». Часть текста, начиная от строки 60 и до конца записана Л. Ю. Брик под диктовку Маяковского (БММ). Фонографическая запись авторского чтения, 1920 г. (БММ). Машинопись-копия с неизвестного оригинала, без правок, с дарственной надписью А. В. Февральскому от 9 марта 1921 г. (хранится у него же). «Лирень», М. 1920 (сборник стихов и прозы, вышедший при участии Маяковского; фактически вышел в 1921 г.); «13 лет работы», т. I; журн. «Красная нива», М. 1923, № 1, 7 января; «Солнце»; «Маяковский для голоса»; «Солнце в гостях у Маяковского»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. II, «Школьный Маяковский».

Написано летом (в июне — июле) 1920 г.

Строка 108 в настоящем издании печатается «взорим» вместо «взорлим» (опечатка, вкравшаяся в основной текст и перешедшая в сб. «Школьный Маяковский» и во все посмертные издания Маяковского).

Строка 34. *... сиди, рисуй плакаты!* — начиная с осени 1919 г., Маяковский вел большую работу в Роста (Российское телеграфное агентство) над текстами и рисунками для агитплакатов («Окон» Роста.)

Отношение к барышне (стр. 39). Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5 (БММ). Сб. «Лирень»; «13 лет работы», т. I; Сочинения, т. II.

Написано летом 1920 г.

Гейнеобразное (стр. 40). Черновой автограф в записной книжке 1920, № 5 (БММ). Сб. «Лирень»; «13 лет работы», т. I; Сочинения, т. II.

Написано летом 1920 г.

Горе (стр. 41). Черновой автограф (неполный) в записной книжке 1920 г., №5 (БММ). Сб. «Навстречу» (издание Всероссийского комитета помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам), М. 1923, 9—16 апреля.

Написано в 1920 г.

Печатается по тексту сб. «Навстречу».

«Портсигар в траву ушел на треть...» (стр. 42). Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5 (БММ).

Написано летом 1920 г.

Впервые опубликовано под условным названием «Портсигар» в Полн. собр. соч., т. 2, Гихл, М. 1939.

Печатается по автографу.

III Интернационал (стр. 43). Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 5 (БММ). «Вечерняя стенная газета Роста», М. 1920, № 288, 26 июля (с подзаголовком «Марш — гимн»); «13 лет работы», т. I; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский для голоса»; Сочинения, т. II.

Строки 31—32 печатаются в настоящем издании по тексту «Стихи о революции», 2-е изд.:

Красный флаг
на крыши ньюйоркских зданий

вместо:

Красный флаг
на крышах ньюйоркских зданий.

Написано ко дню демонстраций в честь делегатов II конгресса Коммунистического Интернационала, состоявшегося в Москве 27 июля 1920 г.

Всем Титам и Власам РСФСР (стр. 46). Черновой автограф (ЦГАЛИ). Журн. «Вестник театра» (издание Театрального отдела Наркомпроса), М. 1920, № 71, 22 октября (под заглавием «Всем Титам и Власам»); сб. «Театральная продагитация», вып. I, Гиз, М. 1920 (под заглавием «Всем Титам и Власам РСФСР»).

Печатается по тексту сб. «Театральная продагитация».

Написано в августе 1920 г. в связи с неурожаем на значительной части территории РСФСР.

26 августа 1920 г. Маяковский прочел стихотворение на заседании Политпросветсектора Наркомпроса и предложил использовать его для инсценировки в передвижном агиттеатре.

Стихотворение напечатано в «Вестнике театра» вместе с инструктивными материалами к проведению продовольственной агиткампании, под общей шапкой-заголовком: «Без пилы, топора и гвоздей избы не построишь, а рабочий без хлеба их не сделает».

В обоих изданиях после первого четверостишия следуют повторяющиеся в виде припева две его последние строки. В примечаниях от редакции даны режиссерские указания к театральному исполнению стихотворения.

В Государственной Библиотеке-Музее В. В. Маяковского имеется фотокопия неопубликованного отзыва Н. К. Крупской о двух пьесах для крестьян других авторов, написанных, судя по их названию, тоже в связи с продовольственной агиткампанией 1920—1921 гг. Отрицательный отзыв на эти пьесы Н. К. Крупская заканчивает словами:

«Надо учиться у Маяковского: его пьески коротки, чрезвычайно образны, полны движения и содержания...» Это высказывание имело, повидимому, непосредственное отношение к стихотворению «Всем Титам и Власам РСФСР», в практике театральной агитработы называвшемуся пьесой. См. примечание к стих. «Смыкай ряды!» т. 5 настоящего издания.

Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника (стр. 49).

Беловой автограф первой редакции стихотворения 1921 г. (БММ). Отдельное издание 1921 г. под названием «Рассказ о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника».

Беловой автограф дополнительных строк ко второй редакции (БММ). Отдельное издание стихотворения 1923 г. под названием «Сказка о дезертире...» (вторая редакция).

Текст этого издания вошел в сб. «Песни крестьянам»; Сочинения, т. IV. Для издания 1923 г. Маяковский написал 5 вступительных строф (со слов «Хоть пока победила крестьянская рать...» до «вникни в этот сказочный случай») и 2 заключительных строфы («Нынче сына даем не царям на зарез...»). Эти новые строфы (за исключением строфы четвертой) были напечатаны в виде самостоятельного стихотворения под названием «Наказ» в «Красном журнале для всех», П. 1923, № 7.

Стихотворение написано до ноября 1920 года (до разгрома Врангеля), но появилось в свет уже после окончания гражданской войны.

Рисунки к тексту сделаны Маяковским.

Строки 11—15. *Чтоб вовеки не смел никакой Керзон брать на-пушку, горланить ноты...* — здесь имеется в виду нота английского министра иностранных дел Керзона, предъявленная в мае 1923 г. Советскому правительству.

Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума (стр. 63). Черновой автограф (отрывки) записан на обложке журн. «Художественное слово» (временник литературного отдела Наркомпроса), кн. I (октябрь), М. 1920 (БММ); «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд; «13 лет работы», т.I; «Маяковский для голоса»; «Избранный Маяковский»; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд; «Два стихотворения»; «Школьный Маяковский»; Сочинения, т. IV.

Написано не позднее октября — первых чисел ноября 1920 г.

Стихотворение, вероятно, предназначалось для отдельного издания с рисунками или для большого плаката с серией рисунков, по типу, близкому «Окнам» Роста, над которыми работал в то время Маяковский, но оно своевременно издано не было. В середине ноября 1920 г. Крым был очищен от Врангеля, и стихотворение потеряло свою злободневную остроту. Отсюда подзаголовок, появившийся при его опубликовании в 1922 г.— «Старая, но полезная история».

Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь (стр. 68). Газ. «Горняк» (орган ЦК Союза горнорабочих), М. 1921, № 3, 10 апреля, рисунки худ. М. Черемных; журн. «Бов», М. 1921, № 1 (апрель), с рисунками Маяковского. («Бов» — «Боевой отряд весельчаков» — первый советский сатирический журнал, вышел одним номером при ближайшем участии Маяковского); сб. «Песни рабочим»; Сочинения, т. IV.

Написано, вероятно, в феврале 1921 г. в связи со Вторым Всероссийским съездом горнорабочих, происходившим в Москве 26 января — 2 февраля 1921 г.

Последняя страничка гражданской войны (стр. 71). Журн. «Бов», 1921, № 1 (апрель); «Грозный смех».

Написано, вероятно, в конце ноября — декабря 1920 г., не позднее января — февраля 1921 г.

«Последняя страничка гражданской войны» опубликована в журнале одновременно с сатирическим стихотворением «О дряни», первые строки которого: «Слава, слава, слава героям!!! Впрочем, им

довольно воздали дани. Теперь поговорим о дряни»— перекликаются с заключительными строками стихотворения «Последняя страничка гражданской войны».

Печатается по тексту сб. «Грозный смех».

О дряни (стр. 73). Журн. «Бов», М.1921, № 1 (апрель); «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. I; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II; «Школьный Маяковский».

Написано в конце 1920 — не позднее начала 1921 г.

При перепечатке стихотворения в 1922 г. в сб. «Маяковский издевается» в текст внесены два изменения:

1) «намозолив от пятилетнего сиденья зады» вместо «натерев от трехлетних заседаний зады» и

2) опущены противоречащие этой замене строки о пайках, выдававшихся в годы гражданской войны («2 красноармейских, 4 тыловых»).

См. примечания к стих. «Последняя страничка гражданской войны».

Неразбериха (стр. 76). Газ. «Агит.-Роста», М. 1921, № 9, 16 августа (под заглавием «Наш быт» № 1); «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. I; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II.

«Наш быт» — очевидно, название цикла сатирических стихов, задуманного в это время Маяковским. Под этим общим названием было напечатано 5 марта 1922 г. в газ. «Известия ВЦИК» и стихотворение «Прозаседавшиеся».

Строка 1. *Лубянская площадь* — ныне площадь Дзержинского в Москве.

Строка 8. *Никольские ворота* — в Китайгородской стене (ныне снесенной), соединявшие Лубянскую площадь с Никольской (ныне улицей 25 Октября).

Строка 27. *Ильинка* — ныне улица Куйбышева в Москве.

Два не совсем обычных случая (стр. 78). Однодневная газета «На помощь!» (изд. «Известия ВЦИК» в пользу голодающих Поволжья), М. 1921, 29 августа; «13 лет работы», т. I; Сочинения, т. II.

Строки 159—161 в настоящем издании печатаются по тексту газ. «На помощь!»:

Хлеб!—
вот это земная ось:
на ней вертеться и нам и свободе

вместо:

Хлеб!—
вот это земная ось:
и с ней вертеться нам и свободе.

Строка 42. *Морская* — ныне улица Герцена в Ленинграде.

Строки 162—163. *Трубная, Смоленский* — Трубная и Смоленская площади в Москве, где были рынки.

Стихотворение о Мясницкой, о бабе, и о всероссийском масштабе (стр. 83.). «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд; «13 лет работы», т. I; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II.

Написано, вероятно, осенью 1921 г. в Москве.

Строка 29. *«Чистка!» — во всероссийском масштабе* — имеется в виду чистка партии, проводившаяся летом — осенью 1921 г. (по постановлению ЦК РКП(б) от 25 июня 1921 г.).

Строка 37. *Мясницкая* — ныне улица Кирова в Москве.

Строка 42. *...на Ярославский* — Ярославский (ныне Северный) вокзал в Москве.

Строки 67—68. *Правдив и свободен мой вещий язык и с волей советскою дружен* — перифраза строк из «Песни о вещем Олеге» Пушкина: «Правдив и свободен их вещий язык и с волей небесною дружен».

Приказ №2 армии искусств (стр. 86.). Журн. «Вещь» (Международное обозрение современного искусства), изд. под редакцией И. Эренбурга, Берлин, 1922, № 1—2, март — апрель (напечатано без заглавия); «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. I; «Маяковский для голоса»; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Избранный Маяковский»; Сочинения, т. II.

Написано, вероятно, в конце 1921 г.

Строка 8. *Пентры* — от франц. peintre — художник.

Стихи — тексты к рисункам и плакатам

Герои и жертвы революции (стр. 89). Подписи к 18 рисункам. Изданы в виде папки-альбома к годовщине Октябрьской революции, изд. Отдела изобразительных искусств Нар-

компроса, П. 1918 (рисунки художников Богуславской, Козлинского, Маклецова, Пуни); Сочинения, т. IV. (Из книги рисунков «Герои и жертвы революции». 9 текстов — подписей).

Об этом альбоме Маяковский вспоминал в 1927 г.: «Начались первые попытки агитпоэзии. ...Эта папка развилась в будущем во весь революционный плакат. Для нас — главным образом — в «Окна сатиры Роста» (статья «Только не воспоминания...»).

Советская азбука (стр. 92). Отдельным изданием вышла без имени автора в Москве, в 1919 г., с автолитографированными рисунками к каждой букве алфавита. Сочинения, т. IV; «Грозный смех».

Написана в сентябре 1919 г.

Об истории издания «Советской азбуки» Маяковский рассказывал в одном из своих выступлений: «... Это очень интересная страница из истории нашей революционной поэзии. ... Она была написана для армейского употребления. Там были такие остроты, которые для салонов не очень годятся, но которые для окопов шли очень хорошо...

Написавши эту книгу, я принес ее перепечатать в Центропечать. Там сидела одна невычищенная еще машинистка, которая с большой злобой мне сказала: «Лучше я потеряю всякую работу, но эту гадость я переписывать не буду». Вот с этого началось. Дальше никто не хотел эту книжку печатать. Типографии не было. Я нашел одну пустующую типографию тогдашнего Строгановского училища, сам перевел на камень. Рабочих не было, кто бы мог пустить в ход машину. Мне самому приходилось пускать ее в ход. Не было никого, кто бы принял уже напечатанные листы. У меня были приятели, с которыми я это сделал. Нужно было покрасить, нехватало краски, мы от руки три — пять тысяч раскрашивали и дальше весь этот груз на собственной спине разносили. Это по-настоящему ручная работа в пору самого зловещего окружения Советского Союза. Свою работу эта книжка сделала». («Выступление в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию деятельности, 25 марта 1930 г.».)

В первом издании (1919) для буквы «Д» напечатано было другое двустишие:

Деникин с шайкой лезет к Туле.
Дойдешь до Тулы, черта в стуле!

Некоторые двустишия «Азбуки» Маяковским были в дальнейшем взяты для «Окон» Роста.

Вильсон — Вильсон Вудро, президент США в 1913—1921 гг. Один из главных вдохновителей вооруженной интервенции против Советской России.

Фон дер Гольц — немецкий генерал, командовавший в 1918 г. оккупационной армией в Прибалтике.

Милюков — лидер кадетской партии; после Октября белый эмигрант, один из активных деятелей русской контрреволюции.

Ллойд-Джордж — руководитель английской либеральной партии, в 1916—1922 гг. премьер-министр.

Носке — правый социал-демократ; вошел в состав послевоенного германского правительства. Известен жестоким подавлением революционного восстания немецких моряков в Киле в 1918 г., за что получил прозвище «кровавая собака». Способствовал подготовке убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Румыны смотрят, что бы стибрить... — Имеется в виду оккупация Бессарабии войсками Румынии в марте 1918 г.

Сазонов — дипломат и министр иностранных дел при царском правительстве. После Октября 1917 г. эмигрировал во Францию, где выступал как представитель «правительства» Деникина.

Д'Аннунцио — Д'Аннунцио Габриэль, итальянский писатель (впоследствии примкнувший к фашистскому движению). В 1919 г., после окончания первой мировой войны, командовал отрядом, захватившим город Фиуме, на который претендовала по условиям перемирия Австрия.

Чалдон — сибиряк (местное название); в данном тексте сибирское кулачество, поддерживавшее Колчака.

Шкуры — производное словообразование от фамилии одного из генералов деникинской армии — Шкуро.

Подписи к рисункам в журнале «Бов»:

Про то, как за немцами, на денежки Антанты, отечественные двинулись, для «удушения» наняты (стр. 96). Журн. «Бов», М. 1921, № 1 (апрель).

Напечатано без подписи. Рисунки М. Черемных. Вошло в сб. «Грозный смех». Печатается по тексту этого сборника.

Написано, вероятно, осенью 1919 г., возможно предназначалось для «Окон» Роста.

Раньше. Теперь (стр. 98). Журн. «Бов», М. 1921, № 1 (апрель).

Напечатано без подписи. Рисунки Маяковского (подпись отсут-

ствует). Написано в связи с планом ГОЭРЛО, принятым в декабре 1920 г.

Печатается по тексту жури. «Бов».

1. «Беспечность хуже всякого белогвардейца...» 2. «Расхлябанность — белогвардейщина вторая...» 3. «Третья белогвардейщина — советский бюрократ...» (стр. 99). Журн. «Бов», М. 1921, № 1 (апрель). Тексты к рисункам. Напечатаны без подписи.

Печатаются по тексту журн. «Бов».

Мильеран (стр. 100). Журн. «Бов», М. 1921, № 1 (апрель). Текст к карикатуре. Без подписи.

Печатается по тексту журн. «Бов».

Мильеран — президент Франции в 1920—1924 гг. Один из организаторов блокады Советской России.

Клемансо (стр. 100). Журн. «Бов», М. 1921, № 1 (апрель). Текст к карикатуре. Без подписи.

Печатается по тексту журн. «Бов».

Клемансо—премьер и военный министр Франции в 1917—1920 гг.; один из организаторов вооруженной интервенции против Советской России.

Ллойд-Джордж (стр. 100). Журн. «Бов», М. 1921, № I (апрель). Тексты к карикатуре. Без подписи.

Печатается по тексту журн. «Бов».

Ллойд-Джордж — см. стр. 501.

Лозунги для журнала «Бов»:

«Бей Бовом по головам дубовым» (стр. 101)

«Если наш Бов тебе нравится» ... (стр. 101)

Журн «Бов», М. 1921, № 1 (апрель). Напечатаны без подписи.

Печатаются по тексту журн. «Бов».

Плакаты

Эй, крестьянин, если ты не знаешь о налоге декрета, почитай, посмотри и обдумай это (стр. 102). Текст к плакату, выпущенному Госиздатом весной 1921 г. в связи с постановлением ВЦИК от 21 марта 1921 г. о замене продовольственной разверстки натуральным налогом. Худ. М. Черемных.

На плакате напечатаны выдержки из доклада В. И. Ленина о замене разверстки натуральным налогом на X съезде ВКП(б) 15 марта 1921 г. и постановление ВЦИК о замене продразверстки натуральным налогом.

Текст к 11-му кадру плаката был в марте того же года выпущен в виде «Окна» Главполитпросвета (№ 115).

Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена (стр. 104). Черновой автограф текста к плакату (первоначальный вариант) в записной книжке 1921 г., № 8 (БММ).

Плакат выпущен Госиздатом весной 1921 г. в связи с декретом о натуральном налоге, принятом 21 апреля 1921 г. Худ. М. Черемных. (На плакате напечатан также текст «Декрета».)

Декрет о натуральном налоге на яйца (стр. 108). Текст к плакату, выпущенному Госиздатом весной 1921 г. в связи с декретом о натуральном налоге, принятом 21 апреля 1921 г. Худ. М. Черемных. (На плакате напечатаны также текст «Декрета» и инструкция «О куроводстве и сохранении яиц».)

Трудовая взаимопомощь инвентарем (стр. 112). Текст к плакату, выпущенному Госиздатом весной 1921 г. Худ. М. Черемных. (На плакате напечатана также «Инструкция о правильном использовании живого и мертвого инвентаря путем трудовой взаимопомощи» от 19 марта 1921 г.)

150 000 000. Поэма (стр. 113).

Черновые автографы отрывков, отдельных строк и заготовок в записных книжках: 1919 г., № 2; 1920 г, № 3; 1920 г., № 5 (БММ). Машинопись с авторскими исправлениями и вставками, 1920 г. (ЦГАЛИ). Журн. «Художественное слово» (временник литературного отдела Наркомпроса), кн. I, М. 1920 (октябрь) — отрывки из поэмы: «Пролог всей книги» (гл. 1, строки 1—7) и «Часть II» (фактически гл. III, строки 485—799). Авторизованные корректурные гранки отдельного издания поэмы с датой производственного отдела Госиздата: «22 ноября 1920 г.» (ЦГАЛИ). Отдельное издание поэмы без имени автора, Гиз, М. 1921; «13 лет работы», т. II; «Избранный Маяковский»; «255 страниц».

Список с печатного текста, сделанный Л. Ю. Брик в 1924 г. для предполагавшегося издания поэмы (ИМЛИ); Сочинения, т. III; «Школьный Маяковский» (отрывок поэмы, строки 485—789).

В корректурных гранках поэмы Маяковским исправлено несколько опечаток и сделаны на полях следующие указания: к строкам 30—46 «Отдельная страница в рамке, разными шрифтами, под афишу»; к строкам 1597—1603, набранным, как весь текст,— «крупно!»

Список 1924 г., сделанный с печатного текста поэмы, был сдан

в Литературно-художественный отдел Госиздата 9 октября 1924 г. Издание не было осуществлено. Авторских поправок в тексте списка нет. Рукой Маяковского написана заглавная страница списка: «В. В. Маяковский, 150 000 000».

В отличие от предыдущих изданий поэмы, где текст печатался «столбиком», Маяковский применил для предполагавшегося нового ее издания систему ступенчатой разбивки стиховых строк, на которую он перешел с 1923 г. Список сделан с оригинала, где произведена была Маяковским соответствующая разметка текста. Оригинал не сохранился. В настоящем издании текст печатается по принципу ступенчатой разбивки стиховой строки.

Поэма была задумана и начата в первой половине 1919 г., окончена в марте 1920 г.

Заглавие поэмы имело несколько вариантов: «Воля миллионов», «Былина об Иване», «Иван Былина. Эпос революции».

5 марта 1920 г. Маяковский читал отрывки из поэмы «150 000 000» на открытии клуба при Всероссийском Союзе поэтов (Москва), затем полностью — 4 декабря 1920 г.— в петроградском Доме искусств и 12 декабря 1920 г. —в Москве, в Политехническом музее.

В настоящем издании следующие строки печатаются по тексту сборника «255 страниц».

Строка 162. «Обратно в России русло не поляжем» вместо «Обратно в России руслом не поляжем».

Строка 533. «с тысчесильной машиною» вместо «с тысячесильной машиною».

Строка 597. «из гущенного солнца кована» вместо «из сгущенного солнца кована».

Строка 1118. «Сверльнуло глаза маяка одноглазье» вместо «Свернуло глаза маяка одноглазье».

Строка 1252. «посреди ветров обвываний» вместо «посреди ветров обмываний».

Строки 1440—1441. «И когда пресекаться дух стран стал» вместо «И когда пересекаться дух стран стал».

Строка 1619 «в красном сияньи» вместо «в красном сиянии».

Строка 1685. «Вам неумолкающих слав слова» вместо «Вам, неумолкающих слав слова».

Строки 48, 86, 173, 204, 430. «Идемидем!» и строка 142 — «Скорейскорей!» печатаются слитно, как во всех изданиях, кроме Сочинений, т. III.

Строка 54. *Керенки* — название бумажных денег, выпущенных в 1917 г. правительством Керенского.

Строка 71. *Вильсон Вудро* — см. стр. 501

Строка 75. *Ллойд-Джордж* — см. стр. 501

Строки 103—104. *Но мы не подписывали договора в Версале*— Версальский договор, подписанный в 1919 г. потерпевшей военное поражение Германией со странами Антанты.

Строки 194—195. *Это же не важно, чтоб торговать сахарином* — сахарин, заменявший в годы гражданской войны сахар, был предметом рыночной торговли и спекуляции

Строка 316. *Парабеллум* — система автоматического пистолета.

Строка 663. ... *возвышается башней Сухаревой.*— Сухарева башня в Москве, ныне снесенная, стояла на Сухаревской (теперь Колхозной) площади.

Строки 735—736. *Аделина Патти* — знаменитая итальянская певица второй половины XIX в.

Строка 757. *Экольдебозар* — (франц. école des beaux arts) — школа изящных искусств.

Строки 1279—1280. *Прислали из северной Трои начиненного бунтом человека-коня* — происхождение этого образа связано с мифом о греко-троянской войне. После многих лет безуспешной осады Трои греки взяли город хитростью: они построили громадного деревянного коня, спрятали в него своих воинов и, поставив его у ворот Трои, ушли. Торжествующие троянцы втащили коня в город, когда же настала ночь, греческие воины вылезли из коня и овладели Троей.

Строка 1578. *Главковерх* — верховный главнокомандующий.

ПЬЕСЫ

Мистерия-буфф (стр. 167).

Отдельное издание 1918 г.; 2-е изд. 1919 г.; «Все сочиненное»; «13 лет работы», т. II; «255 страниц», Сочинения, т. III; «Школьный Маяковский» (отрывок из II действия, строки 829—956).

Строки 1395—1396 — в настоящем издании печатаются по тексту сб. «255 страниц» и всех предшествующих изданий.

А для кого хлеб?
Соль?

вместо:

А для кого хлеб-
соль?

Пьеса написана к первой годовщине Октября. Задумана еще в августе 1917 г. Вплотную к работе над ней Маяковский приступил уже после Октябрьской революции, летом 1918 г. Писал пьесу на даче под Петроградом, в Левашове. 27 сентября 1918 г. Маяковский впервые прочел пьесу на квартире друзей, в числе слушателей присутствовал нарком просвещения А. В. Луначарский. Выступая 10 октября 1918 г. на открытии Петроградских государственных художественно-учебных мастерских, А. В. Луначарский дал такую характеристику «Мистерии-буфф»: «... Поэт Маяковский написал поэтическое произведение, которое назвал «Мистерией-буфф» ... Содержание этого произведения дано всеми гигантскими переживаниями настоящей современности, содержание, впервые в произведениях искусства последнего времени адэкватное явлениям жизни» («Луначарский об искусстве», П., изд. Отдела изобразительных искусств Наркомпроса, 1918). Пьеса была прочитана Маяковским в Петроградском центральном бюро по проведению празднеств первой годовщины Октябрьской революции и включена в репертуар праздничных спектаклей. Но постановка ее встретила значительные затруднения. По предложению А. В. Луначарского Маяковский прочел пьесу актерам бывшего Александринского театра. Недоброжелательное отношение к пьесе со стороны «старых» актеров труппы этого театра заставило отказаться от мысли о постановке в нем пьесы.

Для спектакля было предоставлено помещение театра Музыкальной драмы. Осуществить спектакль решено было силами актеров, приглашенных по объявлению в газетах. За подписью Маяковского и еще нескольких лиц 12 октября 1918 г. в газете «Северная коммуна» и в ряде других петроградских газет напечатано было следующее «Обращение к актерам»:

«Товарищи актеры! Вы обязаны великий праздник революции ознаменовать революционным спектаклем. Вами должна быть разыграна «Мистерия-буфф», героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Вл. Маяковским. Приходите все в воскресенье 13 октября в зал Тенишевского училища (Моховая, 33). Автор прочтет «Мистерию», режиссер изложит план постановки, художник покажет эскизы, а те из вас, кто загорится этой работой, будут исполнителями. Центральное бюро по устройству октябрьских торжеств предоставляет все необходимые средства для осуществления «Мистерии». Все к работе! Время дорого. Просят являться только товарищей, желающих принять участие в постановке. Число мест ограниченно».

Роль «Человека просто» исполнял Маяковский. На премьере ему же пришлось играть и роль Мафусаила и одного из чертей, так как исполнители этих ролей не явились.

Премьера «Мистерии-буфф» в постановке Вс. Мейерхольда и Маяковского состоялась 7 ноября 1918 г. Дано было всего три спектакля: 7—8—9 ноября.

За два дня до спектакля — 5 ноября 1918 г. А. В. Луначарский выступил в газете «Петроградская правда» со статьей «Коммунистический спектакль», в которой писал: «Единственной пьесой, которая задумана под влиянием нашей революции и поэтому носит на себе ее печать, задорную, дерзкую, мажорную, вызывающую, является «Мистерия-буфф» Маяковского».

В 1919 г. «Мистерия-буфф» включена была в Петрограде в репертуар передвижных постановок для показа в районных театрах. Постановка не была осуществлена. Сохранились написанные для нее Маяковским эскизы костюмов и декораций.

Семь пар чистых. Семь пар нечистых. — По библейской легенде о всемирном потопе, бог покарал за грехи всех людей, кроме одного праведника Ноя, которому повелел построить ковчег и взять с собой для продолжения жизни на земле животных: семь пар чистых и семь пар нечистых.

В пьесе «чистые» — олицетворяют мир эксплуататоров, «нечистые» — трудовой народ.

Вельзевул — библейское название дьявола.

Златоуст — Иоанн Златоуст — один из проповедников христианской церкви.

Мафусаил — по библейскому преданию, прожил более 900 лет.

Строка 22. *Потерянный и возвращенный рай* — имеются в виду поэмы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» английского поэта Дж. Мильтона (1608—1674).

Строка 80. *Боши* — (франц. boche) — презрительное название немцев (появилось со времени первой мировой войны).

Строка 140. *Шваб* — немец; первоначально — житель Швабии, одной из бывших областей юго-западной Германии.

Строка 143. *Эвива Италия!* — (итал. eviva Italia!) — да здравствует Италия!

Строка 144. *Гох Фатерланд!* — (немец. hoch Faterland!) — ура, отечество!

Строка 346. *Не человек, а германский канцлер* — имеется в виду Бисмарк (1815—1898), крупнейший деятель германского империализма.

Строка 421. ... *доползем до Арарата!* — по легенде, когда спали воды всемирного потопа, Ноев ковчег оказался на горе Арарат.

Строка 436. *Первая гильдия* — русские купцы делились соответственно размерам своего капитала на гильдии (разряды). В первую гильдию входили самые богатые.

Строка 437. *Эврика* — (греч.) — нашел.

Строка 612. ...*алон занфан* — (франц. allons, enfants) начальные слова французского текста «Марсельезы».

Строка 815. *Он шел, рассекая генисаретские воды!*— По евангельскому преданию, одно из чудес Христа заключалось в том, что он перешел через Генисаретское озеро, ступая по воде, как по суше.

Строка 849... *пропсведь нагорная* — по преданию, взойдя на гору Елеонскую, Христос обратился к ученикам с проповедью своего учения.

Строки 858—860. *А если гора не идет к Магомету, то и черт с ней!*— Переделка известной поговорки: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе».

Строка 950. *Мы все Назареи!*— Пророком Назареи называли Христа, который был, по преданию, родом из Назарета.

Строка 1032. ...*ню* — (франц. nu) — голый, обнаженный; применительно к живописи — картина, изображающая обнаженное женское тело.

Строка 1079. *Сиу* — кондитерская фабрика в Москве, принадлежавшая Сиу.

Строки 1248. *X. и В.* — X. В. — сокращенное «Христос Воскресе»; этими буквами украшались предметы пасхального ритуала.

Строка 1409. «*Травиата*» — опера Верди.

Мистерия-буфф. Второй вариант (стр. 243). Черновые автографы нескольких отрывков в записной книжке 1921 г., № 8 (БММ); машинопись без авторских правок начала 1921 г. (хранится у А. В. Февральского). Первое издание — приложение к журн. «Вестник театра», № 91—92, М. 1921, 15 июня; черновые автографы вставок в текст, отрывков пролога и вставки во II действие к спектаклю в честь делегатов III конгресса Коммунистического Интернационала в записной книжке 1921 г., № 9 (БММ); беловой автограф пролога и вставки во II действие (БММ); машинопись пролога и вставки во II действие (хранится у А. В. Февральского); Сочинения, т. III.

Второй вариант написан через два с лишним года после первого в связи со включением пьесы в репертуар Московского театра РСФСР Первого, руководимого Вс. Мейерхольдом. Начат в октябре 1920 г., закончен в декабре 1920 — начале января 1921 гг.

В собраниях сочинений (двухтомник «13 лет работы» и Сочинения, т. III) Маяковский печатал рядом оба варианта как два самостоятельных произведения.

В настоящем издании следующие строки печатаются по тексту журн. «Вестник театра».

Строки 296—298.

Сначала была русской,—
Россия мне стала узкой.
Эти большевики — такой ужас!

вместо:

Сначала была русской.
Эти большевики — такой ужас!

После строки 363 печатается:

Рыбак

(Злобно. И рыбак и француз костыляют шею соглашателю.)

вместо:

(И рыбак и француз костыляют шею соглашателю.)

Ремарка после строки 483:

Прямо из зала к напряженно вглядывающимся.

вместо: Прямо к напряженно вглядывающимся.

Строки 1825—1826:

Чем же теперь нам грешников крыть?
Придется лавочку совсем закрыть.

вместо:

Чем же теперь нам грешников крыть?

Строки 2265—2266.

А для кого хлеб?
Соль?

вместо:

А для кого хлеб-
соль?

Премьера второго варианта «Мистерии-буфф» состоялась 1 мая 1921 г. в Московском театре РСФСР Первом. Спектакль шел после этого ежедневно до закрытия сезона (7 июля).

В последних числах июня 1921 г. в Москве же осуществлена была специальная постановка второго варианта пьесы в честь делегатов III конгресса Коммунистического Интернационала. Пьеса шла на немецком языке в переводе Риты Райт, в помещении Первого государственного цирка. В спектакле принимали участие актеры, приглашенные из различных московских театров.

Для этого спектакля Маяковский написал новый пролог, непосредственно адресованный к представителям международного пролетариата, новый эпилог и диалог «соглашателя» и «нечистых».

Маяковский написал также либретто к пьесе, напечатанное (без подписи) в программе спектакля. Пролог и диалог «соглашателя» с «нечистыми» печатается по машинописному тексту. Текст эпилога не сохранился.

Пролог и эпилог «соглашателя» с «нечистыми» впервые опубликованы в Полн. собр. соч., т. III, Гихл, М. 1934 г.

«Мистерия-буфф» во втором варианте была поставлена в 1921 г. в Томске, Перми (Молотове), Тамбове, Екатеринбурге (Свердловске), Краснодаре, Харькове, Омске; в 1922 г. — в Иркутске, Красноярске; в 1923 г.—в Москве и в трех театрах Казани.

Саваоф — библейское название бога.

Строка 118. *Фридрихштрассе* — улица в Берлине.

Строка 124. *Шейдеман* — германский политический деятель, представитель правых социал-демократов. Во время ноябрьской революции 1918 г. в Германии и затем в период своего пребывания во временном правительстве — предатель германского пролетариата.

Строка 132. *Аллея Побед* — см. стр. 493.

Строка 133. *Гогенцоллерны* — династия последних германских императоров.

Строка 151 ...*от Фоша ли это, или от*...—имеется в виду наступление на Германию, предпринятое в 1918 г. армиями Антанты, под общим командованием французского маршала Фоша, а также вспыхнувшее в ноябре 1918 г. в Германии революционное движение рабочих.

Строка 213. *Вив ля Франс!* — (франц. vive la France!) — да здравствует Франция!

Строка 217. *Империал* — русская старинная золотая монета.

Строка 276. *Ллойд-Джордж* — см. стр. 501.

Строка 573. *Николаевки* — употребляемое в просторечии название царских бумажных денег, выпущенных при Николае II.

Строка 585. *Сухаревка* — распространенное название одного из крупных московских рынков, существовавшего на Сухаревой (ныне Колхозной) площади. «Сухаревка» была одним из главных очагов спекуляции, и в конце 1920 г. этот рынок был закрыт.

Клемансо — см. стр. 502.

Строка 1309. ...*третья категория* — имеются в виду продовольственные карточки, по различным категориям которых снабжалось городское население в годы гражданской войны.

Строка 1717. *«Долой тиранов, прочь оковы»* — первая строка популярной революционной песни «Красное знамя».

Строки 1884—1889. *Вздор перетряхивание! Нужны назначенцы... Вот тебе раз! Необходимы буфера-с.*— Имеется в виду дискуссия о профсоюзах 1920—1921 гг.

Строки 2128—2129. *Тверская, Садовая* — улицы в Москве. Тверская — ныне улица Горького.

А что, если? Первомайские грезы в буржуазном кресле (стр. 361). Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4 (БММ). Беловой автограф 1920 г. (БММ).

Написана так же, как и две другие агитпьесы — «Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое» и «Как кто проводит время, праздники празднуя»... — в марте — апреле 1920 г. для Государственной опытно-показательной студии Театра Сатиры (Москва). Пьесы предназначались для спектаклей в первомайские праздники, но показаны в эти дни не были.

Печатается по автографу.

Пьеса «А что, если?..» была поставлена студией Театра Сатиры в 1920 г. (Режиссер — А. П. Зонов. Художник — И. А. Малютин.)

Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое (стр. 371). Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4 (БММ). Машинопись 1920 г. без правок (хранится у А. В. Февральского).

Печатается по машинописному тексту.

Пьеса была поставлена в Театре революционной сатиры (Теревсат) 29 января 1921 г. См. примечание к пьесе «А что, если?..»

Как кто проводит время, праздники празднуя (На этот счет замечания разные) (стр. 383). Черновой автограф в записной книжке 1920 г., № 4 (БММ). Беловой автограф 1920 г. (БММ).

Печатается по автографу.

Пьеса была поставлена в 1922 г. в клубе полигона военной школы «Выстрел». (См. примечание к пьесе «А что если?..»)

Все три пьесы впервые были опубликованы в «Альманахе с Маяковским», «Советский писатель», М. 1934.

Чемпионат всемирной классовой борьбы (стр. 395). Написана для цирка осенью 1920 г. Тогда же поставлена во Втором государственном цирке (Москва) артистом цирка В. Е. Лазаренко, для которого она и предназначалась.

Пьеса впервые опубликована в 1935 г. в «Литературной газете», № 31, 5 июня.

Вчерашний подвиг (Что сделано нами с отобранными у крестьян семенами). Театральный отчет (стр. 405). Пьеса написана, повидимому, осенью 1921 г. в связи с проводившейся кампанией по сбору семян для крестьян голодающего Поволжья.

Машинопись без правок (БММ).

Печатается по машинописному тексту.

Впервые опубликовано в Полн. собр. соч., т. III, Гихл, М. 1939.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А что, если? Первомайские грезы в буржуазном кресле. Пьеса — 361.

Весна — 9.
Владимир Ильич! — 32.
Всем Титам и Власам РСФСР—46.
Вчерашний подвиг (Что сделано нами с отобранными у крестьян семенами). Театральный отчет — 405.

Гейнеобразное — 40.
Герои и жертвы революции—89.
Горе — 41.

Два не совсем обычных случая — 78.

Как кто проводит время, праздники празднуя (На этот счет замечания разные). Пьеса — 383.

Левый марш — 23.
Лозунги для журнала «Бов»:
«Бей Бовом...» — 101.
«Если наш Бов тебе нравится...» — 101.

Мистерия-буфф. Пьеса — 167.
Мистерия-буфф. Второй вариант — 243.
Пролог и вставка ко второму варианту Мистерии-буфф — 356.
Либретто Мистерии-буфф для программы спектакля в честь III Конгресса Коминтерна — 359.
Мы идем—30.

Наш марш — 7.
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче — 35.
Неразбериха — 76.

Ода революции — 12.
О дряни — 73.
Отношение к барышне — 39.

Плакаты:
Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена — 104.
Декрет о натуральном налоге на яйца — 108.
Трудовая взаимопомощь инвентарем — 112.

«Эй, крестьянин, если ты не знаешь о налоге декрета, почитай, посмотри и обдумай это — 102.

Подписи к рисункам в журнале «Бов»:
1. «Беспечность хуже всякого белогвардейца...» 2. «Расхлябанность — белогвардейщина вторая». 3. «Третья белогвардейщина — советский бюрократ...» — 99.
Мильеран — 100.
Клемансо — 100.
Ллойд-Джордж — 100.
Про то, как за немцами, на денежки Антанты, отечественные двинулись, для «удушения» наняты — 96.
Раньше. Теперь — 98.
«Портсигар в траву ушел на треть...» — 42.
Последняя страничка гражданской войны — 71.
Потрясающие факты — 25.
Поэт рабочий — 18.
Приказ по армии искусства—14
Приказ № 2 армии искусств —86
Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое —371.

Радоваться рано — 16.
Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума — 63.

Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь — 68.
Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника — 49.
Советская азбука — 92.
Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе — 83.
С товарищеским приветом, Маяковский — 28.
150 000 000. Поэма — 113.

Той стороне — 20.
III Интернационал — 43.
Тучкины штучки — 8.

Хорошее отношение к лошадям — 10.

Чемпионат всемирной классовой борьбы. Пьеса — 395.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В. Маяковский. 1918 г.

В. В. Маяковский, А. В. Луначарский и Д. И. Лещенко. Фото 1918 г.

Страница записной книжки с черновой записью стихотворения «Владимир Ильич!»

Страница записной книжки с черновой записью стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

Четыре рисунка Маяковского к «Советской азбуке». 1919 г.

Афиша первого представления «Мистерии-буфф». Рисунок Маяковского. 1918 г.

Эскизы костюмов, сделанные Маяковским к «Мистерии-буфф»: «Семь пар чистых». 1919 г.

Эскизы костюмов, сделанные Маяковским к «Мистерии-буфф»: «Семь пар нечистых». 1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ *(1917—1921)*

Наш марш	7	439	490
Тучкины штучки	8		»
Весна	9		»
Хорошее отношение к лошадям	10	»	»
Ода революции	12	440	491
Приказ по армии искусства	14		»
Радоваться рано	16	»	»
Поэт рабочий	18		492
Той стороне	20	»	»
Левый марш	23	»	»
Потрясающие факты	25	»	»
С товарищеским приветом, Маяковский	28		493
Мы идем	30	»	»
Владимир Ильич!	32	441	»
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче	35	442	494
Отношение к барышне	39	445	»
Гейнеобразное	40	446	»
Горе	41	»	495
«Портсигар в траву ушел на треть...»	42	447	»
III Интернационал	43	»	»
Всем Титам и Власам РСФСР	46	449	»

[1] В первой колонке цифр указываются страницы текста, во второй — вариантов, в третьей — примечаний.

Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника	49	449	496
Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума	63	451	497
Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь	68	452	»
Последняя страничка гражданской войны	71		»
О дряни	73	»	498
Неразбериха	76	453	»
Два не совсем обычных случая	78	»	»
Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе	83	454	499
Приказ № 2 армии искусств	86	»	»

СТИХИ-ТЕКСТЫ К РИСУНКАМ И ПЛАКАТАМ *(1918—1921)*

Герои и жертвы революции	89	454	499
Советская азбука	92	»	500
Подписи к рисункам в журнале «Бов»:			
Про то, как за немцами, на денежки Антанты, отечественные двинулись, для «удушения» наняты	96		501
Раньше. Теперь.	98		»
1. «Беспечность хуже всякого белогвардейца...»	99		502
2. «Расхлябанность — белогвардейщина вторая...»	99		»
3. «Третья белогвардейщина—советский бюрократ»	99		»
Мильеран	100		»
Клемансо	100		»
Ллойд-Джордж	100		»
Лозунги для журнала «Бов»:			
«Бей Бовом...»	101		»
«Если наш Бов тебе нравится...»	101		»
Плакаты:			
«Эй, крестьянин, если ты не знаешь о налоге декрета, почитай, посмотри и обдумай это	102		502
Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена	104	454	503
Декрет о натуральном налоге на яйца	108		»
Трудовая взаимопомощь инвентарем	112		»
150 000 000. Поэма (1919—1920)	113	457	503

ПЬЕСЫ *(1918—1921)*

Мистерия-буфф	167	473	505
Мистерия-буфф. Второй вариант	243	474	508
Пролог и вставка ко второму варианту Мистерии-буфф	356		
Либретто «Мистерии-буфф» для программы спектакля в честь III Конгресса Коминтерна	359		
А что, если? Первомайские грезы в буржуазном кресле	361	478	511
Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое	371	480	»
Как кто проводит время, праздники празднуя (На этот счет замечания разные)	383	483	»
Чемпионат всемирной классовой борьбы	395		»
Вчерашний подвиг (Что сделано нами с отобранными у крестьян семенами). Театральный отчет	405		512
ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ	437		
ПРИМЕЧАНИЯ	485		
Алфавитный указатель	513		
Список иллюстраций	515		

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

Полное собрание сочинений. Том 2.

Редактор тома В. Перцов

Редактор *К. Малышева*

Оформление художника *Б. Воронецкого*

Технический редактор *Д. Ермоленко*

Корректор *А. Сабадаш*

Сдано в набор 6.IX 1955 г. Подписано к печати 9 XII 1955 г. А-06188. Бумага 84×108/32 — 32,5 печ. л. = 26,65 усл. печ. л. 20,87 уч.-изд. л. + 8 вкл. = 21,27 л Тираж 200 000. Заказ № 867 Цена 11 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново Басманная, 19

Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфической промышленности.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Москва, Ж-54, Валовая, 24.